

Дивер Джеффри

Адская кухня

Я профессионал. Я вышел живым из одной очень неприятной переделки.

Хамфри Богарт

1

Он поднимался по лестнице, тяжело ступая по бордовой ковровой дорожке, а там, где она была протерта насквозь, по обшарпанным дубовым доскам.

На лестничной клетке было темно; в таких кварталах лампочки из светильников под потолком и указателей аварийного выхода выкручивают быстрее, чем успевают менять.

Джон Пеллэм поднял голову, пытаясь разобраться в странном запахе. У него ничего не получилось. Почему-то этот запах вселил в него беспокойство.

Второй этаж, лестничная площадка, следующий пролет.

Наверное, Джон Пеллэм уже раз десять бывал в этом старинном жилом здании, однако до сих пор он обнаруживал какие-то новые подробности, ускользнувшие от него во время предыдущих посещений. Сегодня вечером его взгляд привлек витраж, который изображал колибри, зависшую над желтым цветком.

Столетнее здание в одном из самых бедных кварталов Нью-Йорка... Откуда этот замечательный витраж? И почему на нем изображена колибри?

Сверху донеслись шаркающие шаги, и Пеллэм поднял голову. Ему казалось, на лестнице он один. Что-то упало, с негромким глухим стуком. Послышался вздох.

Как и от непонятного запаха, от этих звуков Пеллэму стало не по себе.

Остановившись на площадке третьего этажа, он посмотрел на витраж над дверью квартиры 3-Б. Этот витраж — изображавший сойку на ветке — был выполнен так же тщательно, как и колибри внизу. Когда Пеллэм впервые пришел сюда несколько месяцев назад, он, взглянув на обшарпанный фасад, заключил, что и внутри царит такая же разруха.

Однако это оказалось не так. Внутри здание могло служить выставкой лучших образцов работы рабочих-строителей: подогнанные дубовые половицы, прочные как сталь; отштукатуренные стены без единой трещинки, гладкие как мрамор; резные балясины и перила; сводчатые ниши (встроенные в стены, предположительно, для того, чтобы в них размещались католические изваяния). Пеллэм еще никогда...

Опять этот запах. Теперь более сильный. У Пеллэма запершило в носу. Сверху снова донесся глухой стук. Вздых. Почувствовав что-то неладное, Пеллэм задрал голову и ускорил шаг. Сгребаясь под тяжестью сумки с профессиональной видеокамерой, аккумуляторами и другим оборудованием для съемки, он поднимался наверх, обливаясь потом. Было уже десять часов вечера, но на дворе — август, и погода в Нью-Йорке стояла дьявольски жаркая и душная.

Но что это за запах?

Подразнив память, запах снова исчез, скрывшись за ароматом жареного лука, чеснока и прогорклого масла. Пеллэм вспомнил, что Этти держит на плите банку из-под растворимого кофе, куда сливает со сковородок старое масло. («Должна вам сказать, на этом я экономлю уйму денег.»)

На полпути между третьим и четвертым этажами Пеллэм остановился снова, чтобы вытереть слезящиеся глаза. Именно это наконец и помогло ему вспомнить: «Студебекер».

Он отчетливо воскресил в памяти, как ярко-розовая машина его родителей, выпущенная в конце пятидесятых, похожая на космический корабль, медленно сгорает до самых покрышек. Отец Пеллэма случайно уронил сигарету на сиденье своего суперсовременного автомобиля, и от нее воспламенилась обшивка. Пеллэм, его родители и весь квартал наблюдали это зрелище с ужасом, шоком или скрытым восторгом.

И сейчас Пеллэм чувствовал тот самый запах. Дым, гарь. Внезапно его обдало облаком горячего дыма. Перегнувшись через перила, Пеллэм посмотрел вниз. Сначала он не смог ничего разглядеть в темноте, но вдруг со страшным грохотом входная дверь провалилась внутрь, и в крохотный вестибюль первого этажа и на лестничную клетку реактивной струей ворвалось пламя.

— Пожар! — крикнул Пеллэм.

Его окутало облако черного дыма, спешащее впереди пламени. Пеллэм заколотил в ближайшую дверь. Ему никто не ответил. Он попробовал было спуститься вниз, но буквально наткнулся на непреодолимую волну

дыма и искр. Пеллэм закашлялся. Все его тело содрогнулось от отвратительного воздуха, наполнившего легкие. Он стал задыхаться.

Проклятие, как же стремительно распространяется пожар! Пламя, обрывки бумаги, искры жутким смерчем кружились в лестничной шахте, поднимаясь до шестого — самого последнего этажа.

Услышав раздавшийся вверху крик, Пеллэм заглянул в шахту.

— Этти!

С площадки пятого этажа на него смотрело лицо пожилой негритянки, перегнувшейся через перила и с ужасом взиравшей на пламя. Должно быть, именно она поднималась по лестнице впереди Пеллэма, тяжело дыша и спотыкаясь. В руке Этти держала полиэтиленовый пакет с покупками. Она его выронила. Три апельсина, прыгая по ступеням, скатились вниз мимо Пеллэма и исчезли в огне, шипя и плюясь голубыми искрами.

— Джон! — воскликнула Этти. — Что... — Она закашлялась. -...со зданием?

Других слов он не разобрал.

Пеллэм бросился было к ней, но тут вдруг на площадке четвертого этажа вспыхнули ковровая дорожка и наваленная у стены куча мусора. Пламя пахнуло Пеллэму в лицо, протягивая к нему оранжевые щупальца, и он отшатнулся назад. Прилетевший снизу обрывок горящих обоев упал ему на голову, но прежде чем успел причинить хоть какой-то вред, сгорел дотла и превратился в холодный пепел. Спотыкаясь, Пеллэм спустился на площадку третьего этажа и заколотил в другую дверь.

— Этти! — что есть силы крикнул он. — Бегите к пожарному выходу! Спасайтесь!

Внизу приоткрылась дверь, и в вестибюль осторожно заглянул молодой парень-мексиканец. Его глаза были широко раскрыты от ужаса.

— Звони девять-один-один! — крикнул Пеллэм. — Звони...

Дверь захлопнулась. Пеллэм заколотил сильнее. Ему показалось, он услышал крики, но точно сказать он не мог, потому что пламя теперь оглушительно ревело, напоминая разгоняющийся грузовик. Огонь сожрал ковровую дорожку и теперь расправлялся с дубовыми перилами словно с картоном.

— Этти! — снова крикнул Пеллэм, задыхаясь от дыма.

Он упал на колени.

— Джон! Спасайся! Выбирайся отсюда. Беги!

Разделяющий их огонь разгорался. Он охватил стену, полы, лестницу. Витраж взорвался, осыпав Пеллэму лицо и плечи горячими осколками стеклянных птиц.

«Почему пламя распространяется так быстро?» — недоумевал Пеллэм, теряя силы. Всюду вокруг разлетались снопы искр, трещавших словно петарды. Воздуха не осталось. Пеллэму было нечем дышать.

— Джон, помоги мне! — донесся сверху крик Этти. — Оно с этой стороны. Я не могу...

Ее окружила стена огня. Пожилая негритянка никак не могла добраться до окна, ведущего к пожарной лестнице.

Пламя наступало на Пеллэма снизу со второго этажа и сверху с четвертого. Подняв голову, он увидел вверху, на пятом этаже Этти, которая пятилась назад от приближающегося огненного занавеса. Один из пролетов разделявшей их лестницы обрушился. Пожилая негритянка оказалась отрезана наверху.

Пеллэма охватил приступ тошноты. Он пытался воевать с тлеющими угольками, которые прожигали дыры в его рубашке и джинсах. Стена взорвалась наружу. Из пролома вырвался язык пламени, коснувшийся руки Пеллэма и запаливший рукав серой рубашки.

Пеллэм испугался не столько смерти, сколько боли от огня. Он с ужасом представил себе, как пламя ослепляет его, обугливает кожу, уничтожает легкие.

Упав на руку, он сбил огонь и снова вскочил на ноги.

— Этти!

Подняв взгляд, Пеллэм увидел, как она, отворачивая лицо от подступившего жара, раскрывает настежь окно.

— Этти! — крикнул он. — Постарайтесь выбраться на крышу. У пожарных есть веревки и лестницы...

Пятясь, Пеллэм отступил к окну, помедлил мгновение и резко бросил свою холщовую сумку на стекло. Профессиональная видеокамера стоимостью сорок тысяч долларов с грохотом покатилась по металлической лестнице. С десятков других обитателей дома, охваченные

паникой, не обращая на нее внимания, продолжали спускаться вниз в переулок.

Выбравшись на пожарную лестницу, Пеллэм оглянулся.

— Выбирайтесь на крышу! — крикнул он Этти.

Но, вероятно, этот путь тоже уже был отрезан; теперь огонь бушевал повсюду.

А может быть, негритянка, объятая ужасом, уже не могла рассуждать.

Их взгляды, разделенные бурлящим пламенем, встретились на мгновение, и Этти слабо улыбнулась. Затем, без крика, молча, Этта Уилкс Вашингтон разбила давным-давно закрашенное окно и задержалась на мгновение, глядя вниз. А потом прыгнула в пустоту в пятидесяти футах на вымощенный булыжником переулок, переулок, в котором на одном из камней, как вспомнил Пеллэм, пятьдесят пять лет назад Айзек Б. Кливленд нацарапал признание в любви шестнадцатилетней Этти Уилкс. Хрупкая фигура пожилой негритянки исчезла в дыму.

Скрежещущий стон дерева и стали, затем грохот, подобный удару молота по наковальне, — обрушилась какая-то несущая конструкция. Спасаясь от дождя оранжевых искр, Пеллэм отпрыгнул на край пожарной лестницы, едва не перевалившись через перила, и побежал вниз.

Он спешил подобно прочим обитателям дома — однако сейчас его беспокоило уже не то, как спастись от бушующего пожара. Думая про дочь Этти, Пеллэм торопился отыскать тело негритянки и оттащить его подальше от горящего дома, пока не обрушились стены, погребая Этти в огненной могиле.

2

Открыв глаза, он обнаружил, что охранник пристально смотрит на него.

— Сэр, вы здесь лечитесь?

Поспешно усевшись прямо, Пеллэм понял, что хотя бегство от огня и оставило на его теле ожоги и ссадины, доконали его последние пять часов в оранжевом пластиковом кресле в коридоре приемного покоя больницы. Затекший затылок нестерпимо ныл.

— Я заснул.

— Здесь нельзя спать.

— Я здесь лечился. Меня осмотрели вчера вечером. А потом я заснул.

— Да. Вас вылечили, и вы должны покинуть больницу.

Джинсы Пеллэма зияли прожженными дырами; он подозревал, что лицо у него черное от копоти. Наверняка охранник принял его за бродягу.

— Хорошо, я ухожу, — сдался он. — Только дайте мне одну минутку.

Пеллэм медленно покрутил голову по сторонам. Что-то в затылке хрустнуло. По всей голове разлилась парализующая боль. Поморщившись, Пеллэм огляделся вокруг. Он понял, почему охранник гонит его отсюда. Коридор был заполнен пострадавшими, которые ожидали своей очереди на прием к врачу. Слова накатывались и отступали подобно прибою: испанские, английские, арабские. Повсюду царили страх, отрешенность и раздражение, и, на взгляд Пеллэма, хуже всего была отрешенность. Справа от него сидел мужчина, подавшись вперед, опершись локтями на колени. В правой руке у мужчины болтался детский башмачок.

Охранник, предупредив Пеллэма, посчитал свою задачу выполненной и не стал следить, как тот выполнит предписание удалиться. Неспешной походкой он направился к двум подросткам, кутившим за углом «косячок».

Встав на ноги, Пеллэм потянулся. Порывшись в карманах, он нашел клочок бумаги, который ему дали вчера вечером. Прищурившись, Пеллэм стал читать, что на нем написано.

Наконец, подхватив с пола тяжелую видеокамеру, он направился по длинному коридору по стрелке, указывающей на крыло Б.

Тонкая зеленая линия почти не дергалась.

Дородный врач-индус долго стоял рядом с кроватью, уставившись на монитор «Хьюлитт-Пакард» так, словно тот был сломан. Наконец он перевел взгляд на фигуру в кровати, укутанную одеялами и простынями.

Джон Пеллэм остановился в дверях и, устало взглянув на угрюмый предрассветный пейзаж за окном Манхэттенского госпиталя, перевел взгляд на застывшее без движения тело Этти Вашингтон.

— Она в коме? — спросил он.

— Нет, — ответил врач. — Она спит. Ей ввели успокоительное.

— Она поправится?

— У нее сломана рука и порваны связки щиколотки. Каких-либо повреждений внутренних органов мы не нашли. Конечно, надо будет еще провести кое-какие тесты. Проверить головной мозг. При падении она ударилась головой. Знаете, в реанимационное отделение допускаются только близкие родственники.

— А, — ответил измученный Пеллэм. — Я ее сын.

Врач задержал на нем взгляд. Затем посмотрел на Этти Вашингтон, чья кожа была темнее красного дерева.

— Вы... ее сын? — недоуменно уставился он на Пеллэма.

Можно было ожидать, что врач, работающий в трущобах манхэттенского Вест-Сайда, должен был обладать более развитым чувством юмора.

— Знаете, что я вам скажу? — начал Пеллэм. — Дайте мне просто посидеть здесь несколько минут. Судна я не сопру. Можете их пересчитать.

По-прежнему ни тени улыбки. Но врач сказал:

— Даю вам пять минут.

Пеллэм тяжело опустился на стул и положил подбородок на руки, от чего у него стрельнуло в затылке. Выпрямившись, он чуть склонил голову набок.

Через два часа его разбудила медсестра, быстро вошедшая в палату. Взглянув на Пеллэма, она увидела повязки и порванные джинсы и не стала спрашивать, что он здесь делает.

— Кто здесь больной? — протянула она низким, грудным голосом с техасским акцентом. — И кто посетитель?

Растерев шею, Пеллэм кивнул на кровать.

— Мы по очереди меняемся местами. Как она?

— О, старушка оказалась на удивление крепкой.

— Почему она до сих пор не проснулась?

— Ее здорово накачали снотворным.

— Врач говорил о каких-то тестах...

— Они всегда так говорят. Прикрывают свою задницу. На мой взгляд, с вашей знакомой все будет в порядке. Я уже успела с ней поговорить.

— Вот как? И что она сказала?

— Кажется что-то вроде: «Кто-то сжег мою квартиру. Что за долбаный придурок сделал это?» Но только она сказала кое-что покрепче чем «долбаный придурок».

— Похоже на Этти.

— Вы пострадали во время того же пожара? — спросила медсестра, разглядывая прожженные джинсы и рубашку.

Пеллэм кивнул. Рассказал, как Этти выпрыгнула из окна. К счастью, она упала не на брусчатку, а на мешки с мусором, скопившиеся за два дня, что смягчило падение. Пеллэм отнес ее санитарам скорой помощи, после чего вернулся в горящее здание помогать другим жильцам. В конце концов дым доконал и его, и он потерял сознание. Пришел в себя Пеллэм только в больнице.

— Знаете, — сказала медсестра, — вы весь... в общем, в саже. Похожи на одного из командос из фильма со Шварценеггером.

Пеллэм провел ладонью по лицу и посмотрел на черные пальцы.

— Подождите, я сейчас.

Медсестра вышла в коридор и быстро вернулась с влажным полотенцем. Постояв в нерешительности, — как предположил Пеллэм, гадая, вытирать ли его ей самой, — она предпочла передать полотенце больному. Пеллэм тер лицо до тех пор, пока полотенце не стало черным.

— Вы... гм... не хотите кофе? — спросила медсестра.

У Пеллэма в желудке все бурлило. Наверное, он проглотил не меньше фунта пепла.

— Нет, благодарю. На что теперь стало похоже мое лицо?

— Теперь оно просто грязное. Я хочу сказать, это уже прогресс. Извините, я должна обойти больных. Счастливо оставаться.

Она скрылась в коридоре.

Вытянув перед собой свои длинные ноги, Пеллэм изучил прожженные до дыр джинсы. Похоже, их придется выбросить. Затем он несколько минут осматривал видеокамеру, которую какая-то добрая душа передала санитарам скорой помощи. В конце концов камера попала вместе с ним в реанимационную. Пеллэм устроил ей обычную проверку: хорошенько потряс. Приемник кассеты оказался немного помят, но открылся свободно; а сама кассета — та самая, на которой были записаны самые последние интервью с жильцами дома номер 458 по Тридцать шестой западной улице, — была целой и невредимой.

«Итак, Джон, о чем мы будем говорить сегодня? Ты хотел послушать о Билли Дойле, моем первом муже? Тот еще был сукин сын. Понимаешь, старик олицетворял собой всю Адскую кухню. Здесь он был большим шишкой, а в других местах его просто не замечали. Он был там ничем. У нас здесь свой собственный мир. Гм, я хочу рассказать тебе про Билли Дойла одну интересную историю. Полагаю, она тебе понравится...»

Пеллэм не помнил больше ничего из того, что рассказала ему Этти во время последней встречи пару дней назад. Он пришел к ней в ее тесную квартирку, заполненную памятными вещами, скопившимися за семидесятилетнюю жизнь: сотнями фотографий, коробочек, шкатулок, безделушек, предметов мебели, купленных на распродажах. Все съестное было спрятано от тараканов в закрытые пластмассовые контейнеры, на которые Этти приходилось тратить последние деньги. Пеллэм установил камеру, включил ее, а потом просто дал Этти говорить.

«Видишь ли, тем, кто живет в Адской кухне, приходят в голову разные мысли. Ну, понимаешь, всякие идеи. Вот Билли, тот хотел обзавестись собственным клочком земли... Он положил глаз на два участка, приблизительно там, где теперь находится конференц-зал ДжекобаДжевитса. Говорю тебе точно, если бы он их купил, то был бы очень богатым ирландишкой. Я говорю „ирландишка“, потому что он сам так себя называл.»

Пеллэм очнулся от воспоминаний, заметив какое-то движение на кровати.

Пожилая негритянка, не открывая глаз, стиснула край одеяла. Черные пальцы словно принялись перебирать невидимые бусины.

Пеллэм испугался. Он вспомнил, как месяц назад стал свидетелем последних на этом свете жестов Отиса Балма: стодвухлетний старик взглянул на лиловый куст за окном дома для престарелых Вест-Сайда и начал теревить одеяло. Балм много лет прожил в том же доме, что и Этти, и, даже прикованный к постели, был рад поговорить об Адской кухне. Внезапно старик умолк и вцепился в одеяло — как это сейчас

сделала Этти. После чего затих. Пеллэм позвал на помощь. Врач констатировал смерть. Как он объяснил, так происходит всегда. Перед концом умирающие хватаются за одеяло.

Пеллэм склонился к Этти Вашингтон. Внезапно палата огласилась громким стоном. Стон перешел в голос.

— Кто это? — Руки старухи застыли. Она открыла глаза, но, по-видимому, до сих пор не могла видеть отчетливо. — Кто тут? Где я?

— Этти, — как можно спокойнее произнес Пеллэм, — это я, Джон Пеллэм.

Прищурившись, Этти уставилась на него.

— Я плохо вижу. Где я нахожусь?

— В больнице.

Прокашляв целую минуту, она попросила стакан воды.

— Я рада, что ты пришел. Тебе удалось выбраться без приключений?

— Да, все в порядке, — заверил ее Пеллэм.

Он подал Этти стакан воды; та выпила его залпом.

— Я смутно помню, что прыгнула вниз. О, как же мне было страшно! Врач сказал, мое состояние на удивление хорошее. Так и сказал: «на удивление хорошее.» Сначала я не понимала, что он говорит, — проворчала старуха. — Он ведь индус. Не наш индеец, а настоящий индус из-за моря. Слоны и все такое. Я здесь еще не видела ни одного врача-американца.

— Раны болят?

— А ты как думаешь? — Этти внимательно осмотрела руку. — Согласись, выгляжу я ужасно.

Она прищелкнула языком, разглядывая внушительные повязки.

— Нет, вас можно фотографировать для модного журнала.

— Ты тоже выглядишь ужасно, Джон. Я так рада, что тебе удалось спастись! Последней моей мыслью, когда я падала вниз, было: «о, Джон тоже погибнет!» Вот о чем я думала.

— Я попал вниз более простым путем. Спустился по пожарной лестнице.

— Черт побери, что произошло? — пробормотала Этти.

— Не знаю. Только что не было ничего, и вдруг весь дом вспыхнул. Словно коробок со спичками.

— Я ходила в магазин и как раз поднималась к себе...

— Я вас слышал. Должно быть, вы вошли в подъезд как раз передо мной. На улице я вас не видел.

Этти продолжала:

— Мне никогда не доводилось видеть, чтобы огонь распространялся так стремительно. Это было похоже на «Аврору». Помнишь, клуб, о котором я тебе рассказывала? На Сорок девятой улице. Я одно время в нем пела. Сгорел дотла в сорок седьмом году. Тринадцатого марта. Погибла туча народу. Ты помнишь, я рассказывала об этом?

Пеллэм не помнил. Наверное, этот рассказ можно было найти в тех многих часах, отснятых на видеокассеты в квартире Этти Вашингтон.

Пожилая негритянка снова закашляла, затем шумно высморкалась.

— Дым. Это было самое страшное. Всем удалось выбраться?

— Погибших нет, — ответил Пеллэм. — Но состояние Хуана Торреса критическое. Он наверху, в реанимационной детского отделения.

Лицо Этти застыло. Пеллэм лишь однажды выдел у нее это выражение — когда она говорила о своем младшем сыне, которого много лет назад убили на Таймс-сквер.

— Хуан? — прошептала старуха. Она помолчала. — Я думала, он на несколько дней уехал к своей бабушке. В Бронкс. Так он был дома?

Похоже, это известие ужасно расстроило Этти, и Пеллэм не знал, как ее утешить. Пожилая негритянка перевела взгляд на зажатое в руках одеяло. Ее лицо посерело.

— Как вы смотрите на то, что я поставлю автограф на гипсе? — спросил Пеллэм.

— Ставь, если хочешь.

Пеллэм достал маркер.

— Можно где угодно? Ну, например, вот здесь?

Он старательно вывел круглые завитки.

В коридоре за дверью раздалась четыре раза мелодичная трель звонка.

— Я тут подумал, — сказал Пеллэм. — Вы не хотите, чтобы я позвонил вашей дочери?

— Нет, — ответила старуха. — Я уже с ней говорила. Позвонила сегодня ночью, когда пришла в сознание. Она до смерти перепугалась, но я заверила ее, что еще не собираюсь на тот свет. Дочь все равно хочет приехать и узнать, что покажут анализы. Если все окажется плохо, пусть лучше она будет здесь. Быть может, подцепит себе одного из здешних красавчиков-врачей. Например, того, что в приемном отделении. Богатый врач придется Лизбет по душе. Этого у нее не отнимешь. Как я тебе уже говорила.

В полуоткрытую дверь постучали. В палату вошли четверо мужчин в костюмах. Крупные, угрюмые; с их появлением просторная больничная палата, даже несмотря на три свободные койки, вдруг стала тесной.

Пеллэм с одного взгляда понял, что это полицейские. Значит, есть подозрения, что это был поджог. Тогда объяснима та скорость, с которой распространялся огонь.

Этти обеспокоено кивнула вошедшим.

— Миссис Вашингтон? — спросил старший по возрасту.

Ему было сорок с лишним. Щуплые плечи и животик, которому не помешало бы сжаться в размерах. Мужчина был в джинсах и ветровке, и Пеллэм заметил у него на поясе здоровенный револьвер.

— Я брандмейстер Ломакс. Это мой заместитель... — он кивнул на огромного молодого парня с телосложением культуриста. — А это следователи управления полиции Нью-Йорка.

Один из полицейских, повернувшись к Пеллэму, попросил его выйти.

— Нет-нет, — поспешно возразила Этти. — Это мой друг, он может остаться.

Полицейский посмотрел на Пеллэма, взглядом повторяя свою просьбу.

— Вы ее друг? — спросил Ломакс. — Отлично, мы и с вами поговорим. Но вы сюда больше не вернетесь. Назовите свою фамилию и место жительства вот этому офицеру и уходите.

— Прошу прощения? — улыбнулся сбитый с толку Пеллэм.

— Назовите ему фамилию и адрес, — кивнул на своего заместителя Ломакс. — А затем убирайтесь отсюда ко всем чертям! — рявкнул он.

— Я так не думаю.

Брандмейстер положил свои здоровенные ручищи на необъятную талию.

«Что ж, ты хочешь играть по-крутому, будем играть по-крутому.»

Скрестив руки на груди, Пеллэм чуть раздвинул ноги.

— Я никуда от нее не уйду.

— Джон, не надо, все в порядке.

Ломакс:

— Эта палата закрыта для посторонних. Гм, и не спрашивайте, почему. Это не ваше дело.

— Не думаю, что мои дела касаются вас хоть каким-то боком, — ответил Пеллэм.

Эта фраза была взята из написанного им много лет назад сценария, по которому так и не был снят фильм. И все эти годы Пеллэму до смерти хотелось где-нибудь ее употребить.

— Твою мать, — выругался один из полицейских, — у нас нет времени. Уберите его отсюда.

Заместитель брандмейстера схватил словно клещами Пеллэма за руку и потащил к двери. От этого движения по затекшей шее снова стрельнула резкая леденящая боль. Пеллэм дернулся, пытаясь высвободиться, и после этого полицейский решил, что Пеллэму неплохо будет пару минут отдохнуть у стены. Он припер его, едва не оторвав ноги от пола, так, что у него онемели руки, лишившиеся притока крови.

— Уберите от меня этого типа! — крикнул Ломаксу Пеллэм. — Черт побери, что здесь происходит?

Но брандмейстер был занят.

Сосредоточив внимание на маленькой белой карточке, зажатой в руке, он зачитал Этти «права Миранды»^[1], после чего объявил, что она арестована по подозрению в преступной халатности, повлекшей за собой тяжкие последствия, и поджоге.

— О, и не забудьте покушение на убийство, — окликнул его один из полицейских.

— Да-да, — пробормотал Ломакс. Взглянув на Этти, он пожал плечами. — Ну, вы его слышали.

3

Дом, в котором жила Этти, подобно большинству нью-йоркских жилых зданий, построенных в девятнадцатом веке, имел размеры тридцать пять на семьдесят пять футов и был построен из известняка. В данном случае камень был рыжеватым, цвета терракоты.

До 1901 года никаких законов, которые упорядочивали бы возведение этих шестиэтажных доходных домов, не существовало, и многие подрядчики лепили свои строения, используя гнилые доски и цементный раствор, смешанный с опилками. Но подобные здания, низкопробная дешевка, уже давно развалились. Такие же дома как этот, — объяснила Этти Вашингтон перед видеокамерой дотошного Джона Пеллэма, — были построены теми, кто делал дома на совесть. В стенах альковы для мадонны, стеклянные колибри, поющие над дверями. Ничто не могло помешать этим зданиям простоять две сотни лет.

Ничто кроме канистры с бензином и спички...

Утром Пеллэм прошелся к тому, что осталось от здания.

Уцелело совсем немного. Лишь оболочка из почерневшего камня, заваленная беспорядочной грудой обугленных матрасов, мебели, газет, утвари. Основание здания было покрыто толстым слоем липкой серо-черной грязи — пепел и вода. Пеллэм застыл, увидев торчащую из кучи обгоревшего хлама руку. Побежав было к ней, он остановился, разглядев шов на полихлорвиниловом запястье. Это был манекен.

Практичные шутки в духе Адской кухни.

На горе мусора покоилась огромная фарфоровая ванна, совершенно ровно вставшая на ножки в виде звериных лап. Ванна была доверху наполнена ржаво-бурой водой.

Пеллэм обошел пожарище, протискиваясь сквозь толпу зевак, обступивших натянутую полицией желтую ленту, похожих на покупателей, застывших у дверей универмага в ожидании распродажи. В основном это были завсегдатаи городских свалок, однако на этот раз пожива их ждала скудная. Десятки матрасов, обгоревших и грязных. Остовы дешевой мебели и утвари, раскисшие в воде книги. Понуро поднимала свои заячьи уши антенна — дом не был подключен к сети кабельного телевидения, — восседающая на оплавившемся пластмассовом шаре, в котором только по логотипу «Самсунг» и печатной плате можно было узнать телевизор.

Вонь стояла ужасная.

Наконец Пеллэм нашел того, кого искал. Произошла смена костюмов: теперь брандмейстер был в джинсах, ветровке и высоких сапогах.

Поднырнув под желтую ленту, Пеллэм натянул на лицо властную деловитость, которая позволила ему беспрепятственно пройти мимо суесящихся экспертов-криминалистов и пожарных прямо к брандмейстеру.

Он услышал, как Ломакс сказал, обращаясь к своему гиганту-заместителю, верзиле, который прижал Пеллэма к стене в палате Этти:

— Вот, видишь, кладка растрескалась. — Брандмейстер указал на расколотые кирпичи. — Здесь было самое жаркое место. Очаг возгорания за этой стеной. Тащи фотографа, пусть все заснимет.

Присев на корточки, брандмейстер подобрал что-то с земли. Пеллэм остановился в нескольких футах от него. Ломакс поднял взгляд. Пеллэм отмылся и переоделся. Камуфляжная раскраска у него на лице исчезла, и брандмейстеру потребовалось какое-то время, чтобы его узнать.

— Это вы, — наконец сказал Ломакс.

Пеллэм, решив попробовать дружелюбный подход, вежливо поинтересовался:

— Привет, как дела?

— Исчезните, — отрезал брандмейстер.

— Я просто хотел поговорить с вами пару минут.

Ломакс снова переключил внимание на землю.

В больнице у Пеллэма проверили документы и справились о нем в центральном управлении полиции. Ломакс, его приятели-полицейские и в особенности здоровенный заместитель, похоже, расстроились, узнав, что нет никаких причин задержать Пеллэма и даже подвергнуть его дотошному обыску. Поэтому они остановились на том, что быстро взяли у него показания, после чего вытолкали в коридор, предупредив, что если в течение пяти минут он не покинет больницу, его арестуют за попытку помешать расследованию.

— Всего несколько вопросов, — сейчас обратился Пеллэм к брандмейстеру.

Ломакс, помятый и взъерошенный, напомнил Пеллэму его школьного преподавателя физкультуры, давно поссорившегося со спортом. Выпрямившись, брандмейстер оглядел Пеллэма с ног до головы. Быстро, пытливо. Его взгляд не был ни осторожным, ни воинственным; Ломакс просто пытался определить, кто перед ним.

— Я хочу узнать, почему вы арестовали Этти Вашингтон, — спросил Пеллэм. — В этом нет никакой логики. Я там был. Я знаю, что она не имеет никакого отношения к пожару.

— Это место преступления.

Ломакс возвратился к растрескавшейся кладке. Его слова нельзя было назвать предостережением в чистом виде, и все же Пеллэм предположил, что истинный их смысл именно такой.

— Я просто хочу спросить вас...

— Выйдите за ограждение.

— За ограждение?

— За желтую ленту.

— Сейчас выйду. Вы только позвольте мне...

— Арестуй его, — рявкнул Ломакс своему заместителю.

Тот с готовностью поспешил исполнить приказание.

— Все-все, я уже иду.

Подняв руки, Пеллэм выбрался за ленту.

Оказавшись за ограждением, он достал из сумки видеокамеру, направил ее на затылок Ломакса и включил запись. В видискатель было видно, как полицейский в форме шепнул что-то Ломаксу. Тот оглянулся и тотчас же снова отвернулся. Позади пожарных огромной беспорядочной кучей возвышался дымящийся остов здания. Пеллэм поймал себя на мысли, что хотя сейчас он делает это исключительно ради Ломакса, могла бы получиться первоклассная сцена.

Брандмейстер старался не обращать на Пеллэма внимание столько, сколько было в его силах. Затем, не вытерпев, он подошел к нему. Отстранил объектив.

— Ну хорошо. Кончайте дурью маяться.

Пеллэм выключил видеокамеру.

— Этти Вашингтон не поджигала дом, — сказал он.

— Кто вы такой? Тележурналист?

— Что-то вроде того.

— Она его не поджигала, да? А кто поджег? Вы?

— Я дал показания вашему заместителю. Кстати, у него есть фамилия?

Ломакс пропустил это мимо ушей.

— Отвечайте на мой вопрос. Раз вы так уверены, что она не имеет никакого отношения к пожару, тогда, быть может, дом подожгли вы?

— Нет, я его не поджигал, — устало вздохнул Пеллэм.

— Как вам удалось выбраться? Из здания?

— По пожарной лестнице.

— Но старуха говорит, что когда пожар начался, ее не было дома. Кто впустил вас в подъезд?

— Рода Санчес. Из квартиры 2-Д.

— Вы и с ней знакомы?

— Встречались. Она знает, что я снимаю фильм об Этти. Вот и впустила меня.

— Если Этти не было дома, зачем вы вообще вошли в подъезд? — быстро спросил Ломакс.

— У нас была назначена встреча на десять часов вечера. Я предположил, что если Этти вышла, то она должна будет вернуться через несколько минут. Я собирался подождать наверху. Как оказалось, Этти пошла в магазин.

— Вам не показалось странным — пожилая женщина выходит на улицы Адской кухни в десять часов вечера?

— Этти живет так, как ей удобно.

Ломакс, похоже, разговорился.

— Значит, когда начался пожар, вы по счастливой случайности оказались рядом с пожарной лестницей. Как вам повезло!

— Бывает и такое, — согласился Пеллэм.

— Расскажите, что именно вы видели.

— Я уже все рассказал вашему заместителю.

— Из вашего рассказа я ни хрена не понял, — отрезал Ломакс. — Сообщите мне подробности. Помогите следствию.

Подумав, Пеллэм пришел к выводу, что чем покладистее он будет себя вести, тем, в конечном счете, будет лучше Этти. Он рассказал, как заглянул вниз в лестничный колодец и увидел, что дверь вырвало наружу. Рассказал про дым и огонь. И про искры. Сказал, что искр было очень много. Ломакс и его заместитель с фигурой профессионального борца слушали Пеллэма, казалось, совершенно безучастно.

— Боюсь, я ничем не смог вам помочь, — закончил Пеллэм.

— Если вы говорите правду, вы оказали нам огромнейшую помощь.

— Какой смысл мне лгать?

— Скажите, мистер Везунчик, чего было больше — огня или дыма?

— Наверное, больше дыма.

Брандмейстер кивнул.

— Какого цвета было пламя?

— Не знаю. Обычного. Оранжевого.

— А не голубого?

— Нет.

Ломакс сделал пометки в блокноте.

Потеряв терпение, Пеллэм спросил:

— Что у вас есть на Этти? Улики? Свидетели?

В улыбке Ломакса ясно читалась Пятая поправка^[2].

— Послушайте, — взорвался Пеллэм, — речь идет о семидесятилетней женщине...

— Послушайте, мистер Везунчик, я скажу вам вот что. В прошлом году мы расследовали в городе десять тысяч подозрительных пожаров. Более половины из них оказались следствием поджогов, из которых треть устроили женщины.

— Согласитесь, это едва ли можно считать доказательством вины Этти. Какой у нее предполагаемый мотив?

Ломакс повернулся к своему заместителю.

— Предполагаемый мотив. Этот человек слышал про предполагаемые мотивы. Откуда он это узнал? Из «Вестника полиции Нью-Йорка»? Из «Криминальной хроники»? Нет, он мне кажется обыкновенным настырным журналистом. Убирайся к такой-то матери вместе с твоим предполагаемым мотивом! Чтобы духа твоего здесь не было!

Вернувшись за ограждение, Пеллэм продолжал снимать, а Ломакс продолжал не обращать на него внимание.

Пеллэм направил камеру на угрюмый переулок за сгоревшим домом, — чтобы увековечить кучу мешков с мусором, спасших Этти, — и вдруг услышал завывание на высокой ноте, шум дыма, если только дым был способен издавать шум.

Пеллэм прошел к строительной площадке на противоположной стороне улицы, где завершалось возведение шестидесятиэтажного небоскреба. При его приближении дым превратился в слова.

— Одной из них. Я была бы одной из них.

Женщина сидела под сенью огромного мусорного бака, рядом с двумя облупленными каменными бульдогами, на протяжении ста тридцати лет охранявшими лестницу в дом Этти. Это была негритянка с симпатичным, щербатым лицом, в белой блузке, разорванной и перепачканной сажей.

Присев рядом с ней на корточки, Пеллэм спросил:

— Привет, Сибби. Как вы?

Негритянка продолжала таращиться на сгоревшее здание.

— Сибби, помните меня? Я Джон. Я вас снимал. Для фильма. Вы рассказали о том, как переехали сюда из Гарлема. Вы должны меня помнить.

Однако женщина, похоже, его не помнила. Пеллэм впервые встретил ее у входа в дом, когда пришел в очередной раз беседовать с Этти. Судя по всему, Сибби уже была наслышана о нем, потому что вместо приветствия сразу же предложила рассказать о своей жизни всего за двадцать долларов. Возможно, кое-кто из кинодокументалистов поставит под сомнение этические аспекты выплаты денег объектам съемки, но Пеллэм сунул ей в руку двадцатку и начал снимать до того, как Сибби решила, в какой карман ее убрать. Однако, это оказалось пустой тратой времени и денег; большую часть своего повествования негритянка просто выдумала.

— Вижу, вам удалось благополучно выбраться.

Сибби рассеянно объяснила, что в момент возгорания находилась дома с детьми — они только сели ужинать, рис и бобы с кетчупом. Им удалось быстро покинуть горящее здание, но затем Сибби с малышами вернулись, чтобы спасти от огня свое имущество.

— Вот только телевизор мы не смогли вытащить. Попробовали, но он оказался слишком тяжелым. Черт.

Мать позволяет своим детям так рисковать? Пеллэм поежился от этой мысли.

За спиной Сибби стояли девочка лет четырех, сжимающая сломанную куклу, и мальчик лет девяти — десяти, с грустным ртом и заразительно веселыми глазами.

— Кто-то выкурил нас отсюда, — заявил мальчишка, бесконечно гордый собой. — Вы можете себе это представить?

— Можно мне задать вам несколько вопросов? — начал Пеллэм.

Сибби промолчала.

Пеллэм начал снимать в надежде, что недавние события негритянка помнит лучше, чем дни своей молодости.

— Ого, вы из Си-эн-эн? — спросил мальчишка, уважительно глядя на красный глаз видеокамеры.

— Нет. Я работаю над фильмом. В прошлом месяце я уже снимал твою маму.

— Ох, и ни фиги себе! — восхищенно воскликнул мальчишка. — Кино. Уэсли Снайпс, Дензел Вашингтон, здорово!

— У тебя есть какие-нибудь мысли по поводу того, как начался пожар?

— Это точно ребята.

— Исмаил, заткни свою пасть! — рявкнула мать, резко очнувшись от печальных воспоминаний.

«Ребятами» в этом районе Нью-Йорка называют банды.

— Какие?

Женщина молчала, уставившись на ключ, вдавленный колесами машин глубоко в асфальт. Рядом валялась донышко латунной пистолетной гильзы. Негритянка подняла взгляд на закопченное здание.

— Только посмотрите!

— Да, дом был очень красивый, — сказал Пеллэм.

— А теперь от него ни хрена не осталось. — Сибби неожиданно громко щелкнула пальцами. — О, я теперь стала одной из них.

— Из кого? — спросил Пеллэм.

— Из тех, кто живет на улице. Нам придется жить на улице. Я заболею. Подцеплю проклятие Ист-Вилледжа и умру.

— Нет, с вами все будет в порядке. Город о вас позаботится.

— Город! Черта с два.

— Когда начался пожар, вы видели кого-нибудь на первом этаже?

— А то как же, черт побери, — вмешался мальчишка. — Я все видел. Это точно банды. Я сам видел. Этот ниггер держит свои глаза широко раскрытыми. Я...

Сибби со злостью отвесила сыну пощечину.

— Ничегошеньки он не видел! Не слушайте его.

Пеллэм поморщился, словно получил пощечину сам. Мальчишка заметил выражение его лица, однако молчаливое сочувствие, похожее, принесло ему утешения не больше, чем удар — боли.

— Сибби, здесь небезопасно, — сказал Пеллэм. — Переберитесь в приют. Он через два квартала.

— В приют. Черт! Мне удалось кое-что вытащить из огня. — Сибби кивнула на большую сумку. — Искала мамины кружева. Не нашла, черт, и они сгорели. — Она крикнула, обращаясь к толпящимся у пожарища зевакам: — Вы не находили здесь кружева?

Никто не обратил на нее внимания.

— Сибби, у вас есть деньги? — спросил Пеллэм.

— Пять долларов, которые мне дал один добрый человек.

Пеллэм сунул ей двадцатку. Шагнув на проезжую часть, он остановил такси. Протянул водителю другую двадцатку. — Отвезите ее в приют, тот, что на Пятидесятой.

Таксист смерил взглядом своих потенциальных пассажиров.

— Эй, знаете, моя смена уже закончилась и...

Пеллэм заставил его умолкнуть с помощью еще одной купюры.

Семейство Сибби загрузилось в машину. Исмаил, устроившийся спереди, теперь уже взирал на Пеллэма с опаской. Такси уехало. Подняв видеокамеру, которая, казалось, весила уже целую тонну, Пеллэм снова положил ее на плечо.

А это еще кто такой? Ковбой?

Высокие ботинки, голубые джинсы, черная рубашка.

Недостает только шляпы и лошади.

«И-го-го, — мысленно усмехнулся Сынок. — Тебя здесь только не хватало.»

Он проследил за тем, как ковбой запихнул сморщенную негритянку и черномазых малышей в такси, а затем вернулся к закопченным развалинам жилого дома.

В течение последних нескольких часов Сынок изучал сгоревшее здание, испытывая удовольствие, к которому примешивалась малая толика вождения. Сейчас он размышлял о шуме пожара. Перекрытия обрушились с оглушительным грохотом, но его никто не слышал. Огонь гораздо громче, чем о нем думают. Он заполняет ревом весь слух, когда языки пламени подбираются, скажем, уже к коленям.

А какие у пожара запахи! Сынок вдохнул полной грудью сладостный аромат обугленного дерева, горелой пластмассы и окислившегося металла. Наконец, неохотно очнувшись от мечтаний, он внимательно присмотрелся к ковбою. Тот снимал на видеокамеру брандмейстера, который давал указания уставшему пожарному поковыряться в куче мусора «халлигеном», инструментом, представляющим собой сочетание багра и топора на длинной ручке. Это орудие изобрел Хьюи Халлиген, один из лучших пожарных всех времен и народов, гордость управления пожарной охраны Нью-Йорка. Сынок относился к своим врагам с уважением.

И ему было многое известно о них. Так, в частности, он знал, что в городе Нью-Йорке двести пятьдесят брандмейстеров. Были среди них плохие специалисты, были и хорошие, но вот этот, по фамилии Ломакс, был настоящим мастером своего дела. На глазах у Сынка брандмейстер сфотографировал кусок обугленного дерева, словно перекушенный острыми зубами аллигатора. Черт возьми, Ломакс сразу же обратил внимание именно на него. Черные щербины на поверхности дерева были большие и блестящие — то есть, пламя распространялось быстро, и температура его была очень высокая. Полезный материал для следствия. И для суда — если Сынка когда-нибудь поймают.

Схватив шестифутовый багор, брандмейстер разбил окно первого этажа и посветил фонариком внутрь.

Несколько лет назад в управлении пожарной охраны Нью-Йорка было создано специальное подразделение «красных кепок». Брандмейстеры в красных бейсбольных кепках начали патрулирование районов города с высоким уровнем поджогов. В те дни Сынок еще только постигал азы своего ремесла; он был рад возможности узнавать брандмейстеров издалека. Теперь пожарные одевались как обычные полицейские в штатском, но у Сынка уже было достаточно опыта, чтобы распознавать врага и без красных кепок. Сейчас он по одному взгляду в глаза понимал, что этот человек превратил пожары в дело всей своей жизни.

Он или борется с ними, или их устраивает.

Встревоженный, взмокший от пота, Сынок с опаской смотрел на большую видеокамеру в руках ковбоя. От нее шел провод к аккумуляторной батарее в холщовой сумке. Это была не дешевая любительская игрушка, а дорогая профессиональная камера. Настоящая вещь.

"Кто ты такой, Джо Бак^[3]? И что ты здесь делаешь?"

Сынок потел все сильнее (что его нисколько не беспокоило, хотя в последнее время он стал очень много потеть), и у него начали дрожать руки (а вот это ему уже не нравилось, потому что человеку, зарабатывающему на жизнь изготовлением зажигательных устройств, никак нельзя иметь дрожащие руки).

Наблюдая за тем, как высокий, худой ковбой снимает со всех ракурсов сгоревшее здание, Сынок пришел к выводу, что испытывает к нему ненависть в первую очередь за его рост, а не за то, что он запечатлевает на пленку дом, который Сынок только что спалил дотла.

Однако, в глубине души он надеялся, что кадры получатся очень впечатляющими; Сынок гордился этим маленьким костерком.

Устроив поджог и выскользнув из вестибюля на улицу, он спрятался на строительной площадке напротив и включил портативный радиосканер, позволяющий прослушивать переговоры специальных служб. Сынок узнал, что диспетчер присвоил пожару вторую категорию сложности: вызов 10-45^[4], код 2. Категория его очень обрадовала — она означала, что пожар сильный, — но вот код Сынка разочаровал. «Двойка» означала, что погибших в огне нет, только пострадавшие. Код 1 означал смерть.

Ковбой продолжал снимать пепелище еще несколько минут, затем, выключив большую камеру, убрал ее в сумку.

Сынок снова посмотрел на брандмейстера и его дружков — господи, этот педераст-заместитель просто огромный! Ломакс распорядился вызвать экскаватор и как можно скорее начать разбирать завалы. Сынок мысленно отметил, что при расследовании подобного пожара это совершенно правильные действия.

Однако его беспокойство все возрастало и возрастало; вскоре оно осталось единственным чувством. Точно так же заполняется дымом коридор — только что все было чисто, и вот уже дым плотный как вата.

Но причиной беспокойства были не Ломакс и не его огромный заместитель. Все дело было в ковбое.

«Я его ненавижу. Ненавижу, ненавижу, ненавижу, ненавижу-ненавижу-ненавижу!»

Закинув забранные в хвостик длинные светлые волосы через плечо, Сынок трясущейся ладонью вытер мокрый от пота лоб и стал протискиваться сквозь толпу поближе к ковбою. Дыхание его участилось, сердце колотилось в груди все сильнее. Вдохнув в легкие пропитанный дымом воздух, Сынок медленно выпустил его через рот, наслаждаясь вкусом, наслаждаясь запахом. Он схватился за желтую полицейскую ленту, и ей тотчас же передалась охватившая его дрожь. «Перестань, перестань, перестань, перестань-перестань-перестань!»

Он искоса взглянул на ковбоя. А не такой уж тот и высокий. Разница в росте у них меньше фута. Дюймов десять, если Сынок распрямится. А то и девять.

Внезапно между ними пропихнулся еще один зевака, и Сынок оказался оттерт в сторону. Зевакой была молодая женщина в дорогом темно-зеленом двубортном костюме. Современная деловая женщина.

— Все это ужасно, — сказала она. — Просто жуть!

— Вы видели, как это произошло? — спросил ковбой.

Женщина кивнула.

— Я как раз возвращалась домой с работы. Я работаю в аудиторской фирме. А вы журналист?

— Нет, я снимал фильм о жильцах этого дома.

— Фильм. Прикольно! Документальный? Меня зовут Алиса.

— Пеллэм.

«Пеллэм, — мысленно повторил Сынок. — Пеллэм. Пел-лэм.» Он твердил, пережевывал эту фамилию до тех пор, пока она, словно верхушка колонны дыма, не скрылась из виду, оставаясь здесь.

— Сначала, — продолжала женщина, глядя в вытянутое лицо ковбою — Пеллэму, — сначала казалось, будто ничего страшного не произошло. И вдруг, огонь был уже всюду. Я хочу сказать, вспыхнул сразу весь дом.

У нее в руке был тяжелый чемоданчик с тисненной золотом надписью «Эрнст и Янг». Свободной рукой женщина возбужденно теребила прядь коротких рыжих волос. Сынок украдкой взглянул на закатанное в пластик удостоверение, болтающееся на ручке.

— Где именно это началось? — спросил Пеллэм.

Женщина по имени Алиса кивнула.

— Ну, я увидела, что пламя пробилось через окно вот здесь.

Она указала на окна первого этажа.

Сынок решил, что она совсем не похожа на Алису. Скорее в ней есть что-то от угрюмой брюнетки из сериала «Секретные материалы», которую Сынок про себя прозвал «агент Скалери»^[5].

Как и Пеллэм, агент Скалери была ростом выше Сынка. Он не любил высоких мужчин, но женщин, которые были выше его ростом, он просто люто ненавидел. А когда Алиса случайно посмотрела на него так, как посмотрела бы на белку, ненависть превратилась из злобы во что-то спокойное и очень горячее.

— Это я вызвала пожарных. Из вон того телефона-автомата на углу. Знаете, эти будки видишь, но по-настоящему не замечаешь.

Сынок также ненавидел короткие волосы, потому что они сгорают очень быстро. Он вытер вспотевшие руки о белые штаны, продолжая слушать очень внимательно. Агент Скалери поговорила о пожарных машинах и о каретах скорой помощи, о пострадавших от ожогов, от отравления дымом и от падения с большой высоты.

И о грязи.

— Здесь повсюду была грязь. Во время пожаров о грязи не думаешь.

«А кое-кто думает, — мысленно поправил ее Сынок. — Продолжай.»

Агент Скаллери рассказала Джо Баку — фальшивому ковбою о раскаленных докрасна железных болтах, расплавленном стекле и одном человеке, который вытаскивал из углей зажаренных цыплят и пожирал их, пока остальные вопили о помощи.

— Это было... — она остановилась, подыскивая точное определение, — что-то мучительное.

Сынку довелось поработать с бизнесменами и он знал, как они любят выносить суждения.

— Когда начался пожар, вы никого не видели рядом с домом?

— Видела, сзади. Несколько человек. В переулке.

— Кого именно?

— Я не обратила внимания.

— Ну хоть что-нибудь вы можете сказать? — настаивал ковбой.

Сынок напряг слух, но агент Скаллери не смогла почти ничего вспомнить.

— Мужчину. Двух мужчин. Больше я ничего не могу сказать. Извините.

— Молодых? Подростков?

— Не очень молодых. Нет, точно не могу сказать. Извините.

Пеллэм ее поблагодарил. Она не уходила, возможно, в надежде, что он ее куда-нибудь пригласит. Но Пеллэм лишь рассеянно улыбнулся, вышел на улицу и остановил такси. Сынок поспешил за ним, но прежде чем успел добежать до тротуара, ковбой уже скрылся в желтом «Шевроле». Адреса он не слышал.

Сынок пришел в бешенство от того, как легко ускользнул от него этот Пеллэм — Полуночный ковбой. Но он тут же успокоился: ничего страшного не произошло; тут речь шла не об устранении свидетелей и наказании тех, кто помешал ему делать свое дело. Нет, в данном случае это было что-то значительно более важное.

Подняв руки, Сынок вдруг обратил внимание, что они перестали дрожать. Струйка дыма, исчезающий призрак растаяли у него перед

самым носом, и ему, бессильному что-либо предпринять, оставалось только закрыть глаза и вдохнуть сладостный аромат.

Сынок долго стоял так, застывший на месте и слепой к окружающему, пока наконец медленно не вернулся на землю. Сунув руку в сумку на плече, он обнаружил, что у него осталось лишь около пинты «сиропа».

Но и этого достаточно, решил Сынок. Более чем достаточно. Иногда хватает лишь одной столовой ложки. Все зависит от того, сколько времени есть в запасе. И от изобретательности. В настоящий момент Сынок располагал всем временем на свете. А в изобретательности, как ему было прекрасно известно, он не уступал лисице.

4

Утро выдалось ветреное.

Надвигалась августовская гроза; и первое, на что, проснувшись, обратил внимание Пеллэм, когда услышал завывание ветра, было отсутствие качки.

Прошло уже три месяца с тех пор, как он поставил свой жилой автофургон «Уиннебаго» на стоянку в Уайт-Плейнс и на время расстался с кочевым образом жизни. Целых три месяца — но Пеллэм до сих пор чувствовал себя неуютно в кровати, где ему в спину не втыкались вылезшие из матраса стальные пружины. В такой сильный ветер фургон должен был бы раскачиваться словно судно в шторм.

Пеллэм также до сих пор не привык к тому, что ему приходилось выкладывать полторы тысячи долларов в месяц за навязанную ему крошечную однокомнатную квартирку в Ист-Вилледже, главным достоинством которой была ванна на кухне. ("Это называется «битчен»^[6], — заявила ему агент бюро недвижимости, забирая чек с комиссионными и арендной платой за первый месяц; при этом у нее было такое выражение лица, словно Пеллэм задолжал ей за несколько месяцев. — В наши дни клиенты сходят с ума по таким квартирам.") Четвертый этаж без лифта, на полу линолеум грязно-коричневого цвета, зеленые крашенные стены, как в больничной палате Этти Вашингтон. Но больше всего Пеллэму хотелось выяснить, откуда этот запах?

За несколько лет натурных съемок Пеллэм работал на Манхэттене лишь несколько раз. Местные киностудии в основном позакрывались, и, к тому же, из-за высоких ставок на разрешение осуществлять съемки Манхэттен, который можно увидеть в большинстве фильмов, это, как правило, Торонто, Кливленд или декорации в павильоне. Ленты, действительно снятые здесь, Пеллэму совершенно не нравились —

низкокачественные экспериментальные фильмы независимых продюсеров и пустой ширпотреб. «Дневные съемки: место действия — отель „Плаца“. Ночные съемки: место действия — Уолл-стрит.» Здесь работа специалиста по поискам натуры состояла не в том, чтобы быть третьим глазом режиссера, а лишь сводилась к правильному заполнению нужных документов в мэрии и в передаче по адресу нужных сумм, как над, так и под столом.

Но в ближайшее обозримое будущее Пеллэм не собирался заниматься поисками натуры. Всего месяц оставался до предварительного варианта первого фильма, который он снял за несколько лет, и просто первой его документальной ленты. Фильм имел рабочее название «К западу от Восьмой авеню».

Приняв душ, Пеллэм принялся укладывать непокорные черные волосы на место, размышляя над своей работой. Жесткий график оставлял ему лишь еще одну неделю съемок, после чего три недели должны были уйти на монтаж. 27 сентября истекал последний срок передачи предварительного варианта студии Ю-джи-би-эйч в Бостоне, где Пеллэм вместе с продюсером должны были работать над окончательной редакцией. Телекомпания Пи-би-эс запланировала премьеру фильма на начало весны следующего года. Одновременно Пеллэм собирался перевести фильм на киноплёнку, заново отредактировать его и разослать для ограниченного показа в кинотеатрах Соединенных Штатов и Великобритании. Ну а потом участие в фестивалях в Каннах, Венеции, Торонто и Берлине и номинация на премию «Оскар».

Разумеется, так было запланировано. Но что теперь?

Основной темой «К западу от Восьмой авеню» должны были стать жилой дом по адресу Тридцать шестая западная улица, 459 и его обитатели. Но центральной фигурой была Этти Вашингтон. После ее ареста Пеллэм начал беспокоиться, не оказался ли он гордым обладателем двухсот часов увлекательнейших интервью, которым никогда не суждено будет попасть на голубой экран.

Выйдя на улицу, он купил свежую газету и поймал такси.

Громяхающая машина металась на шоссе из стороны в сторону, словно водитель пытался оторваться от погони, и Пеллэм, читая о пожаре, вынужден был крепко держаться за ручку. Перестав быть свежей новостью, пожар быстро потерял ценность, и в сегодняшней газете сообщалось только об аресте Этти и подтверждалась информация, которая уже была известна Пеллэму, — то, что единственным серьезно пострадавшим был Хуан Торрес. Пеллэм отчетливо вспомнил мальчишку. Он брал интервью у его матери, а двенадцатилетний

подросток стоял все это время у окна, колотя левой рукой по упаковке подгузников словно по боксерской груше, настойчиво повторяя: "Мой папа, так вот, он знаком с самим Хосе Кансеко^[7]. Нет-нет, честное слово, правда, знаком!"

Если верить газете, состояние мальчишки оставалось критическим.

Заметка сопровождалась фотографией Этти, выходявшей из больницы в сопровождении женщины-полицейского. На голове у нее творилось черт те что. Блики от фотовспышек играли на хромированных наручниках на запястьях, чуть ниже гипса, на котором поставил автограф Пеллэм.

Этти Вашингтон, бывшей Дойл, урожденной Уилкс, было семьдесят два года. Она родилась в Адской кухне и за всю жизнь больше нигде не жила. Здание номер 458 по Тридцать шестой западной улице было ее домом в течение последних пяти лет. До этого Этти жила в другом похожем здании чуть выше по той же самой улице, которое было снесено. Все остальные дома, в которых Этти когда-либо проживала, также находились в Адской кухне в пределах нескольких кварталов друг от друга.

Этти лишь трижды ненадолго покидала штат Нью-Йорк, причем дважды она ездила на похороны родственников в Северную Каролину. Первые два класса в старшей школе Этти была отличницей, но затем она бросила учебу и попробовала стать певицей в кабаре. Ее карьера продолжалась несколько лет; Этти всегда выступала только в первом отделении перед какой-нибудь знаменитостью. В основном в Гарлеме или Бронксе, хотя изредка ей доводилось поработать на «Улице свинга» — в модных заведениях на Пятьдесят второй улице. Пеллэм слышал старые записи, сделанные на проволоке и перенесенные на магнитофонную ленту, и низкий грудной голос Этти произвел на него впечатление. Затем в течение нескольких лет Этти перебивалась случайными заработками, которых хватало на жизнь ей и ее любовникам, и при этом отбивалась от бесконечных предложений замужества, которые неизбежно сыплются на красивую одинокую женщину, живущую в Адской кухне. В конце концов она все же вышла замуж, запоздало и за самого неподходящего кандидата: ее мужем стал ирландец по имени Билли Дойл.

Непоседливый красавец Дойл бросил Этти много лет назад, прожив с ней всего три года.

«Мой Билли, он просто сделал то, что делают все настоящие мужчины. У них в крови этот дух бродяжничества. Это у них в натуре, и все же нелегко прощать им это. Я думаю, Джон, в тебе, наверное, тоже есть этот дух.»

Пеллэм, снимавший этот монолог на камеру, кивнул, подбадривая Этти. Однако при этом он мысленно взял на заметку вырезать последнюю фразу и сопровождавший ее многозначительный смехок.

Второй муж Этти, Гарольд Вашингтон, утонул по-пьяному в Гудзоне.

«Тут уже никакой любви не было. Но на него можно было положиться насчет денег, он никогда меня не обманывал и не повышал голос. Порой мне его очень не хватает. Когда я вспоминаю подумать о нем.»

Младший сын Этти Фрэнк пал случайной жертвой перестрелки на Таймс-сквер; его убил какой-то пьяный в пурпурном цилиндре. Дочь Элизабет, гордость старушки, работала в агентстве недвижимости в Майами. Этти собиралась через год — два перебраться жить к ней во Флориду. Старший сын Джеймс, красивый мулат, был единственным ребенком от Дойла. Он тоже подхватил заразную тягу к странствиям и подался куда-то на запад — как считала Этти, в Калифорнию. Она ничего не слышала о нем уже двенадцать лет.

В молодости Этти была знойной и красивой, хотя и несколько высокомерной (свидетельством чему служили сотни фотографий, теперь превратившихся в пепел); она и сейчас осталась обаятельной старушкой с молодой, темной кожей. Этти частенько рассуждала вслух, не стоит ли ей выкрасить ее поседевшие волосы обратно в черный цвет. Она говорила скороговоркой центральных штатов Атлантического побережья, любила вино и восхитительно готовила требуху с беконом и луком. И еще Этти как прирожденная актриса рассказывала о себе, о своих матери и бабушке, словно господь бог дал ей этот талант взамен всех остальных, которыми она оказалась обделена.

И что же будет с ней теперь?

Такси рывком пересекло Восьмую авеню, своеобразную «линию Мажино», ограничивающую Адскую кухню.

Выглянув в окно, Пеллэм увидел витрину с закрашенным словом «Бакалея», поверх которого было написано: «Молодежный потребительский центр — клинтонское отделение».

Клинтон.

Для исконных обитателей это было больным местом. Для них этот район был только «Адской кухней» и называться по-другому не мог.

«Клинтоном» же его называли городские власти, органы социального обеспечения и агентства недвижимости. Как будто смена названия может убедить широкую общественность, что эта часть города больше не

трясина дешевых меблированных квартир, бесчинствующих банд, зловонных кабаков, проституток и тротуаров, усеянных ампулами из-под «крэка», а новый Фронтир^[8], который предстоит осваивать офисам быстро развивающихся корпораций и комфортабельным жилым комплексам для молодых, целеустремленных бизнесменов.

Пеллэм вспомнил голос Этти:

«Ты слышал предание о том, как это место получило свое название? Говорят, однажды, давным-давно один полицейский здесь сказал другому: „Здесь суший ад.“ А тот ему ответил: „Ад по сравнению с этим местом еще ничего. Это адская кухня.“ Таково предание, но на самом деле все произошло совсем не так. Нет-нет. А называли это место потому, что так назывался какой-то квартал в Лондоне. А что еще такое Нью-Йорк? Даже названия районов где-то украдены.»

— Послушайте, что я говорю, — ворвался в мысли Пеллэма таксист. — То же самое, твою мать, было здесь и вчера, твою мать. И так продолжается уже несколько недель, твою мать.

Он принялся неистово жестикулировать, показывая на транспортную пробку, которая полностью перекрыла движение впереди. Судя по всему, вызвана она была строительными работами напротив сгоревшего здания — где заканчивалось возведение небоскреба. Бетономешалки непрерывно въезжали и выезжали со стройплощадки, загораживая улицу.

— Все этот долбаный небоскреб! Ох как мне хочется всех их хорошенько трахнуть! Портят такой район, твою мать!

Таксист что есть силы хлопнул ладонью по приборной панели, едва не свалив освежитель воздуха в виде короны.

Расплатившись, Пеллэм выбрался из машины, оставив водителя извергать проклятия, и пешком спустился к Гудзону.

Он прошел мимо грязных деревянных лавок: «Винни, фрукты и овощи», «Манагро, столовая», «Кьюзин, мясо и гастрономия» — в витрине этой лавки были выставлены чучела животных. Вдоль тротуаров теснились лотки с одеждой и горами трав и специй. Лавка, в которой торговали африканскими товарами, сообщала о распродаже каких-то «укпур» и «огбоно». «Спешите купить!» — призывала вывеска.

Миновав Девятую авеню, Пеллэм продолжил путь к Десятой. Он прошел мимо остова дома Этти, плававшего в сюрреалистической дымке, и

направился к убогому шестиэтажному зданию из красного кирпича на углу.

Пеллэм остановился перед написанной от руки вывеской в грязном окне первого этажа.

«Луис Бейли, эсквайр. Практикующий адвокат. Уголовные и гражданские дела, завещания, разводы, имущественный ущерб. Дорожно-транспортные происшествия. Недвижимость. Государственный нотариус. Заверенные копии документов. Обращайтесь по факсу.»

В окне недоставало двух стекол. Вместо одного была пожелтевшая газета. Вместо другого в раму была вставлена выцветшая картонная коробка из-под печенья. Пеллэм долго недоверчиво таращился на полуразрушенное здание, затем сверился по бумажке, не ошибся ли он адресом. Нет, не ошибся.

Обращайтесь по факсу...

Пеллэм толкнул дверь.

Приемная отсутствовала — контора состояла из единственной жилой комнаты, переоборудованной под офис. Помещение было завалено бумагами, папками, книгами, в том числе толстенными фолиантами, антикварным офисным оборудованием — в углу стояли дохлый компьютер, покрытый толстым слоем пыли, и факсимильный аппарат под стать ему. Около сотни юридических книг, некоторые из которых до сих пор оставались запечатанными в пожелтевший целлофан.

Табличка сообщала: *ГОСУДАРСТВЕННЫЙ НОТАРИУС.*

Адвокат стоял у строго гудящего копировального аппарата, вставляя в него по одному листы. Жаркое солнце пробивалось сквозь грязные окна; температура в комнате была не меньше ста градусов по Фаренгейту.

— Это вы Бейли?

Потное лицо обернулось. Адвокат кивнул.

— Я Джон Пеллэм.

— Друг Этти. Писатель.

— Кинодокументалист.

Они пожали руки.

Толстый адвокат провел рукой по длинным седым волосам, редеющим со лба. Он был в белой рубашке и широком изумрудно-зеленом галстуке. Его серый костюм не подходил ему ровно на один размер: брюки были слишком широки, пиджак жал в груди.

— Я бы хотел поговорить с вами о деле Этти, — сказал Пеллэм.

— Здесь слишком душно. — Сложив откопированные листы на столе, Бейли отер пот со лба. — Кондиционер капризничает. Как насчет того, чтобы перебраться в мой второй офис? У меня филиал чуть дальше на этой же улице.

«Филиал?» — подумал Пеллэм. Но вслух сказал:

— Ведите.

Луис Бейли махнул рыхлой барменше. Он не сказал ей ни слова, но она удалилась готовить его обычный заказ. Спohватившись, барменша обернулась и окликнула Пеллэма с сильным ирландским акцентом:

— А вам что?

— Кофе.

— По-ирландски?

— «Нескафе», — ответил Пеллэм.

— Я имела в виду, с виски?

— А я имел в виду — без.

— Итак, — продолжал Бейли, — результаты магнитно-резонансной томограммы отрицательные. Здоровью миссис Вашингтон ничто не угрожает. Ее перевели в женское отделение центра предварительного содержания под стражей.

— Я пытался навестить ее вчера. Меня не пустили. Ломакс, брандмейстер, отказался мне помочь.

— Этого следовало ожидать. Они всегда не доверяют тем, кто находится по другую сторону баррикад.

— Потом мне наконец удалось найти какого-то полицейского, который сказал, что Этти наняла вас.

Дверь в заведение приоткрылась с неуклюжим скрипом. В зал вошли два молодых мужчины в дорогих темных костюмах, разочарованно огляделись по сторонам и тотчас же вышли. «Филиал» конторы Бейли — дешевая рюмочная под названием «Изумрудный остров» — была не лучшим местом для бизнес-ланча.

— Я могу с ней встретиться? — спросил Пеллэм.

— Сейчас, когда ее перевели в центр предварительного содержания под стражей, это, конечно, уже можно устроить. Я говорил с прокуроршей...

— С кем?

— С помощником окружного прокурора. Обвинителем. Ее зовут Луиза Коупель. Ни плохая, ни хорошая. Она встала в позу. Думаю, дело в том, что она еврейка. Или женщина. Или молодая. Не знаю, что хуже. Я угрожал ей оспорить правомерность содержания под стражей травмированного человека — за Этти плохой уход. А ей нужно давать таблетки, делать перевязки. Но, разумеется, из этого ничего не выйдет.

— Боюсь, вы правы.

Пока Пеллэм мучился с горьким кофе, Бейли, потягивая мартини, изложил свое видение дела. Пеллэм попытался определить, насколько он компетентен. Адвокат ни разу не упомянул ни про законодательные акты, ни про схожие дела, ни про судебные порядки. Пеллэм пришел к смутному заключению, что он предпочел бы кого-нибудь более деловитого и, если и не более умного, то хотя бы в хронологическом плане более близкого к юридическому образованию.

Отпив коктейль, Бейли вдруг спросил:

— О чем ваш фильм?

— Это устное повествование об Адской кухне. Этти — мой лучший рассказчик.

— Да, эта женщина умеет рассказывать, это уж точно.

Пеллэм обвил руками горячую кружку. В баре царил ледяной холод. Из кондиционера над дверью вырывался пронизывающий ветер.

— Почему ее арестовали? Ломакс так мне ничего и не сказал.

— Да, должен вас огорчить, полиция накопила кое-что на нее.

— Накопила.

— И дела ее плохи. Свидетель видел, как Этти вошла в здание как раз перед тем, как вспыхнул пожар. Он начался внизу, рядом с котельной. У Этти был ключ от двери черного входа.

— По-моему, ключи есть у всех жильцов, разве не так?

— У многих. Но именно Этти видели у этой двери за пять минут до начала пожара.

— Вчера я встретил у пожарища одну женщину, — возразил Пеллэм. — Она рассказала мне, что видела в переулке каких-то людей. Как раз перед тем, как вспыхнул пожар. Трех или четверых мужчин. Описать их более точно женщина не смогла.

Кивнув, Бейли черкнул несколько предложений в блокнот в потрепанном кожаном переплете, украшенном золотыми инициалами — чужими.

— Этти не могла устроить поджог, — продолжал Пеллэм. — Я сам был там. Когда пожар начался, Этти находилась на лестнице, на два пролета выше меня.

— О, полиция и не думает, что Этти непосредственно подожгла здание. Однако есть основания считать, что она открыла дверь черного входа и пустила туда пироманьяка.

— Профессионального поджигателя?

— Да, профессионала. Но при этом еще и психопата. Этот тип работает в нашем городе уже несколько лет. Для поджога он использует смесь бензина и солярки. Как раз в нужной пропорции. Мерзавец знает, что делает. Понимаете, бензин очень быстро испаряется, поэтому он добавляет солярку. Поджечь такую смесь несколько сложнее, но зато при горении она выделяет больше тепла. И еще — запомните хорошенько — наш Герострат добавляет в свою адскую смесь стиральный порошок. Чтобы она прилипала к одежде и коже. Получается что-то вроде напалма. Я хочу сказать, что наемники, которые устраивают поджоги исключительно ради денег, на такое не идут. И они не поджигают здания, когда поблизости есть люди. Они не хотят, чтобы были пострадавшие. А этот тип, наоборот, обожает человеческие жертвы... Пожарные и полиция начинают беспокоиться. Он теряет последние остатки рассудка. Начальство давит, требуя его поймать.

— Значит, Ломакс полагает, что Этти наняла этого поджигателя, — задумчиво промолвил Пеллэм. — А как же то обстоятельство, что она сама едва не погибла при пожаре?

— Помощник окружного прокурора утверждает, что Этти спешила добраться до своей квартиры, чтобы обеспечить себе алиби. Прямо за окном ее квартиры проходит пожарная лестница. Но только они с поджигателем напутали со временем. Кроме того, полиция считает, что Этти специально подгадала пожар к вашему приходу. Если бы все прошло как задумано, вы бы смогли подтвердить, что она находилась у себя дома.

Пеллэм недоверчиво фыркнул.

— Этти не допустила бы, чтобы у меня с головы хоть волос упал.

— Но ведь вы пришли раньше назначенного времени, разве не так?

Пеллэм вынужден был признать:

— Да, на несколько минут. — Затем: — Но все упускают из виду одну важную деталь. Какой у Этти мог быть мотив?

— Ах да, мотив. — Как Бейли уже делал несколько раз до этого, он помолчал, приводя в порядок мысли. Допил залпом мартини и заказал еще один. — На этот раз вылей полный стаканчик, Рози О'Грейди. Пусть эти большие оливки не вводят тебя в соблазн недолить. Так вот, мотив. На прошлой неделе Этти купила страховку на свое жилье стоимостью двадцать пять тысяч долларов.

Пригубив кофе, Пеллэм отодвинул чашку. Мерзкий вкус у него во рту был лишь отчасти обусловлен отвратительным пойлом.

— Продолжайте.

— Это специальная страховка на объявленную стоимость. Когда-нибудь слышали о такой? Это означает, что Этти платит высокую страховую премию, но если квартира будет уничтожена, страховщик заплатит ей независимо от того, стояла ли там чиппендейльская мебель или картонные коробки из-под апельсинов.

— Слишком уж очевидно. Купить страховку, а через неделю поджечь дом.

— Да, но полиция просто обожает очевидные преступления, мистер Пеллэм. Как и присяжные. Жители Нью-Йорка терпеть не могут тонкие нюансы. Вот почему умным преступникам сходит с рук убийство. — Барменша принесла мартини, и Бейли зачарованно застыл, глядя на стакан словно ребенок на рождественский подарок. — И помимо всего прочего, в делах об обмане страховых фирм и мошенничестве с социальными пособиями основными подозреваемыми являются

женщины. Понимаете, если сгорает дом неработающей матери, получающей пособие, она перебирается в самую верхнюю часть очереди на улучшение жилья. Такое происходит сплошь и рядом. Брандмейстер увидел женщину, страховку и подозрительный пожар — и оп! его дело сделано.

— Кто-то пытается подставить Этти. Черт побери, если действительно все дело было в страховке, зачем поджигать все здание? Почему не ограничиться только своей квартирой?

— Это не так подозрительно. К тому же, наш пироманьяк старается причинить как можно больше ущерба. Этти просто случайно наткнулась именно на него. Вполне вероятно, она даже понятия не имела, что именно он собирается сделать.

Пеллэм, в прошлом киносценарист, частенько смотрел на жизнь как на последовательность сюжетов. И сейчас ему показалось, что в этом сюжете есть несколько дыр.

— Хорошо, Агентство должно было прислать Этти страховой полис. Что она сказала, увидев его?

— Агентство утверждает, что она сама взяла бланк, заполнила его и прислала по почте. Затем договор переправили в центральное отделение. Ее экземпляр подписанного договора был выслан Этти по почте за день до пожара, поэтому она его так и не получила.

— Значит, агент или клерк смогут подтвердить, что это была не Этти.

— Клерк опознал по фотографии Этти ту женщину, которая брала бланк договора.

Пеллэм, всегда скептически относившийся к теории заговоров, почувствовал, что сейчас имеет дело с запутанным сюжетом, достойным фильма режиссера и сценариста Оливера Стоуна.

— А что насчет страховой премии? — спросил он.

— Оплачена наличными.

— Ну а что говорит сама Этти?

— Разумеется, все отрицает, — рассеянно бросил Бейли, словно с юридической точки зрения отрицание обвиняемого значило не больше, чем муха, разгуливающая по стойке бара. — А теперь давайте перейдем к делу. Официальное предъявление обвинений назначено на завтра. Помощник окружного прокурора ворчит о том, чтобы перенести его на

более поздний срок. Вы знаете, что такое официальное предъявление обвинений? Это процедура, в ходе которой обвиняемый должен...

— Я знаю, что это такое, — остановил его Пеллэм. — Каковы шансы добиться для Этти освобождения под залог?

— На мой взгляд, сумма не должна будет быть слишком высокой. Я переговорю со знакомыми поручителями^[9]. Поскольку Этти прикована к постели, риск будет не слишком большим. К тому же, ее обвиняют не в убийстве.

— Мистер Бейли... — начал было Пеллэм.

Адвокат поднял руку.

— Пожалуйста, зовите меня Луисом.

Бейли прорычал свое имя, на мгновение превратившись в персонажа Деймона Раньона^[10], на которого ему очень хотелось быть похожим.

— Вам уже приходилось заниматься такими делами? — спросил Пеллэм.

— А. — Откинув голову назад, Бейли похлопал себя по дряблему подбородку, после чего посмотрел Пеллэму прямо в глаза. Его взгляд стал осмысленным и сосредоточенным. — Я видел, что вы изучаете меня. Галстук, купленный на распродаже. Обтрепанные манжеты. Костюм, по которому плачет помойка. Вы обратили внимание на то, что ткань чуть отличается? Брюки я износил еще два года назад, поэтому пришлось купить другие. Я выбирал самые похожие. И, как человек воспитанный, вы ни словом не обмолвились по поводу моего исключительно «жидкого» обеда. — Он театральным жестом указал на правую руку. — Это кольцо у меня из Нью-Йоркского юридического колледжа. Кстати, он не имеет никакого отношения к Государственному университету штата Нью-Йорк. Между ними огромная разница. Я учился по ночам, а днем работал в суде. Между прочим, закончил в числе лучших двадцати выпускников курса.

— Я не сомневаюсь в том, что вы великолепный юрист.

— О, разумеется, это не так, — презрительно фыркнул Бейли. — Ну и что с того? Нам с вами предстоит защищать интересы не аристократии из Ист-Сайда. И не богемы Сохо и Уэстчестера. Вот в этом случае вам бы действительно понадобился хороший адвокат. Но у нас дело обитательницы Адской кухни. Этти Вашингтон бедна, она чернокожая, факты против нее, так что присяжные признают ее виновной еще до

того, как прокурор закончит читать обвинительное заключение. И закон не имеет к этому никакого отношения.

— А что имеет?

— Шестеренки, — театральным шепотом произнес Бейли.

Пеллэм решил не разыгрывать из себя человека законопослушного и промолчал. Мимо медленно проехала машина. БМВ-кабриолет. Даже в баре было слышно буханье басов популярной рэп-песни. Пеллэм уже несколько раз слышал ее по радио.

«Это мир белых людей, не надо быть слепым...»

Машина скрылась из виду.

— Шестеренки, — продолжал Бейли, мучая оливку в стакане. — Я имею в виду вот что: знакомясь с Адской кухней, в первую очередь необходимо уяснить, что здесь вас может убить кто угодно, по любой причине. Или вовсе без причины. Это аксиома. Так что же делать, чтобы остаться в живых? Ну, проще всего вести себя так, чтобы убить тебя было достаточно трудно. Держаться подальше от темных переулков, не смотреть встречным прохожим прямо в глаза, одеваться скромно, на перекрестках держаться рядом с другими людьми, в пивных и барах вроде этого как бы случайно упоминать фамилии профсоюзных боссов или полицейских из управления Южного Среднего Манхэттена.

— А при чем тут Этти?

— Все — прокурор, полиция, пресса, — идут по пути наименьшего сопротивления. А если же что-то застрянет в шестеренках состряпанного ими дела, они начнут искать кого-нибудь еще. Найдут другого первоклассного подозреваемого. Это единственное, что мы можем сделать для Этти. Насыпать песку в шестеренки.

— В таком случае, давайте дадим полиции другого подозреваемого. У кого еще мог быть мотив? У владельца здания, правильно? Который хотел получить страховку.

— Возможно. Я загляну в земельный кадастр и выясню, как у владельца обстоят дела со страховкой.

— А почему еще кому-нибудь могло прийти в голову сжечь жилой дом?

— Ну, во-первых, подростки устраивают поджоги просто ради забавы. В нашем городе это самая распространенная причина рукотворных пожаров. Причина номер два — месть. Такой-то и такой-то спит с чьей-то

женой. Ему под дверь подливается немного легковоспламеняющейся жидкости, и дело сделано. Нередко преступники прибегают к поджогам, чтобы замести следы других преступлений. В основном, убийств с изнасилованием. Краж со взломом. Далее, как я уже говорил, мошенничества с пособиями социального обеспечения. Потом, пожары ради тщеславия — один сотрудник почты поджег свое отделение, а затем сам его погасил. Стал героем... А здесь, в Адской кухне часто подпаливают памятники истории. Город объявляет старые здания историческими достопримечательностями. Обычно если старое, обветшавшее здание перестает приносить доход, потому что стоимость технического обслуживания становится слишком высокой, владелец его сносит и на освободившемся месте строит новое, более прибыльное. Но памятник истории нельзя снести — он охраняется законом. И что происходит в этом случае? Господи, спаси и помилуй — совершенно случайно происходит пожар. Какое совпадение! Теперь владелец вправе строить все, что ему заблагорассудится. Если, конечно, его не поймают за руку.

— А дом Этти был объявлен историческим памятником?

— Не знаю. Но могу выяснить.

Тон, которым Бейли произнес последнее предложение, немного прояснил то, как смазываются шестеренки. Достав из заднего кармана брюк бумажник, Пеллэм положил его на стойку.

Лицо адвоката растянулось в подвыпившей улыбке.

— О, да-да, сэр, именно так и делаются дела в Адской кухне. Продаются все и вся. Быть может, даже я сам. — Улыбка поблекла. — А может быть, у меня просто слишком высокая цена. В здешних краях это считается этикой — когда человек продается только за очень большие деньги.

Мимо окна промчалась полицейская машина с зажженной мигалкой, но с выключенной сиреной. Почему-то эта таинственная тишина придавала этому событию особую напряженность.

Вдруг Бейли стал мрачным. Это произошло настолько внезапно, что у Пеллэма мелькнула мысль, не спровоцировал ли второй — или третий? — коктейль приступ меланхолии. Адвокат отечески взял Пеллэма за руку, и сквозь дымку в его глазах мелькнула пронизательность.

— Я хочу сказать вам одну вещь.

Пеллэм кивнул.

— Вы уверены, что вам нужно ввязываться во все это? Подождите. Прежде чем вы ответите, позвольте задать вам один вопрос. Вы говорили здесь со многими? Когда снимали фильм?

— В основном, с Этти. Но также еще взял интервью еще у человек двадцати.

Бейли кивнул, пытливо вглядываясь в лицо Пеллэма.

— Что ж, народ в Адской кухне идет на контакт легко. Вам дадут отхлебнуть виски прямо из бутылки и не станут вытирать горлышко, когда вы вернете ее назад. С вами будут часами разговаривать, сидя у подъезда. Иногда здешние люди так разговариваются, что их становится невозможно заткнуть.

— Совершенно верно, я в этом уже сам убедился.

— И это настраивает вас на добродушный лад, так?

— Ну да. Настраивает.

— Но это одни разговоры, — решительно заявил Бейли. — Это совсем не означает, что люди вас принимают. Или проникаются к вам доверием. И даже не мечтайте услышать настоящие тайны. Здешние люди ни за что не откроют их такому человеку как вы.

— Так что же хотите рассказать мне вы? — спросил Пеллэм.

Адвокат сразу стал настороженным. Наступила пауза.

— Я вам говорю, что здесь опасно. Очень опасно. И становится еще опаснее. В последнее время здесь было много пожаров, гораздо больше, чем обычно. Бандитские разборки... перестрелки...

Разделы криминальной хроники местных газет пестрели сообщениями о случаях использования огнестрельного оружия. То какие-то подростки протащили пистолет в школу. То одуревший от наркотиков стрелок уложил наповал несколько невинных прохожих. Пеллэм перестал читать газеты на второй неделе пребывания в Нью-Йорке.

— В Адской кухне настали тяжелые времена.

«По сравнению с каким временем?» — подумал Пеллэм.

— Вы действительно хотите впутаться в эту историю? — спросил Бейли. Пеллэм начал было говорить, но адвокат поднял руку, останавливая его. — Вы уверены, что не боитесь того, куда это может вас завести?

Пеллэм ответил вопросом на вопрос:

— Сколько?

Он похлопал по бумажнику.

Бейли снова провалился в пьяную дрему.

— За все? — Пожатие плечами. — Надо будет найти полицейского, который стащит для меня протокол осмотра места пожара, затем придется узнавать название страховой фирмы и все остальное, что есть у полиции на Этти. Сведения о владельце здания и городские архивы открыты для всех, но уйдут недели, если не... понимаете...

— Если не смазать шестеренки, — пробормотал Пеллэм.

— Ну, скажем, тысяча.

У Пеллэма мелькнула мысль, что же в действительности толкнуло его начать торговаться: абстрактная мораль или желание доказать самому себе, что прожженный крючоктвор напрасно считает его чересчур доверчивым.

— Пятьсот.

Бейли замялся.

— Не знаю, хватит ли этой суммы...

— Луис, Этти невиновна, — решительно заявил Пеллэм. — А это значит, на нашей стороне господь бог. Неужели в этом случае не полагается скидка?

— В Адской кухне? — громогласно расхохотался адвокат. — Это место забыто богом. Дайте мне шесть сотен, и я сделаю все что в моих силах.

5

Он развернул план города на дорогом кухонном столе.

Разгладил бумагу длинными, тонкими пальцами. Сынок получал наслаждение от контакта с бумагой, так как знал, что это перевоплощенная плоть деревьев. Он любил слушать ее шуршание, ощущать прикосновение к ней. Сынок знал, что бумага прекрасно горит.

Оторвавшись от плана, он огляделся вокруг.

И снова вернулся к большому листу бумаги. Это был подробный план Манхэттена. Сынок провел пальцем по разноцветным линиям улиц, отыскивая здание, в котором находился в настоящий момент. Наконец он дорогой шариковой ручкой отметил его крестиком. Затем отпил имбирного пива из хрустального фужера.

Послышался шорох и что-то похожее на кошачье мяуканье. Сынок бросил взгляд вправо — на свидетельницу, которая пыталась заигрывать с Джо Баком. Бедная рыжеволосая агент Скаллери из компании «Эрнст и Янг»: должно быть, на работе ей платили уйму денег, потому что квартира действительно была очень неплохой. Сынок оглядел женщину с ног до головы и снова решил, что ей было бы гораздо лучше носить волосы длинными, как у него. Она лежала на боку, связанная по рукам и ногам скотчем. Рот у нее был тоже заклеен.

— Этот ваш сериал по телевизору, — равнодушно произнес Сынок. — Знаете, я на самом деле не верю, что ФБР занимается всем этим. Неужели вы полагаете, что федеральным агентам есть какое-либо дело до инопланетян?

Он говорил ласково, но рассеянно, водя пальцем по пестрым квадратам плана — они напоминали Сынку кубики, которые подарила ему в детстве мать.

Здесь.

Он отметил еще одно здание.

И здесь.

Еще одно. Отыскав несколько зданий, Сынок отметил их крестиками. Работа предстоит большая. Но Сынок ничего не имел против работы. Доброе дело само является лучшей наградой за себя.

Испуганно посмотрев на него, агент Скаллери принялась выбивать ногами быструю, испуганную дробь.

— Ну же, ну же, ну же.

Тщательно сложив план города, Сынок убрал его в задний карман. Ручка отправилась в нагрудный карман, предусмотрительно закрытая колпачком. Сынок терпеть не мог, когда его одежда была испачкана пастой из стержней. Встав, он обошел вокруг агента Скаллери, которая продолжала лягаться, кататься по полу и мяукать.

Направившись на кухню, Сынок внимательно изучил газовую плиту с духовкой. Это была самая совершенная дорогая модель, но Сынок

рассматривал кухонную технику только с позиций своего ремесла. Свою плиту он использовал только для того, чтобы кипятить воду и заваривать чай из трав. Сынок употреблял в пищу исключительно овощи и никогда их не готовил; он находил омерзительной саму мысль о том, чтобы нагревать продукты питания. Опустившись на безукоризненно чистые плитки пола, Сынок открыл духовку. С биметаллическим клапаном, перекрывающим подачу газа, он разобрался за пять секунд, а со шлангом подачи — за десять. Помещение стало наполняться терпким запахом ароматизатора, который подмешивают к природному газу (сам газ не имеет запаха). Сладковатым, горьким и странным образом манящим — чем-то напоминающим тоник.

Затем Сынок сходил к входной двери и щелкнул выключателем, проверяя, какая лампочка зажглась — под потолком в прихожей. Встав на стул, Сынок приподнялся на цыпочки и разбил лампу гаечным ключом, обсыпав себе волосы и плечи стеклянной крошкой. Потолки в квартире были высокими, и ему пришлось вытянуться во весь рост, чтобы дотянуться. Прыгая на стуле, он представил себе, как высокая агент Скаллери смеется над ним.

Однако хорошо смеется тот, кто смеется последним, решил Сынок, вернувшись на кухню. Смерив презрительным взглядом лежащую на полу женщину, он достал из сумки банку с «сиропом» и плеснул агенту Скаллери на юбку и блузку. Та попыталась отползти от него как можно дальше.

— Ну, а кто смеется теперь, а? — спросил Сынок.

Он прошелся по квартире, гася свет и закрывая все шторы. Вернувшись к входной двери, Сынок вышел в коридор, оставив дверь чуть приоткрытой. Спустившись вниз, он записал фамилии шестерых жильцов дома.

Полчаса спустя Сынок стоял в будке телефона-автомата в квартале от дома, зажимая трубку подбородком, держа в одной руке недоеденное манго, и набирал другой номер.

С пятой попытки ему ответили:

— Алло?

— Скажите пожалуйста, это квартира Робертсов?

— Да, я Салли Робертс.

— О, здравствуйте, вы меня не знаете. Я брат Алисы Гибсон. Она живет в вашем доме.

— Алиса? Ну конечно, в квартире четыре-Д.

— Совершенно верно. Сестра как-то упомянула, что вы живете с ней в одном доме, и я узнал номер вашего телефона по справочнику. Понимаете, я несколько встревожен.

— А в чем дело? — голос женщины также наполнился беспокойством.

— Не так давно мы говорили с Алисой по телефону и она сказала, что ей очень плохо. Судя по всему, отравилась. Сестра положила трубку, а я попытался перезвонить ей, но мне никто не ответил. Мне очень неудобно просить вас, но, быть может, вы сходите к ней и проверите, как она себя чувствует? Я боюсь, как бы Алиса не потеряла сознание.

— Ну конечно же, схожу. Вы назовете мне свой телефон?

— Если не возражаете, я просто не буду вешать трубку, — сказал Сынок, заботливый родственник. — Вы так любезны!

Он откинул голову, прижавшись затылком к алюминиевой стенке будки. На ней тотчас же остались следы пота. «Ну откуда весь этот пот?» — снова подумал Сынок. Впрочем, на улице жара. Потееют все. Правда, руки дрожат далеко не у всех. Сынок прогнал эту мысль. Надо думать о чем-нибудь другом. Как, например, насчет того, чтобы подумать об ужине? Отлично. Что у него будет на ужин сегодня? Спелый помидор. Грунтовой, с плантации в Нью-Джерси. Найти такой будет нелегко. Немного соли и...

Фантасмагория. Звук сильного взрыва дошел до Сынка по телефону раньше, чем он услышал его в живую. Связь тотчас же оборвалась, так как телефонная будка содрогнулась под воздействием мощной ударной волны. Как это обычно бывает при взрыве природного газа, после яркой бело-голубой вспышки было очень мало дыма. Стекла ввалились внутрь от притока кислорода, затем тотчас же вылетели наружу, выпуская выделяющуюся при горении огромную энергию.

Пламя поглощает больше, чем испускает.

Некоторое время Сынок наблюдал за тем, как пожар распространяется до самого верхнего этажа дома, в котором жила покойная агент Скаллери. Занялась покрытая гудроном крыша, и белый дым быстро превратился сначала в серый, а затем в черный.

Сынок вытер руки о салфетку. Затем развернул план города и аккуратно обвел кружком крестик, обозначающий здание. Выбросив недоеденное манго, он быстро пошел навстречу спешащим зевакам, наслаждаясь их возбуждением и жалея о том, что они не знают, кого им надо благодарить за такое зрелище.

— Мать, как ты себя чувствуешь?

— Как она себя чувствует? — разнесся голос над холодным бетонным полом. — Как ее дела?

Этти Вашингтон лежала на койке, поджав колени к груди. Она открыла глаза. Ее первая мысль: Этти вспомнила о том, что у нее проблемы с одеждой. Она всегда очень заботилась о своем внешнем виде, отутюживала платья, юбки и блузки. Но здесь, в женском отделении центра предварительного содержания под стражей в среднем Манхэттене, где разрешают носить свои вещи — разумеется, без ремней и шнурков, — Этти Вашингтон осталась без одежды.

Когда ее привезли сюда из больницы, у нее был лишь бледно-голубой в горошинку халат с большим вырезом сзади. Без пуговиц, на завязках. Этти ужасно его стеснялась. Наконец одна из охранниц принесла ей тюремное платье. Синее. Стиранное не меньше миллиона раз. Этти сразу же прониклась к нему лютой ненавистью.

— Эй, мать, ты меня слышишь? Ты себя хорошо чувствуешь?

Над Этти склонился большой черный силуэт. Чья-то рука провела ей по лбу.

— До сих пор горячий. Наверное, у нее лихорадка.

— За этой женщиной надо присматривать, — послышался другой голос из противоположного угла комнаты.

— С ней все будет в порядке. Мать, с тобой все будет в порядке.

Грузная женщина лет сорока с небольшим опустилась на колени рядом с Этти. Больная прищурилась, чтобы лучше ее видеть.

— Как твоя рука?

— Болит, — ответила Этти. — Я ее сломала.

— Ну у тебя и гипс!

Карие глаза задержались на автографе Джона Пеллэма.

— Как тебя зовут? — спросила Этти, пытаясь усесться в кровати.

— Нет-нет, мать, ты лучше лежи. Меня зовут Хатейк Имахам, мать.

— А меня — Этти Вашингтон.

— Мы уже знаем.

Этти снова попробовала сесть, но почувствовала себя совершенно беспомощной, еще хуже, чем когда лежала на спине.

— Нет-нет-нет, мать, лежи спокойно. Не пытайся встать. Тебя притащили сюда и бросили словно мешок с мукой. Эти белые ублюдки. Просто швырнули на кровать.

В комнате было две дюжины коек, намертво прикрученных к полу болтами. Матрасы толщиной всего в дюйм были твердые, словно утрамбованная земля. Этти чувствовала бы себя более удобно, если бы лежала на полу.

Пожилая негритянка смутно помнила, как полицейские переводили ее сюда из больничной палаты. Она была измучена до предела и накачена снотворным. Ее привезли в «воронке». В кузове держаться было не за что, и Этти казалось, что водитель делал повороты, не снижая скорости, — умышленно. Она то и дело ударялась больной рукой о стены так, что у нее на глазах выступали слезы, а дважды, не удержавшись, она падала со скользкой пластиковой скамьи на пол.

— Я очень устала, — объяснила Этти, обращаясь к Хатейк.

Она обвела взглядом остальных обитательниц камеры. Центр предварительного содержания под стражей представлял собой одну просторную комнату, отгороженную решеткой, с унылыми коричневыми стенами. Подобно большинству обитателей Адской кухни, Этти Вашингтон была более или менее знакома с подобными заведениями. Она знала, что большинство находящихся здесь женщин арестованы за мелкие преступления. Кражи из магазинов, проституция, драки, мошенничество. (Этти ничего не имела против краж из магазинов, потому что это помогало содержать семью. Если женщина становилась проституткой — Этти терпеть не могла выражение «ночная бабочка» — это происходило потому, что она не могла найти приличную работу, за которую платили бы приличные деньги (к тому же, это все-таки была работа, а не дармоедство за счет пособия). Драка — это если надавать хорошенько подружке мужа? А что в этом плохого? Этти сама два — три раза проделывала это. Ну а насчет обмана чиновников из органов

социального обеспечения — о, пожалуйста. Деревья, увешанные спелыми фруктами, которые только и ждут, когда их обтрясут...)

Этти хотелось выпить. Очень хотелось. Она спрятала под гипсовую повязку стодолларовую бумажку, но, как ей показалось, из тех женщин, кто находился сейчас вместе с ней, ни у кого не было нужных связей, которые помогли бы раздобыть бутылку. Одни молодые девчонки, еще совсем дети.

Хатейк Имахам снова погладила Этти по голове.

— Мать, ты ляг в кровать. Ляг в кровать и ни о чем не думай. Я присмотрю за тобой. Достану все, что понадобится.

Хатейк отличалась солидными габаритами. Ее волосы были заплетены в тугие косички на африканский манер — так же точно, как заплела их Элизабет, уезжая из Нью-Йорка. Этти обратила внимание на большие дыры в мочках ушей Хатейк, и ей захотелось узнать, какие огромные серьги так растянули кожу. Интересно, а Элизабет тоже носит подобные украшения? Девочка очень любила покрасоваться.

— Я должна позвонить, — сказала Этти.

— Тебе разрешат позвонить, но не сейчас.

Хатейк ласково пожала ей здоровую руку.

— Какой-то ублюдок забрал все мои таблетки, — пожаловалась Этти. — Наверное, один из охранников. Они мне нужны.

Грузная негритянка рассмеялась.

— Милочка, этих таблеток уже нет в здании. Они давно проданы, исчезли. Быть может, мы с девочками попробуем что-нибудь найти. Что-нибудь такое, что тебе поможет. Наверное, рука у тебя болит как член у дьявола.

Этти едва не проговорила, что у нее есть деньги и она может заплатить. Но вдруг она интуитивно почувствовала, что пока что ее заначку надо сохранить в тайне.

— Спасибо, — сказала Этти.

Закрыв глаза, она стала думать об Элизабет. Затем вспомнила своего мужа Билли Дойла, а в конце концов ее мысли остановились на Джоне Пеллэме. Но это продолжалось не больше пяти минут, после чего Этти провалилась в сон.

— Ну?

Хатейк Имахам вернулась к женщинам, собравшимся в противоположном углу камеры.

— Эта стерва — это она все устроила. Виновна как смерть.

Хатейк не претендовала на владение настоящим колдовством, но в Адской кухне были наслышаны про ее сверхъестественные способности. И хотя Хатейк редко удавалось исцелить кого-нибудь от болезни, всем было известно, что она могла, лишь дотронувшись до человека, вывести самые сокровенные его тайны. И сейчас, ощутив горячую пульсацию, исходившую от лба Этти Вашингтон, Хатейк поняла, что это чувство вины.

— Черт, — сплюнула одна из женщин. — Это она сожгла того мальчика, сожгла маленького мальчика.

— Мальчика? — недоверчивым шепотом спросила другая. — Девочка, она устроила поджог в подвале — ты что, не читала? Дом на Тридцать шестой улице. Она могла бы сжечь всех, кто находился в нем.

— И эта стерва называет себя матерью, — прорычала тощая женщина с глубоко посаженными глазами. — Чтоб она сдохла, стерва! Я вам точно говорю...

— Шш! — замахала рукой Хатейк.

— Прикончим ее! Прикончим стерву прямо сейчас!

Хатейк грозно свела брови и сверкнула глазами.

— Молчать! Дамбалла! Мы сделаем так, как я скажу. Ты меня слышишь, девочка? Я не стану ее убивать. Дамбалла не просит больше того, что принадлежит ей по праву.

— Хорошо, сестра, — испуганно прошептала девушка. — Хорошо. Я все поняла. Что мы должны будем сделать с ней?

— Шш! — снова зашипела Хатейк, с опаской глядя на решетку, за которой дремал охранник. — Кто сегодня встретится со своим адвокатом?

Две девушки подняли руки. Проститутки. Хатейк знала, что в суде такие дела объединяются вместе и рассматриваются в первую очередь. Казалось, город хочет поскорее вернуть жриц любви обратно на улицы. Хатейк окинула взглядом ту, что постарше.

— Ты Данетта, так?

Девушка кивнула. Ее рябое лицо оставалось блаженным.

— Я попрошу тебя об одном одолжении. Как насчет этого, девочка?

— Что я должна буду сделать?

— Когда тебя приведут в зал суда, ты переговоришь со своим адвокатом.

— Да-да, сестра.

— Ты ему скажешь, что он не останется внакладе. Мне нужно, чтобы после того, как тебя выпустят отсюда, ты вернулась обратно.

Данетта нахмурилась.

— Ты хочешь... Ты хочешь, чтобы я...

— Слушай внимательно. Мне нужно, чтобы ты вернулась сюда. Завтра же.

Данетта не переставала тупо кивать, но она уже ничего не понимала.

— Я хочу, чтобы ты достала одну вещь и принесла мне ее сюда. Ты ведь знаешь, как это сделать, да? Знаешь, где ее спрятать? В заднем отверстии, а не в переднем. Поняла?

— Ну да.

Данетта кивнула с таким видом, словно ей приходилось проделывать это ежедневно.

Она обвела взглядом остальных женщин. Все до одной поддерживали приказ Хатейк.

— Я тебе заплачу, заплачу за то, что ты вернешься.

— Ты достанешь мне калики? — жадно спросила девушка.

Хатейк нахмурилась. Всем было известно, что она ненавидит наркотики, а также тех, кто их продает и употребляет.

— Девочка, ты что, спятила?

Рябое лицо застыло.

— Ты достанешь мне калики?

— Я дам тебе деньги, — с отвращением бросила огромная негритянка. А ты уж сможешь купить на них все что угодно, девочка. Если хочешь, долбай свою жизнь. Это твое дело.

— Так что мне надо будет принести обратно? — спросила Данетта.

— Шш! — зашептала Хатейк Имахам.

Мимо решетки прошел скучающий охранник.

6

— Ну и комната для свиданий, черт побери.

— О, Джон, я влипла? — спросила Этти.

— Не совсем, — успокоил ее Пеллэм. — Но, похоже, ты ходишь по самому краю болота.

— Я так рада тебя видеть.

Они сидели друг напротив друга в комнате, залитой ярким светом люминесцентных ламп. По стене неторопливо протрусил таракан, мимо засохших останков своих раздавленных сородичей. Не обращая внимания на табличку со строгим предупреждением «ФИЗИЧЕСКИЕ КОНТАКТЫ ЗАПРЕЩАЮТСЯ», Джон Пеллэм взял забинтованную руку Этти Вашингтон. Дородная женщина средних лет в форме, дежурившая в комнате свиданий, холодно взглянула на это нарушение правил, но ничего не сказала.

— Луис Бейли уверен, что сможет добиться для вас освобождения под залог, — сказал Пеллэм.

Этти выглядела плохо. Несмотря на все, что с ней случилось, она казалась слишком спокойной. Пеллэм знал, что Этти очень легко заводится. Ему не раз доводилось быть свидетелем этого — особенно когда она рассказывала о своем муже Билли Дойле, о том, как он ее бросил. И о том, как ее выгнали с последнего места работы. После многих лет работы уборщицей в Доме моды Этти выставили за дверь, не заплатив ни цента выходного пособия. И сейчас Пеллэм ожидал, что она выплеснет свой гнев на тех, кто устроил поджог, на полицию, на тюремщиков. Однако он увидел лишь покорное смирение. Его это встревожило гораздо больше, чем приступ ярости.

Этти стыдливо прикрыла ладонью грязное пятно на своем застиранном, изношенном тюремном платье.

— Охранники твердят в один голос, что как только я признаюсь в том, что устроила поджог, и назову того, кого для этого наняла, для меня все станет значительно легче.

Пеллэм, поколебавшись немного, все же решил спросить:

— Расскажите мне про страховку.

— Проклятие, Джон, никакой страховки я не покупала. Неужели меня принимают за выжившую из ума старуху, способную на подобную глупость? — Этти прижала ладонь здоровой руки к жестким курчавым черным волосам, кое-где тронутым проседью, словно пытаюсь унять головную боль. — Да и где мне взять деньги на страховку? — поморщившись, продолжала она. — Я и так с трудом расплачиваюсь по счетам. Причем частенько у меня и на это денег не хватает. Ну где я могла раздобыть деньги на страховку?

— В последний месяц вам ни разу не приходилось бывать в страховых агентствах?

— Нет, клянусь.

Нахмурившись, Этти подозрительно посмотрела на охранницу.

— Этти, я должен задать вам эти вопросы. Поймите, сотрудница страховой фирмы опознала вас по фотографии.

— Это ее проблема, — поджав губы, буркнула Этти. — Я никуда не ходила и ничего не покупала.

— А еще вас в тот вечер видели у двери черного входа в здание. Прямо перед тем, как начался пожар.

— Я действительно время от времени пользуюсь этой дверью. Достаточно часто пользуюсь — если хожу за продуктами в ночной магазин. Так короче — и мне не приходится подниматься по лестнице.

— У всех жильцов есть ключи от этой двери?

— Не знаю. Думаю, у всех.

— Вы заперли ее за собой?

— Она захлопывается сама. Мне кажется, я слышала, как щелкнул замок.

Раньше Этти, рассказывая о себе, постоянно отвлекалась на посторонние темы. Каждая мысль влекла за собой десять других. Один вопрос через

пестрый поток сознания мог привести в совершенно другое время и другое место. Однако Пеллэм заметил, что сегодня ответы Этти отличаются краткостью и осторожностью.

Наконец охранница пришла к выводу, что достаточно долго терпела ладонь Пеллэма на руке Этти.

— Физические контакты запрещаются, — грозно произнесла она.

Пеллэм отодвинулся назад. Нос охранницы был проколот тремя золотыми булавками, в каждом ухе болталось штук по десять маленьких колечек. Ее воинственность говорила о том, что она ждет не дождется, когда кто-нибудь начнет насмехаться над ее украшениями.

— Я хотел поговорить с вами о Луисе Бейли, — сказал Пеллэм. — Как вы думаете, он хороший адвокат?

— О, он прекрасно знает свое дело. Луис уже обделывал для меня одно дело. Я наняла его месяцев шесть или восемь назад, для решения одной возникшей у меня проблемы с социальной страховкой. Он отлично справился со своей задачей... Джон, эта охранница очень недобро косится на нас. На мой взгляд, она чересчур безвкусна. Натыкала булавок в нос...

Пеллэм рассмеялся.

— Одна свидетельница сказала мне, что незадолго до начала пожара видела кого-то в переулке за домом. Вы никого там не заметили, когда возвращались из магазина?

— Конечно, заметила.

— Кто это был?

— Я никого не узнала. Какие-то парни из нашего района. Они постоянно там торчат. Ты же понимаешь, это переулок. Излюбленное место сборищ подростков. Так было пятьдесят лет назад, так есть и сейчас. Есть вещи, которые не меняются со временем.

Пеллэм вспомнил слова сына Сибби — за которые тот удостоился от матери пощечины.

— Эти парни из банд? — спросил он.

— Вполне возможно. Я стараюсь в эти дела не вмешиваться. Нас особенно не трогают... Знаешь, а может быть, это были рабочие. С той стройки, что напротив. Ну, со своими телескопами на треногах. Вечно

они что-то вымеряют. Да, теперь я точно вспомнила, что видела в переулке кого-то из них. Я вспомнила это потому, что они были в пластмассовых касках. Среди них были те, кто ходил с обращением, которое мы все подписали.

Пеллэм вспомнил, как Этти рассказала ему про строительство нового небоскреба, про то, что местные жители отнеслись к этому с большим энтузиазмом. Роджер Маккенна, не уступающий в знаменитости самому Дональду Трампу^[11], возводит роскошный небоскреб в Адской кухне! Компания направила в район представителей, и те собрали подписи жителей домов, соседствующих с отведенным под строительство участком, под обращением с просьбой разрешить увеличить этажность здания на пять этажей по сравнению с разрешенной для данной зоны. Взамен поддержки строительная компания обещала открыть в здании новый овощной магазин, испанский ресторан и круглосуточную прачечную. Этти поставила свою подпись, как и большинство обитателей Адской кухни.

И только потом выяснилось, что овощной магазин принадлежит к сети сверхдорогих продуктовых универмагов и банка фасоли стоит в нем 2 доллара 39 центов, что в прачечной берут три доллара за стирку одной блузки, а что касается ресторана, в него не пускают без вечерних платьев и смокингов, а оставленные перед ним лимузины создают на окрестных улицах постоянные пробки.

Пеллэм мысленно взял на заметку разузнать подробнее об этих рабочих. Странно, почему они проводили съемки в переулке на противоположной стороне улицы от строительной площадки. И почему они работали в десять часов вечера.

— Я думаю, надо связаться с вашей дочерью, — предложил Пеллэм.

— Я уже ей звонила, — сказала Этти, с удивлением посмотрев на гипсовую повязку — словно она только что появилась у нее на руке. — Сегодня утром мы с ней долго говорили. Элизабет согласилась выслать Луису деньги за работу. Она хотела приехать завтра, но я подумала, что будет лучше, если она приедет к судебному разбирательству.

— Готов поспорить, до судебного разбирательства дело даже не дойдет.

Охранница с обилием украшений сверилась с часами.

— Так, все. Вашингтон, пошли.

— Я только что вошел сюда, — спокойно возразил Пеллэм.

— А сейчас выйдите отсюда.

— Дайте еще несколько минут.

— Время истекло. Уходите! А вы, Вашингтон, шевелитесь быстрее.

Пеллэм посмотрел охраннице в глаза.

— У этой пожилой женщины растяжение связок лодыжки. Вы не объясните мне, как она будет «шевелиться быстрее»?

— Мистер, я в ваших советах не нуждаюсь. Пошли.

Дверь распахнулась, открывая тускло освещенный коридор, в котором виднелась часть таблички «АРЕСТОВАННЫМ ЗАПРЕЩАЕТСЯ...»

— Этти, — улыбнулся Пеллэм, — не забывают, вы мне кое-что должны.

— Что?

— Конец рассказа о Билли Дойле.

Пожилая негритянка спрятала свое отчаяние под грустной улыбкой.

— Джон, тебе очень понравится этот рассказ. Он станет лучшим местом в твоём фильме. — Этти повернулась к дородной охраннице. — Уже иду, уже иду. Сжальтесь над старухой.

7

В крохотном, тесном кабинете Луиса Бейли за письменным столом сидел высокий, долговязый мужчина. Адвокат, стоя у него за плечом, вываливал скороговоркой инструкции, потягивая из бумажного стаканчика дешевое шабли.

Увидев появившегося в дверях Пеллэма, Бейли кивком пригласил его войти.

— Это Клегг.

Долговязый мужчина пожал Пеллэму руку так, словно они были хорошими друзьями. Клегг был в зеленой полиэстеровой куртке и черных джинсах. В мочке левого уха болталась стальная монетка. От него исходил приторный запах лосьона после бритья.

Адвокат принялся листать толстый потрепанный телефонный справочник, утыканный закладками.

— Так, посмотрим, что тут у нас...

Клегг повернулся к Пеллэму.

— Вы играете на скачках.

Это был не вопрос, а утверждение.

— Нет, — признался Пеллэм.

Тощий мужчина, похоже, был разочарован.

— А жаль. Если вас интересует, я могу предложить вам хорошую наводку.

— Что такое наводка?

— Подсказку, — пояснил Клегг.

— Подсказку?

— На кого ставить, чтобы не проиграть.

— Мне это ни к чему. Но все равно, спасибо.

Клегг долго разглядывал Пеллэма, затем кивнул, словно внезапно понял все, что нужно было знать об этом новом знакомом. Он долго рылся в карманах и наконец достал пачку сигарет.

— Так, кажется, готово, — наконец заявил Бейли.

Он черкнул фамилию на отрывном листке, который уже использовался несколько раз до этого. Затем, достав из ящика письменного стола две бутылки виски, адвокат уложил их в большие пакеты вместе с конвертами, содержащими, предположительно, деньги, которые еще недавно принадлежали Пеллэму.

Бейли протянул один пакет Клеггу.

— Это в кадастр земельных участков, архивисту. Найдешь жирного мужчину на третьем этаже. По фамилии Снили. Второй пакет отнесешь в управление охраны исторических памятников. Отдашь смазливой мисс Грюнвальд, которая любит кошек. Секретарше. Ей предназначается «Айриш крим». Как ты, вероятно, и сам догадался.

Смазывать шестеренки.

Или, быть может, забивать их песком.

Забрав пакеты, Клефт вышел. Пеллэм увидел в окно, как он закурил сигарету и направился к станции метро.

— Мисс Коупель, прокурорша, попросила перенести предварительное слушание дела Этти, — сказал Бейли. — Я согласился.

Пеллэм покачал головой.

— Но это значит, Этти придется дольше просидеть в тюрьме.

— Верно. Но, думаю, стоило пойти на это, чтобы порадовать стерву Коупель. — Адвокат уронил взгляд на мятый стаканчик в руке. — Она как с цепи сорвалась. Впрочем, высокое начальство требует как можно быстрее схватить нашего светлячка. Дело становится серьезным. Вы уже слышали?

— О чем? — спросил Пеллэм.

— Сегодня утром произошел еще один пожар.

— Еще один?

— В жилом доме. Кстати, совсем недалеко отсюда. Выгорело два этажа. Трое погибших. Внешне все было похоже на взрыв бытового газа, но пожарные обнаружили следы фирменного коктейля нашего друга — бензин, солярка и стиральный порошок. К тому же, одна из жертв была связана.

Бейли протянул Пеллэму мятую «Нью-Йорк пост». Тот мельком взглянул на снимок сгоревшего здания.

— Господи...

Пеллэму приходилось участвовать в съемках приключенческих боевиков. Большинство взрывов, таких зрелищных на экране, вызванных якобы динамитом или тротилом, в действительности устраивались с помощью банок с опилками, облитыми керосином, которые тщательно подготавливали пиротехники. Тем не менее, все старались держаться от этих банок подальше. А каскадеры, не имевшие ничего против прыжков с двенадцатого этажа, с огнем обращались чертовски осторожно.

Бейли сверился со своими записями.

— Так, что я нашел, что я нашел... Черт бы побрал этот кондиционер! Щелкните вон тем тумблером. Это все компрессор. Щелкните тумблером. Ну как, заработал?

Пеллэм щелкнул тумблером. Пыльный старый агрегат никак на это не отреагировал. Проворчав что-то неразборчивое, затерявшееся за гулом мотора, Бейли взял со стола ленту факса.

— Предварительный протокол осмотра здания, в котором жила Этти. На то, чтобы его достать, ушли почти все ваши деньги. Я сделал для вас копию. Прочтите и прослезитесь.

Конфиденциально, не подлежит разглашению

МЕМОРАНДУМ

Составил: старший брандмейстер Генри Ломакс

Для: Луизы Коупель, помощника окружного прокурора

Тема: предварительное заключение по поводу подозрительного пожара в жилом здании по адресу: Тридцать шестая западная улица, дом 458.

Десятого августа в 21:58 был получен звонок из телефона-автомата номер 598 на Десятой авеню, в котором сообщалось о пожаре в доме 458 по Тридцать шестой западной улице. Служба 911 получила сообщение в 22:02, в котором говорилось то же самое. Пожарная команда Три-восемь откликнулась на первый вызов. Капитан, прибывший на место происшествия, заключил, что вследствие силы пожара и наличия пострадавших необходимо вызвать подкрепление. Сообщение об этом поступило в 22:17.

На место пожара прибыли пожарная машина 26, пожарная машина 33, машина с брандспойтом 48, машина с брандспойтом 16, машина с выдвижной лестницей 17. Немедленно были развернуты пожарные рукава, и на три верхних этажа стала подаваться вода. Доступ в здание был обеспечен через пожарную дверь третьего этажа; все находившиеся в здании люди были благополучно эвакуированы.

Капитан, руководивший тушением пожара, определил, что пламя сильно разрушило несущие конструкции верхних этажей, и доступ через слуховые окна на крыше стал опасным. Пожарные расчеты были отведены назад. Вскоре после этого крыша и два верхних этажа обрушились.

Пожар удалось локализовать к 23:02, все пожарные команды покинули место происшествия к 00:30.

Капитан вызвал брандмейстера, поскольку характер пламени позволил предположить подозрительный характер возникновения пожара.

Я прибыл на место в 01:00 и тотчас же приступил к расследованию.

Я определил, что эпицентр пожара находился в подвальном помещении здания. Это подтвердилось наличием расплавленного алюминия и лопнувшего от высокой температуры кирпича. Я заметил, что окна подвала были выбиты наружу не вследствие температурного удара. Эти окна были разбиты каким-то предметом, предположительно для обеспечения лучшего доступа воздуха, питавшего огонь. Это подкрепляется показаниями свидетелей, утверждающих, что языки пламени не имели голубоватой окраски (что указывало бы на высокую концентрацию угарного газа, чего следовало бы ожидать при горении в замкнутом пространстве), а были оранжевыми, что указывает на обильный приток кислорода.

Я обнаружил частично оплавленные осколки стекла, соответствующие большой бутылке (емкостью предположительно полгаллона или галлон), находившиеся в предположительном очаге пожара, и следы огня на полу, указывающие на возможное использование легковоспламеняющихся жидкостей.

Последующий спектрографический анализ подтвердил, что такое вещество, углеводород по своему составу, действительно использовалось (смотри протокол лабораторного анализа пожарного управления Нью-Йорка номер 337490). Вещество состояло приблизительно из 60 процентов неэтилированного бензина с октановым числом 89, тридцати процентов дизельного топлива и десяти процентов синтетического моющего средства, которое при дальнейшем фотоспектрометрическом анализе было определено как «Доун».

Это подкрепляется показаниями свидетелей, утверждающих, что пламя было оранжевым и при этом выделялось много дыма, что указывает на применение легковоспламеняющейся жидкости, состоявшей из углеводородов.

На месте пожара была обнаружена канистра из-под бензина, содержащая остатки неэтилированного бензина с октановым числом 89. Однако сравнение красителей, добавленных в бензин, входивший в состав легковоспламеняющейся смеси, и бензин из канистры, показало, что эти пробы имеют различное происхождение.

Также с помощью фотоспектрометрического анализа удалось различить солянку из топливного бака отопительной системы здания и солянку, обнаруженную в очаге пожара. Была предпринята попытка установить

поставщика солянки и бензина, которые использовались в легковоспламеняющейся смеси, однако выяснилось, что эти жидкости представляют собой смесь, определить происхождение которой не представляется возможным.

В дополнение следует отметить, что в здании были обнаружены тринадцать автоматических пистолетов (четыре «глока» калибра 9 мм, три «тореса» калибра 9 мм и шесть «браунингов» калибра .380), спрятанных за баком с соляной в подвале. Все пистолеты были без патронов, боеприпасов нигде обнаружено не было. Все оружие было отправлено в криминалистическую лабораторию управления полиции Нью-Йорка для проведения экспертизы на предмет наличия латентных отпечатков пальцев. Из федеральной базы данных отпечатков пальцев вернулся отрицательный результат. Об обнаруженном оружии также были поставлены в известность отдел расследования тяжких преступлений управления полиции Нью-Йорка и федеральный архив огнестрельного оружия.

Свидетели дали показания, что видели, как одна из жильцов дома (Э. Вашингтон) входила в здание через дверь черного входа, расположенную в десяти футах от очага возгорания, незадолго до начала пожара.

На основании этого я обратился в Федеральное управление по борьбе с мошенничествами в области страховки. Проведенное расследование установило, что 14 июля сего года подозреваемая Вашингтон оформила договор в компании «Общество взаимного страхования жертв и ущерба Новой Англии», страховой полис номер 7833-B-2332, застраховав свою собственность по заявленной стоимости 25 000 долларов. Страховая выплата должна быть переведена на банковский счет Вашингтон (Банк «Ист-Сайд трест», счет номер 223-11003).

Отпечатки пальцев, взятые с осколков стеклянной бутылки, обнаруженных в непосредственной близости от очага возгорания, были сравнены с отпечатками подозреваемой Вашингтон. Установлено совпадение двух частичных отпечатков.

Все вышеуказанное послужило основанием для возбуждения уголовного дела, и подозреваемая Вашингтон была арестована в Манхэттенском госпитале, где она проходила лечение травм, полученных во время пожара.

Подозреваемой Вашингтон были зачитаны ее права; ее предупредили о том, что она может хранить молчание и имеет право воспользоваться услугами адвоката.

Следствие еще не завершено, и я продолжаю поиск улик, которые помогут окружной прокуратуре строить обвинение.

Примечание: в большинстве умышленных поджогов, совершенных с корыстными целями, возгорание начинается на верхнем этаже здания, после чего огонь распространяется вниз. Этим достигаются две цели. Во-первых, уничтожается крыша, восстановление которой, как правило, является самым дорогостоящим. В случае уничтожения крыши страховая компания обычно объявляет здание полностью уничтоженным. Вторая цель состоит в том, что нижние этажи здания в процессе тушения пожара подвергаются значительному воздействию со стороны воды, что вызывает значительный дополнительный ущерб при минимальной угрозе для жизни обитателей здания.

Данный пожар начался в подвале — то есть, без какой бы то ни было заботы о человеческих жизнях. Если поджог устроил тот самый преступник, на котором уже лежит вина за подобные пожары, происшедшие в течение последних нескольких лет, на что указывают вещественные улики и обстоятельства случившегося, есть все основания считать, что данный преступник представляет собой угрозу окружающим.

Я рекомендую оказать максимально возможное давление на подозреваемую Вашингтон с целью заставить ее раскрыть личность преступника, которого, по моему мнению, она наняла ради незаконного получения страховой выплаты.

Страховка. И отпечатки пальцев...

И, черт побери, подумал Пеллэм, ведь это он сам сообщил о цвете пламени и количестве дыма, столкнувшись с брандмейстером Ломаксом на месте пожара.

— Наша прокурорша направила в страховую фирму почерковеда, чтобы установить, действительно ли страховку заполняла Этти. Однако определенно сходство почерков есть. — Бейли кивнул вслед вышедшему Клеггу, своему посланнику в зеленой куртке. — Я получу копию заключения одновременно с тем, как оно ляжет на стол мисс Коупель. Если бы Этти не отпиралась от этой страховки, возможно, все было бы не так плохо.

— А что если Этти отпиралась потому, что никакой страховки не оформляла? — спросил Пеллэм.

Бейли ничего на это не ответил. Пеллэм снова вернулся к изучению отчета брандмейстера.

— Страхование выплата переводится прямо на банковский счет. Тут нет ничего странного?

— Нет, это очень распространенное дело. Если дом или квартира сгорят, страховая компания переводит деньги прямо в банк. В этом случае не приходится высылать чек по адресу, которого больше не существует.

— Значит, тот, кто оформлял страховку, знал номер банковского счета Этти.

— Совершенно верно.

Блокнот Бейли от времени пожелтел и выцвел на солнце. Похоже, его возраст был не меньше десяти лет.

— Ну а оружие, — спросил Пеллэм, не отрываясь от отчета. — Как вы думаете, что это означает?

Бейли рассмеялся.

— То, что здание находится в Адской кухне. И больше ничего. Здесь оружия больше, чем во всем Лос-Анджелесе.

К последнему утверждению Пеллэм отнесся очень скептически. Вслух он спросил:

— Вы установили, кто владелец здания? И внесено ли оно в перечень исторических достопримечательностей?

— Именно поэтому я отправил Клегга разносить подарки со словами благодарности.

Порывшись в папке, Бейли бросил на стол ксерокопию документа с печатью генеральной прокуратуры штата. Судя по всему, адвокат считал этот документ очень важным, однако Пеллэму он показался юридической тарабарщиной. Пожав плечами, он поднял взгляд.

Бейли объяснил:

— Да, здание являлось историческим памятником, однако это не имеет никакого значения.

— Почему?

— Потому что оно принадлежало некоммерческому фонду.

Полистав документ, адвокат нашел нужную страницу и ткнул пальцем. Пеллэм прочитал: «Фонд Святого Августина. Тридцать девятая западная улица, 500».

В Адской кухне не было человека, который не слышал бы о церкви Святого Августина. Этот католический костел с домом священника и воскресной школой находился в самом сердце района и, казалось, стоял там испокон веку. Если у Адской кухни и была душа, то ей, несомненно, являлась церковь Святого Августина. В одном из интервью Этти рассказала Пеллэму, что Френсис П. Даффи, капеллан знаменитого 69 стрелкового полка, прославившегося в Первую мировую войну, перед тем, как стать пастором церкви Святого Распятия, читал проповеди в церкви Святого Августина.

— Вы снимаете с фонда все подозрения только потому, что он принадлежит церкви? — скептически спросил Пеллэм.

— Тут главное не религиозная составляющая, а то, что фонд некоммерческий, — объяснил Бейли. — Все средства, которые зарабатывает некоммерческая организация, должны в ней и оставаться. Их нельзя распределить между владельцами акций. Даже в том случае, если организация прекратит свое существование. Кроме того, генеральная прокуратура и налоговая инспекция всегда очень внимательно проверяют бухгалтерскую отчетность некоммерческих организаций. К тому же, Фонд Святого Августина застраховал здание на минимальную сумму — то есть, на сто тысяч. О, не сомневаюсь, на свете полно священнослужителей, по которым тюрьма плачет, но никто не станет рисковать отправиться в «Синг-Синг» из-за подобной мелочи.

Пеллэм кивнул на бумаги.

— А кто такой этот отец Джеймс Дейли? Директор фонда?

— Я звонил ему час назад — отца Джеймса не было на месте. Он ищет временное жилье для жильцов сгоревшего дома. Как только он перезвонит, я дам вам знать.

Помолчав, Пеллэм спросил:

— Вы можете выяснить фамилию страхового агента, с которым общалась Этти?

— Разумеется, могу.

Могу. Этот глагол потихоньку становился самым дорогостоящим словом английского языка.

Пеллэм протянул адвокату еще двести долларов, хрустящими новенькими двадцатками. Порой у него возникала мысль, что банкоматы перед выдачей наличных обязательно должны предупреждать держателей кредитных карточек: «Вы уверены, что собираетесь потратить деньги разумно?»

Пеллэм кивнул в окно на строящийся небоскреб. Контора Бейли находилась в двух шагах от сгоревшего здания, в котором жила Этти, и сверкающее хромом и стеклом здание было задернуто дымкой, которая до сих пор висела над пожарищем.

— Роджер Маккенна, — медленно произнес Пеллэм. — Этти сказала, в тот вечер, когда произошел пожар, рабочие со стройки находились в переулке за ее домом. Что они там делали?

Но Бейли закивал так, словно это известие его нисколько не удивило.

— У них есть здесь кое-какая работа.

— Здесь? Вот в этом здании?

— Точно. Маккена — один из его совладельцев. Это его люди сейчас работают наверху — они производят тот шум, который вы слышите. — Он кивнул на потолок, дрожавший от гула отбойного молотка. — Новый Дональд Трамп собственной персоной — делает ремонт в этом здании.

— Зачем?

— Можно только догадываться, но мы думаем, мы думаем, что Маккена готовит на втором этаже гнездышко для своей любовницы. Уж его-то вы не станете подозревать, а?

— А почему он должен быть вне подозрений?

Бейли взглянул на бутылку с вином, но решил все же воздержаться.

— Не могу поверить, что Маккена пойдет на что-то противозаконное. Такие крупные подрядчики, как правило, стараются держаться подальше от всяких сомнительных делишек. Зачем ему пачкать руки о такую мелочовку как поджог старого дома? У него отели и офисные здания по всему Северо-восточному побережью. Не далее как на прошлой неделе Маккенна открыл казино на набережной в Атлантик-сити... Похоже, я вас не убедил.

— У голливудских сценаристов есть правило: если работаешь над второсортным боевиком или триллером и не хочешь тратить много

времени на разработку образа негодяя, сделай его акулой рынка недвижимости или нефтяного бизнеса.

Бейли покачал головой.

— Маккена — птица слишком высокого полета, чтобы нарушать закон.

— Разрешите сделать один звонок.

Пеллэм взял телефон.

Адвокат, судя по всему, передумал насчет вина и изящным движением снова наполнил свой стаканчик. Пеллэм покачал головой, отказываясь, и набрал длинную последовательность цифр.

— Мне Алана Лефтковица, пожалуйста.

После нескольких щелчков и долгого ожидания из трубки раздался веселый голос.

— Пеллэм? Джон Пеллэм? Черт побери, ты где?

Испытывая лютую ненависть к самому себе, Пеллэм перешел на голливудский жаргон.

— В «Большом яблоке»^[12]. Чем у вас сейчас пахнет, Лефти?

— Варим одну вещичку со студией «Полиграм». Наверное, ты слышал. С Кевином Костнером в главной роли. Я сейчас как раз убегая на съемки.

Пеллэм не смог навскидку вспомнить, обязан ли ему чем-нибудь получающий многомиллионные гонорары продюсер Алан Лефтковиц, или, наоборот, он сам перед ним в долгу. Пеллэм решил занять позицию кредитора:

— Лефти, мне нужна кое-какая помощь.

— Понял. Вываливай, Джонни.

— Ты ведь знаешь всех больших ребят здесь, на Правом берегу.

— Ну, знаком кое с кем.

— Мне нужен Роджер Маккенна.

— Мы с ним встречались пару раз. Он входит в совет директоров «Коламбия пикчерс». Или в какой-то попечительский совет. Или еще куда-то. Точно не помню.

— Мне необходимо с ним встретиться. Или лучше скажем так: мне нужно на него посмотреть. Где-нибудь на его территории. Не на поле боя.

Собеседник на противоположном побережье помолчал. Затем:

— Вот как... И зачем это тебе понадобилось?

— Провожу кое-какие исследования.

— Ха. Исследования. Всюду суешь свой нос. Подожди минутку.

Не положив трубку, Лефтковиц начал дышать часто и порывисто, словно занимаясь любовью, — хотя Пеллэм знал, что на самом деле он только перегнулся через массивный письменный стол и листает записную книжку.

— Так, как тебе нравится вот это?

— Что, Лефти?

— Ты хочешь попасть на прием. Ты ведь обожаешь приемы, верно?

Насколько мог вспомнить Пеллэм, последний раз он ходил на прием два или три года назад.

— В самую точку, Лефти. Без светских тусовок я жить не могу.

— Маккенна постоянно что-нибудь устраивает. Упомяни мою фамилию, и перед тобой откроются все двери. Я сделаю пару звонков. Узнаю, где и когда что будет. Позвоню Спилбергу. (Разумеется, Лефтковиц имел в виду ассистента Спилберга. А разговаривать ему в конце концов придется с ассистентом ассистента главного кормчего «Затерянного ковчега», находящимся в совершенно другом городе.)

— Лефти, буду тебе по гроб жизни обязан. Огромное спасибо.

— Значит, Джонни, — игриво произнес продюсер, — ты проводишь исследования?

— Да.

Завистливое молчание. Тем временем сигналы отражались от спутника связи, зависшего где-то в холоде открытого космоса, и возвращались назад на землю.

— Джон, до меня дошли кое-какие слухи.

— Какие? Что «Окленд» спустил две игры подряд, а «Кардиналс» продолжает беспроигрышную серию?

— Кто-то обмолвился кому-то из моих знакомых, что ты забронировал время в монтажной студии.

— Слишком много «кого-то», — заметил Пеллэм.

— Но это не все, что я слышал.

— Вот как?

— Две-три студии, на которые ты работал, пытались заказать тебе места для натуральных съемок новых фильмов, но, по слухам, ты этим уже не занимаешься.

Кто-то рассказал кому-то о чем-то.

В Голливуде новости распространяются быстрее, чем на улицах Адской кухни.

— Нет-нет, я просто устроил себе небольшой отпуск.

— Ну да. Конечно. Я все понял. И еще тебе нужен хороший редактор, чтобы подчистить то, что ты наснимал о Микки-Маусе и Собачке Гуфи в «Диснейуорлде» во Флориде. Разумеется.

— Да, что-то в таком духе.

— Слушай, Джон, не тяни. Я в тебя всегда верил.

Безопасный способ сказать, что как бы плохо ни шли дела, какие бы неприятности ни преследовали Пеллэма (а был момент, когда он очутился на мели), Лефтковиц его не забывал. Что, после небольшой творческой правки, более или менее соответствовало действительности.

— Сознание этого всегда грело мое сердце.

— Итак? Ты ведь что-то задумал, признайся.

— Лефти, поверь, это суший пустяк. Так, одна маленькая затея. Тебя это нисколько не интересует. В настоящий момент меня волнует лишь вопрос распространения на внутреннем рынке.

— Ты получил финансирование? И я ничего об этом не слышал? — Последние слова Лефтковиц произнес шепотом, но от слуха Пеллэма они не укрылись.

— Честное слово, это очень маленький проект.

— Насколько мне помнится, «Золотую пальмовую ветвь» в Каннах и премию кинокритиков на фестивале в Лос-Анджелесе ты тоже получил за «маленькие проекты».

— Я же сказал, что сейчас меня интересует лишь распространение.

Продюсеры любят заниматься только продвижением чужих фильмов, потому что в случае провала не несут миллионных убытков. С другой стороны, в случае успеха им идет определенный процент от доходов. Призы киноакадемии на этом не заработаешь, да и разбогатеть тоже трудно, но зато и не разоришься.

— Мои уши чутко ловят каждое твое слово, Пеллэм. Говори.

— Сейчас у меня деловая встреча...

— Вот как? И с кем?

— С одним юристом. — Пеллэм подмигнул Бейли. — Не могу вдаваться в подробности.

— Ты на Уолл-стрит? Что за фирма?

— Тише, не надо так громко, — шепнул в трубку Пеллэм.

— Джон, какую игру ты ведешь? Я нутром чувствую, ты затеял что-то крупное. Новый художественный фильм?

Если бы Лефтковиц узнал, что Пеллэм в настоящий момент мучится над документальным фильмом, он бы немедленно положил трубку, и тот Пеллэм, который всегда неизменно пользовался с его стороны стопроцентной поддержкой, для него просто перестал бы существовать. Распространение документальной ленты означает продажу максимум сотни копий по всей стране. Художественные фильмы расходятся многотысячными тиражами.

Пеллэм, решив, что совесть не будет его терзать, сказал:

— Лефти, введи меня к Маккенне, и я попрошу своего юриста связаться с тобой. — Он выдержал небольшую паузу, которую сценаристы называют «тиком». — Возможно, мне придется сжечь за собой мосты, но я готов пойти на это. Ради тебя.

— Джонни, я тебя обожаю. Честное слово. Я говорю искренне. Да, кстати о Маккенне, ты знаешь, что это та еще скотина?

— Лефти, мне просто нужно с ним повидаться. Я не собираюсь с ним спать.

— Можешь говорить своему юристу, чтобы он звонил мне.

С этими словами Лефткивиз положил трубку.

— Кто это был? — спросил Бейли. — Голливудский киношник?

— До мозга костей.

— Вы действительно хотите, чтобы я ему позвонил?

— Луис, такую гадость я вам ни за что не сделаю. Но у меня есть к вам один юридический вопрос.

Бейли снова опрокинул бутылку в свой стаканчик.

— Какое в штате Нью-Йорк наказание за ношение незарегистрированного пистолета?

Наверное, нашлись бы такие вопросы, услышав которые, адвокат задумался бы; возможно, некоторые его даже удивили бы. Однако этот не попадал в данные категории. Бейли ответил на него так, словно Пеллэм спросил у него о погоде.

— Ничего хорошего. Конечно, судья может проявить некоторое снисхождение. Но только не в том случае, когда перед ним уголовный преступник. В этом случае год тюрьмы. Отбывание в «Райкерс-айленде». В одной камере со здоровенными приятелями, хотите вы того или нет. Надеюсь, вы не себя имели в виду?

— Я спросил просто так, из чистого любопытства.

Адвокат прищурился.

— Вы ничего не хотите рассказать мне про себя?

— Не хочу. Нет ничего такого, о чем вам следовало бы знать.

Бейли кивнул в сторону окна.

— А зачем вам может понадобиться оружие? Выгляните на улицу, молодой человек. Вы что, видите прерию? Ковбоев? Индейцев? Это не улицы Ларедо^[13].

— Луис, я в этом не совсем уверен.

8

Откуда-то из здания до Пеллэма снова донеслась та же самая песня, настойчивая и громкая. Судя по всему, в хит-парадах рэпа она занимала первую строчку.

«...теперь не будь слепым... открой глаза, и что ты увидишь?»

У Пеллэма под ногами громоздилась высокая стопка видеокассет, результат многомесячного труда. Отснятый материал еще не был отредактирован и даже упорядочен, если не считать наклеек с надписями даты и сюжета, выведенными неряшливым почерком. Выбрав одну кассету, Пеллэм вставил ее в дешевый видеоманитофон, опасно примостившийся на еще более дешевом телевизоре.

Сквозь стену доносилось размеренное буханье песни:

«Это мир белых людей. Это мир белых людей...»

Экран дешевой «Моторолы» моргнул, неохотно оживая, и появилась следующая картинка:

Этти Уилкс Вашингтон сидит уютно устроившись перед видеокамерой. Сначала она хотела, чтобы ее снимали в ее любимом кресле-качалке, антикварном раритете из настоящего дуба, которое Этти подарил ее муж Билли Дойл. Но даже малейшее покачивание отвлекало внимание, и Пеллэм уговорил Этти пересест в кресло с прямой спинкой. (В юности Пеллэм в качестве младшего ассистента участвовал в съемках «Челюстей» и запомнил, как Спилберг приказал оператору во время натурных съемок намертво закрепить камеру на палубе судна. Однако опытный продюсер мудро предложил снимать эту сцену, держа камеру в руке, — в противном случае по всей стране зрители в самый напряженный момент бросались бы в туалетные комнаты, борясь с приступами морской болезни.)

Поэтому Пеллэм пересадил Этти в мягкое кресло. Он хотел, чтобы она сидела перед окном, на фоне кипящей стройки. В кадре присутствовал и другой раритет: старинное бюро с выдвигной крышкой, заваленное

бумагами и письмами. На стене за ним висело с десяток семейных фотографий.

"Ты хочешь, чтобы я рассказала о Билли Дойле, моем муже? Скажу прямо: он был человек необычный. Я таких больше не встречала. Первым делом я расскажу о его внешности. Мой Билли был очень красивый, это я точно говорю. Очень высокий и, как бы это сказать, очень белый. Мы с ним любили гулять по улицам вместе. Билли всегда заставлял меня брать его под руку. И неважно, происходило ли это на окраине в Сан-Хуане, где живут преимущественно одни черные, а они не любят смешанные пары, или в Адской кухне, где большинство белых. Ирландские и итальянские парни тоже не любили смешанные пары. На нас все недовольно пялились. Но Билли всегда шел со мной под руку. И днем, и ночью.

И он всегда ходил вместе со мной в клубы, в которых я пела. Он сидел за столиком, поставив перед собой стаканчик виски, — а Билли любил виски — сидел, единственный белый во всем заведении, и все на него тарасились. Но потом на него уже перестали обращать внимание. Я поглядываю со сцены в зал, и вот он сидит, ест свиные рубцы и разговаривает с двумя — тремя посетителями, улыбается мне, хлопает их по плечу и говорит, что я его девушка. А потом через какое-то время я снова смотрю на него и вижу, что он спорит. Я понимала, что он говорит о Билли Холлидее и Бесси Смит^[14].

Но вся беда Билли состояла в том, что он так и не нашел себя. А для мужчины это очень плохо. Ничего нет хуже этого — мужчина, не нашедший себя. Иногда ему даже не приходится ничего искать. Иногда мужчина просто попадает куда-то, бросает якорь, а там проходит несколько лет — и он такой, какой есть, и с него этого достаточно. Но Билли постоянно искал. Больше всего на свете он хотел иметь кусочек земли. Что-нибудь свое. В этом-то самое смешное — вот почему мы так и не обзавелись своим домом, потому что Билли все силы тратил на то, чтобы купить дом, небольшой участок земли. Он так хотел этого, что постоянно ввязывался в какие-то махинации. Из-за этого он и попал в тюрьму."

Кинодокументалисты ни в коем случае не должны вмешиваться в происходящее на экране. Но Пеллэм, выключив камеру, удивленно спросил:

— А ваш муж сидел в тюрьме?

Но как раз в этот момент Этти обернулась и встала с кресла. Пеллэм вспомнил, что в дверь неожиданно постучала Флоренс Бессерман, подруга Этти с третьего этажа. Кассета кончилась. Этти так и не

закончила рассказ об уголовном прошлом Билли Дойла, и Пеллэм согласился прийти еще раз — как впоследствии выяснилось, в день пожара. Перемотав кассету на начало, Пеллэм нашел то, что искал. Кадры не с Этти, а с симпатичной, пухленькой Анитой Лопес из квартиры 2-А, которая тараторила как пулемет и постоянно размахивала руками с ярко-красными ногтями несмотря на неоднократные напоминания Пеллэма сидеть спокойно.

— ...Si, si^[15], банды у нас есть. Совсем как в кино. У них есть пистолеты, они много пьют, попадают в разные истории, у них есть машины. Бум-бум, такие большие колонки. Ай, такие громкие! Раньше это была банда «западников». Теперь их больше нет. Теперь у нас "Cubano^[16] лорды", да, очень большая шайка. У них есть своя база, и им наплевать на то, что об этом знают все. Я вам скажу, где она. На Тридцать девятой, между Девятой и Десятой авеню. О, я их очень боюсь. Не говорите никому ничего из того, что я вам сказала. Пожалуйста!

Выключив видеомэгнитофон, Пеллэм опустился на колени и изучил содержимое холщовой сумки, в которой было все, что должен иметь дотошный кинодокументалист: профессиональная видеокамера, блок питания, блок аккумуляторов, две чистые кассеты, направленный микрофон с поролоновым чехлом для защиты от посторонних звуков, блокнот, ручки. И самовзводный револьвер «Кольт». В шестизарядном барабане пять патронов 45-го калибра. Деревянная рукоятка поцарапанная и потемневшая от пота.

Пеллэм вспомнил то, что сказала ему на прощание мать, когда в мае прошлого года он уезжал из тихого городка Симмонс, штат Нью-Йорк, в Манхэттен:

— Знаешь, это просто сумасшедший город, этот самый Нью-Йорк. Джонни, держи ухо востро. Мало ли что может случиться.

Пеллэм уже достаточно пожил на этом свете и понимал, что мать была права.

Он шел на запад по раскаленному асфальту Тридцать девятой улицы. На ступенях крыльца сидела полная женщина с длинной темно-коричневой сигаретой, качавшая старую, обшарпанную коляску. Женщина читала газету на испанском языке.

— Buenos días,^[17] — поздоровался Пеллэм.

— Buenas tardes^[18].

Женщина подозрительно осмотрела Пеллэма с ног до головы, задержав взгляд на джинсах, черной куртке и белой футболке.

— Не могли бы вы мне помочь?

Подняв голову, женщина сделала глубокий вдох, словно затягиваясь.

— Я снимаю фильм об Адской кухне. — Пеллэм показал сумку с видеокамерой.

— О местных бандах.

— Aquí^[19] никаких банд.

— Ну, я имел в виду группы молодых людей. Подростков. Я употребил не то слово.

— Faltan^[20] банд.

— Мне говорили про «Кубинских лордов».

— Es un club^[21].

— Клуб. А где он собирается? У этого клуба есть un apartamento?^[22] Я слышал, оно здесь, на этой улице.

— Buenos muchachos.^[23] У нас ничего плохого не бывает. Ребята за этим следят.

— Я бы хотел с ними поговорить.

— Никто сюда не ходит, никто нас не беспокоит. Они хорошие hombres^[24].

— Вот поэтому я и хочу с ними поговорить.

— И вы только посмотрите на las calles^[25]. — Она обвела рукой улицу. — Они ведь чистые, разве не так?

— Вы бы не могли сказать, кто в этом клубе главный?

— Я никого не знаю. Вам в этой куртке не жарко?

— Сказать по правде, жарко. Я слышал, эти люди собираются где-то здесь.

Рассмеявшись, женщина снова уткнулась в газету.

Оставив ее в покое, Пеллэм обошел весь район — спустился к самой реке и вернулся назад, обогнув с противоположной стороны черное приземистое здание конференц-зала Джекоба Джевитса. Он так и не нашел то, что искал. (А что он ожидал увидеть? Кучку молодых парней, похожих на «Акул» из «Вест-сайдской истории»?)

Ему навстречу попалась семья латиноамериканцев: муж и жена в футболках и шортах, девочка лет десяти в коротком, обтягивающем платьице. Они тащили сумку с портативным холодильником, полотенца, складные стульчики и игрушки. Пеллэм предположил, что у главы семейства выходной, и все решили дружно отправиться в Центральный парк. Он провожал взглядом семью, спускающуюся в метро, и тут увидел на крыше человека.

Это был мужчина одного возраста с Пеллэмом, быть может, на несколько лет моложе. Латиноамериканец. Он был в обтягивающих джинсах и ослепительно-белой футболке. Мужчина стоял на крыше жилого здания, глядя вниз, и даже с такого большого расстояния в его черных глазах было видно недовольство.

Перепрыгнув с крыши на крышу, латиноамериканец оказался прямо над Пеллэмом. Тот видел лишь силуэт. Незнакомец продвигался на запад, по крышам домов.

Развернувшись, Пеллэм направился в ту же сторону. Потеряв латиноамериканца из виду, он остановился на перекрестке, оглядываясь по сторонам. Вдруг ярко-белое пятно мелькнуло в толпе рабочих на Десятой авеню. Быстро перебежав через улицу, Пеллэм попытался было догнать незнакомца, но тот бесследно исчез. Проклятие, как ему это удалось? Пеллэм спросил у рабочих, видели ли они кого-нибудь, но они категорически заявили, что никого не видели, а переулок, перед которым они стояли, — единственное место, куда мог скрыться латиноамериканец, — был тупиком. Зарешеченные окна. Глухие стены. Ни одной двери.

Оставив бесплодные попытки, Пеллэм возвратился на Тридцать шестую улицу и направился к обгорелому остову дома Этти.

Его предостерег не шум — отсутствие шума: гулкий стук, доносившийся со стройки напротив, внезапно стал тише, поскольку его источник заслонило тело молодого латиноамериканца. Не оборачиваясь, Пеллэм поставил сумку на асфальт и сунул руку внутрь. Однако не успел он нащупать «кольт», как ему в затылок уперлось что-то металлическое — как он решил, дуло пистолета.

— Сворачивай в переулок, — произнес мелодичный голос с испанским акцентом. — Пошли.

9

Густые брови латиноамериканца срослись над носом, а веки чуть запали, словно он затаил глубокую злобу на весь мир.

Они с Пеллэмом стояли в переулке за зданием, в котором размещалась контора Луиса Бейли, на грязной брусчатке. Спертый воздух был насыщен затхлым запахом гнилых овощей и прогорклого масла. Пеллэм стоял, скрестив руки на груди, и спокойно смотрел на направленный на него крошечный черный пистолет.

Он снова оглядел своего похитителя. На запястье розовый шрам. Совсем свежий. На тыльной стороне ладони, между большим и указательным пальцами, — полустертая татуировка в виде кинжала. Пеллэм долго жил в Лос-Анджелесе; он сразу же узнал знак, указывающий на принадлежность к банде.

— Habla ingles?^[26] — спросил Пеллэм.

Латиноамериканец заглянул в сумку. Держа пистолет направленным в грудь Пеллэма, он нагнулся и частично вытащил видеокамеру.

— Я буду очень признателен, если ты оставишь эту штуку в покое. Это...

— Заткнись.

Парень не нашел «кольт». Положив камеру на место, он выпрямился.

— Ты из «Кубинских лордов», — сказал Пеллэм.

Он обратил внимание на то, что парень такой же высокий, как он сам. Большинство латиноамериканцев, которых он знал, были невысокими.

— Я вас искал, — продолжал Пеллэм.

— Меня?

— Одного из вас.

— Зачем?

— Поговорить.

Сросшиеся брови изогнулись, выражая удивление.

— Что ж, говори.

— Я снимаю фильм про Адскую кухню. Мне хотелось бы поговорить с членами банды. Или это у вас клуб?

— А чем ты занимался в тот день?

— В какой тот?

— Что ты искал? Ты на этой улице приставал ко всем с расспросами. Снимал на камеру. Зачем?

Пеллэм молчал.

Латиноамериканец с отвращением фыркнул.

— Ты хочешь сказать, это сделали мы? Ты хочешь сказать, это мы сожгли тот дом?

— Я снимаю фильм. Мне...

Густые брови грозно сдвинулись.

— У нас есть канал теленовостей. В Нью-Йорке. На испанском языке. Знаю, ты о нем даже не слышал. Его девиз: «Primero con la verdad.»^[27] Ты в это веришь? Для тебя la verdad siempre primero?^[28] Правда на первом месте? — Скрестив руки на груди, парень мозолистым большим пальцем почесал старый, глубокий шрам на подбородке. — Ты журналист? Репортер?

Пеллэм кивнул на вымощенный брусчаткой переулок.

— Вы прямо вот здесь играете в баскетбол? Продаете велосипеды? Устраиваете для малышей катание на пони? Одним словом, занимаетесь всем тем, чем занимаются в клубах?

— Что ты от меня хочешь?

— Я слышал, ваши ребята болтались здесь перед самым пожаром.

— Он слышал... И что, это обязательно должно быть правдой? Раз белый человек говорит, что los cubanos^[29] подожгли дом, это обязательно должна быть правда. Черный человек так говорит, и это обязательно должна быть правда. — Пеллэм ничего не ответил, и парень продолжал: — Ты не думаешь, что это сделала та черномазая старушка. Ты думаешь, это сделал я. Почему? Потому что ты любишь нигтеров больше, чем латиносов.

Пеллэм не мог предположить, что в груди латиноамериканца еще остается место для ярости, однако сейчас по лицу парня разлилась новая волна злости. Он расставил чуть шире ноги, обутые в дорогие кроссовки, и у Пеллэма мелькнула мысль, что он сейчас выстрелит. Пеллэм краем глаза огляделся по сторонам, ища, куда откатиться при выстреле. Он подумал было о том, чтобы броситься за своим «кольтом», но пришел к выводу, что не успеет.

Какую линию поведения принять: извиниться или перейти в наступление?

Нахмурившись, Пеллэм шагнул вперед.

— Я здесь делаю свою работу, — гневно бросил он. — Не хочешь отвечать на мои вопросы — это твое дело, черт бы тебя побрал. Но у меня нет ни малейшего желания выслушивать твои долбанные нравоучения.

Черные глаза сузились в щелочки.

«Сейчас он меня пристрелит. Проклятие! Так я и знал. Надо было облизать ему задницу!»

Но парень не нажал на спусковой крючок. И не ударил Пеллэма рукояткой пистолета в лицо — чего тот тоже опасался.

Убрав пистолет, латиноамериканец направился вокруг дома Этти, знаком предложив Пеллэму следовать за ним. Поднырнув под желтой лентой полицейского ограждения, парень поднялся по лестнице к тому, что осталось от крохотного подъезда. У него за спиной Пеллэм быстро вытащил из сумки «кольт» и засунул его сзади за пояс джинсов. Подхватив сумку, он пошел следом за парнем.

Тот ударом ноги распахнул входную дверь и шагнул в вестибюль, испачкав футболку об обгоревшее дерево косяка. Пеллэм услышал звон разбитого стекла и громкий треск. Минуту спустя молодой латиноамериканец вышел на улицу, сжимая в руке металлическую табличку. Парень швырнул табличку Пеллэму, тот неловко ее подхватил. Список жильцов дома. Длинный, тонкий палец члена банды «Кубинские лорды» постучал по фамилии: «К. Рамирес».

— Это моя тетка. Ты доволен? Она жила здесь с двумя *ninos*^[30]. Сестра моей матери! Доволен? Ты все понял? Я ни за что не подожду дом, в котором живут мои родственники. И знаешь что еще? Эта дама, моя тетя Кармелла, она видела, как в прошлом месяце один из ирландцев Джимми Коркорана трахнул молотком по голове одного типа. Тетя Кармелла дала показания в суде. Теперь этот ирландец за решеткой, а

Джимми — он очень разозлился на нее за то, что она сказала. Ну, дружок, как тебе нравится вот это? Теперь ты доволен? Узнал всю правду? Правду о белом ирландце? А теперь убирайся отсюда. Чтобы ноги твоей не было в Адской кухне!

— Кто такой этот Коркоран? Джимми Коркоран?

Парень вытер со лба пот.

— Возвращайся в свою телестудию и расскажи всем, что «Кубинские лорды» никогда не занимаются подобным дерьмом!

— Я не журналист.

— Так что нам с тобой больше говорить не о чем. Ты уже знаешь la verdad^[31].

— Твоя фамилия Рамирес? — спросил Пеллэм. — А как тебя зовут?

Постояв, парень поднес к губам палец, призывая к молчанию, затем ткнул Пеллэму в лицо.

— Всем расскажи!

Он оглядел Пеллэма с ног до головы, словно стараясь запомнить получше, а затем не спеша шагнул из тени сгоревшего здания на раскаленное, яркое солнце.

Но Джимми Коркоран оказался призраком.

Никто о нем даже не слышал, никто не знал вообще никаких Коркоранов!

Пеллэм бродил по кварталу, останавливаясь у пуэрториканских винных погребков, корейских лотков с овощами и зеленью, итальянских мясных лавок. Никто не знал Джимми Коркорана, но у всех в голосе появлялось какая-то странная веселая нотка — как будто люди были огорчены тем, что им приходится отвечать отказом.

Пеллэм заглянул в мексиканское кафе.

— Этот Коркоран обитает где-то здесь, — добавил он, пытаясь разговорить хозяина.

Хозяин, древний мексиканец со сморщенным лицом, уставился на поднос с пирожками и, затянувшись, молча кивнул.

Поняв, что от него ничего не добиться, Пеллэм купил кокосовый напиток и вышел на улицу. Подойдя к группе молодых парней в футболках, толпящихся у газетного киоска, он задал им свой вопрос. Двое поспешно ответили, что никогда не слышали ни о каком Джимми Коркоране. Остальные трое и вовсе забыли те зачатки английского, которые знали.

Пеллэм решил пройти дальше на запад, ближе к реке. Когда он проходил мимо приходской школы на Одиннадцатой улице, кто-то его окликнул:

— Привет!

— Привет! — ответил Пеллэм.

Мальчишка стоял в высоком, выдавшем виды мусорном баке и смотрел вниз, положив руки на тощие бедра. На нем были мешковатые джинсы и, несмотря на жару, красно-зелено-желтая ветровка. Пеллэм пришел к выводу, что ему очень нравится мозаичная прическа у мальчишки на голове. Выхваченный бритвой кусок повторял улыбку, глубоко врезающуюся в черное лицо.

— Что ты ищешь?

— Вот что я тебе скажу... Спускайся сюда.

— Зачем?

— Я хочу с тобой поговорить. Не прыгай, слезай по задней стенке... Нет!

Мальчишка спрыгнул вниз.

— Ты меня не помнишь.

— Конечно, помню. Ты сын Сибби.

— Попал в самую точку! А ты из Си-эн-эн. Ты снимал на камеру.

В расположенном неподалеку маленьком стадиончике с четырьмя полями для бейсбола и двумя баскетбольными площадками не было ни души. Ворота были надежно заперты на цепь. Пеллэм прикинул, что на обустройство стадиончика ушло не меньше сотни банок краски.

— Где мать и сестра?

— В приюте.

— А ты почему не в школе?

— Какая еще школа летом?

Пеллэм начисто забыл про то, что на дворе август. В больших городах трудно определить, какое за окном время года — даже несмотря на снег или зной. Пеллэм с трудом мог представить себе, на что похожи летние каникулы в Адской кухне. Сам он летом бегал в кино, торговал журналами, изредка играл в волейбол. Ему запомнилось, как по утрам он словно одержимый носился на велосипеде, петляя по ровному бетону между скользкими дорожками, оставленными растерянными слизняками и улитками.

— Как тебя зовут?

— Исмаил. А тебя?

— Я Джон Пеллэм.

— Ого, мне не нравится имя Джон. Одного моего знакомого бездельника-ниггера зовут Джоном. Он целый день ничего не делает, ты меня понимаешь? Лучше я буду звать тебя Пеллэмом.

Похоже, вопрос о том, ставить ли перед фамилией «мистер», даже не рассматривался.

— Как тебе нравится в приюте?

Улыбка на лице мальчишки погасла.

— Этому ниггеру не нравится, когда там люди. Постоянная ругань. Повсюду одни ширялы.

Мальчишка имел в виду наркоманов, принимающих «крэк». Пеллэм снимал несколько фильмов в трущобах южного Лос-Анджелеса и разбирался в жаргоне.

— Потерпи, это ненадолго, — сказал Пеллэм.

Но это заверение прозвучало фальшиво даже в его собственных ушах; он не мог сказать, как к нему отнесся мальчишка.

Вдруг глаза Исмаила радостно блеснули.

— Слушай, ты любишь баскетбол? Я обожаю Патрика Эвинга. Он лучший из лучших, ты со мной согласен? И еще мне нравится Майкл Джордан. Слушай, ты когда-нибудь видел в игре «Чикаго буллс»?

— Я живу в Лос-Анджелесе.

— «Лос-Анджелес лэйкерс»! Здорово! Мэджик Джонсон — это класс! Я люблю Би Баркли. Отличный парень! С таким не страшно ввязаться в любую драку. — Мальчишка помутузил кулаками воображаемого противника. — Слушай, приятель, ты любишь баскетбол, да?

Пеллэм бывал несколько раз на играх «Лейкерс», однако отказался от этого, как только узнал, что солидная доля зрителей принадлежит к кинобизнесу и покупает абонементы на сезон только для того, чтобы себя показать и на других посмотреть. Раз так поступает Джек Николсон, и мы должны.

— Если честно, не очень, — признался он.

— А Шакил О'Нил — тоже класс. В нем не меньше десяти футов роста. Я хочу быть таким, как этот ниггер.

Исмаил принялся плясать на асфальте, изображая игру под щитом.

Взглянув на его стоптанные высокие кроссовки, Пеллэм присел на корточки, чтобы завязать болтающиеся шнурки. Смутившись, мальчишка отошел в сторону и завязал шнурки сам. Пеллэм медленно выпрямился.

— Ты прошлый раз начал мне кое-что рассказывать. О том, что ваш дом сожгли банды. Тогда мать отвесила тебе затрещину. Обещаю, я ей ничего не скажу.

Мальчишка удивился. Судя по всему, он начисто забыл про пощечину.

— Я слышал, к пожару имеет какое-то отношение банда Коркорана. Ты про нее ничего не знаешь?

— Откуда ты знаешь Коркорана?

— Я его не знаю. Я как раз пытаюсь его найти.

— Приятель, лучше выбрось это из головы. У него в банде есть настоящие отморозки.

Члены банды, заслужившие привилегированного положения тем, что совершили убийство.

На черном лице отобразился вихрь эмоций.

— Если кто-то заденет этого Коркорана — неважно кто, ниггер, латинос — он всех мочит. Какой-то человек ему не нравится — бах, и его уже нет, ты понимаешь, что я хочу сказать. — Закрыв глаза, Исмаил прижался к

прутьям ограды школьного стадиона. — Зачем ты расспрашиваешь меня про этого подонка?

— А где тусуется этот Коркоран? — спросил Пеллэм.

Его уличный жаргон произвел на Исмаила впечатление.

— Приятель, я не знаю, где они ошиваются. — Не отрывая глаз от Пеллэма, он изобразил несколько бросков из-под корзины. — Слушай, у тебя есть папашка?

Пеллэм рассмеялся.

— Отец? Конечно, есть.

Улыбка исчезла с лица мальчишки.

— А у меня нет.

Пеллэм вспомнил, что высокий процент негритянских семей не имеет взрослого мужчины. И тут же устыдился на себя за то, что первой реакцией на слова Исмаила явился этот отрывок из статистических сводок.

— Его застрелили, — равнодушным тоном продолжал мальчишка.

— Исмаил, извини, я не знал.

— Понимаешь, на улице стоят ширялы, да? Торгуют каликами. Мой отец вышел за дверь, и они его просто пришили. Прямо у меня на глазах. Он ничего им не сделал. А они его просто пришили.

Потрясенный Пеллэм покачал головой.

— Нашли тех, кто его убил?

— Кто? «Синицы»?

— «Синицы»?

— Ты что, не знаешь, кто такие «синицы»? Ну ты даешь, приятель. Ну ты даешь! Легавые. Поли-и-ция! — Исмаил рассмеялся, и в его детском смехе прозвучали пугающие взрослые нотки. — «Синицы» ни хрена не делают, ты понимаешь? Папашка мой представился. А мамашка — она ширяется. Страшно ширяется. А там, куда она попала, — я говорю про приют — этого дерьма навалом, были бы только бабки. В основном,

героин. Мамашка сидит на героине. Приходят мужики, накачивают ее по самые уши. Думаю, я туда не вернусь. Пеллэм, а где твоя нора?

Жилой трейлер, в настоящее время поставленный на стоянку. Двухкомнатное бунгало под Лос-Анджелесом, в настоящее время сданное в аренду. Съемная квартира на четвертом этаже в доме без лифта.

— Если честно, у меня нет своего дома, — признался Пеллэм.

— Чума! Если хорошенько присмотреться, мы с тобой совсем одинаковые!

Пеллэм рассмеялся было, но затем решил, что параллели слишком точные, и ему стало не по себе.

Джон Пеллэм, холостой одинокий мужчина, бывший независимый кинорежиссер и специалист по поиску мест для натурных съемок, временами очень тосковал по семейной жизни. Но кончалось все обычно тем, что он со смехом пытался себе представить, как он ходит на родительские собрания в школу.

— Чем ты собираешься заняться? — спросил Пеллэм мальчишку.

— Не знаю, парень. Может быть, соберу свою команду. У нас в округе нет негритянских команд. Устроимся на Тридцать шестой улице. Я уже и название придумал: «Призраки с Тридцать шестой». Ну как, здорово звучит? «Я призрак с Тридцать шестой!» Все будут тащиться. Все будут просто тащиться.

— Ты обедал? — спросил Пеллэм.

— Нет. Я и не завтракал, — с гордостью сообщил Исмаил. — Знаешь, когда сидишь в приюте, приходят разные мужики и начинают тебя щупать и лапать. Приглашают сходить с ними в дальний угол. Ты понимаешь, о чем я говорю?

Покачав головой, Пеллэм схватил сумку.

— Пошли, я проголодался. Я тут заметил одно заведение. Кубинское. Перекусим чего-нибудь, ты не возражаешь?

— Здорово! Рис с бобами. И «Ред булл»!

— Пива не будет, — решительно заявил Пеллэм.

Выхватив у него из рук сумку, мальчишка перекинул ее через плечо и согнулся под тяжестью, наверное, равной половине его собственного веса.

— Давай я понесу, — сказал Пеллэм. — Сумка тяжелая.

— Плевое дело. Она ничего не весит.

— Так, вот там.

— Там?

— Нет, дальше. Ага. Вот. Да нет же, я сказал: дальше! Дальше!

Исмаил показывал Пеллэму, где он увидел разгорающийся пожар.

— Сначала я унюхал дым, парень, затем увидел огонь. Вот здесь. А потом громкий хлопок. Ага.

— Хлопок.

— Я побежал в подъезд и закричал: «Спасайтесь, кто может! Пожар!» А моя мамашка начала вопить.

— Ты никого не видел в окно?

— Ну, только ту старушку. Которая живет наверху, на последнем этаже.

— А больше никого?

— Не знаю. Здесь постоянно кто-то шатается. Не знаю.

Пеллэм посмотрел на то, что осталось от двери черного входа. Она была металлическая и запиралась на два массивных замка. Взломать ее было бы нелегко. Приподнявшись на цыпочки, Пеллэм выглянул в окно, гадая, не мог ли пироманьяк просунуть зажигательную бомбу между прутьями. Но нет, решетка была слишком частой, и сквозь нее можно было пропихнуть разве что бутылку из-под пива; бутылку из-под вина ни за что не пролезла бы между прутьями. Значит, поджигателя впустили в подвал.

— Дверь черного входа была заперта?

— Да, ее постоянно проверяют и запирают. Но, черт, здесь вечно кто-то шляется, ты понимаешь, о чем я говорю? Пеллэм, видишь этот закуток? Тут работает наш педик. Он и в рот берет, и все такое. Он тоже ширяется.

Мужчина, торгующий своим телом...

— Значит, через эту дверь к нему ходят его клиенты?

— Да, мы любим усесться за дверью, а когда кто-нибудь из них выходит, мы принимаемся кричать: «Педик, педик...» И они убегают. Так здорово!

— Ты давно видел в последний раз этого типа?

— Давно, приятель. Он куда-то делся.

Пеллэм поднял табличку со списком жильцов, валявшуюся на полу с тех самых пор, как ее бросил ему Рамирес.

— Ты знаешь этого Рамиреса?

— Черт, Гектора Рамиреса? Он из «Кубинских лордов». Это тоже те еще ублюдки, но нас, нигтеров, они просто так не трогают. Не то что Коркоран. Он просто придурок, этот Коркоран. У него точно крыша съехала. А Рамирес, понимаешь, он тоже пришьет кого угодно, но только если ему будет нужно.

Даже этот десятилетний мальчишка разбирался во внутренних делах Адской кухни лучше Пеллэма. Взглянув на фамилию «Э. Вашингтон», Пеллэм швырнул табличку на пол.

Мимо здания мимо проползла полицейская машина. Она остановилась. Полицейский, сидящий за рулем, посмотрел на Пеллэма и знаком приказал ему выйти за ограждение.

— Исмаил...

Мальчишки и след простыл.

— Исмаил?

Полицейская машина тронулась с места.

Пеллэм искал Исмаила несколько минут, но тот как сквозь землю провалился. Вдруг ночную тишину разорвал грохот осыпающегося кирпича и резкий металлический удар. Затем послышался сдавленный крик.

— Исмаил!

Пеллэм вышел в переулок за сгоревшим зданием и увидел паренька лет восемнадцати, светловолосого, в линялых синих джинсах и грязной

белой рубашке. Он сидел на корточках перед грудой мусора. Паренек производил раскопки, время от времени вызывая небольшую лавину битого кирпича. Он отскакивал назад словно пугливый енот, но тотчас же возвращался назад и снова принимался копать. Свои тонкие детские волосы парень, судя по всему, стриг сам перед зеркалом. Козлиная борода, неременная принадлежность современной молодежи, была анемично жидкая и неухоженная.

Прищурившись, парень посмотрел на Пеллэма и вернулся к своему занятию.

— Я должен кое-что найти, приятель. Должен кое-что найти.

— Ты жил в этом доме?

— Вон там, сзади, — угрюмо подтвердил парень, махнув рукой туда, где была квартира первого этажа. — Мы жили с Рэем, он был как бы моим менеджером.

«Мы с Рэем.» Похоже, этот Рэй был сутенером.

Наверное, именно про этого парня говорил Исмаил. Мужчина-проститутка. Казалось, для этого ремесла он был еще слишком молод.

Пеллэм спросил:

— Где сейчас Рэй?

— Не знаю.

— Можно я задам тебе несколько вопросов о пожаре?

Удовлетворенно крикнув, парень вытащил из груды мусора то, что искал — книгу в мягком переплете. Он вытер грязь с обложки. Курт Кобейн — «Последний год». С любовью посмотрев на книгу, парень поднял взгляд.

— Я сам хотел поговорить с тобой о том же самом, приятель. О пожаре. Ты ведь Пеллэм, так?

Он быстро пролистал книгу.

Пеллэм недоуменно заморгал.

— Итак, предлагаю тебе сделку. Я могу рассказать тебе, кто устроил поджог и кто этих людей нанял. Если, конечно, тебе это как бы интересно.

— Откуда ты меня знаешь?

— Так, знаю.

Парень погладил глянцевую обложку книги грязной рукой.

— Откуда? — не сдавался Пеллэм, движимый не только любопытством, но и подозрительностью.

— Знаю, и все. Как бы услышал.

— Расскажи мне все, что знаешь. Я не из полиции.

По презрительному смешку Пеллэм понял, что парню это и так известно.

Голос улицы.

Парень снова раскрыл книгу. Шрифт был крупный и редкий. Фотографии отвратительные.

— Итак, кто поджог здание? — спросил Пеллэм. — И кто этого человека нанял?

Парень прищурился — стариковские глаза на детском лице. Рассмеялся.

Смазывать шестеренки — дело дорогостоящее.

Пеллэм мысленно просуммировал содержимое двух своих банковских счетов, добавил скудный аванс за «К западу от Восьмой авеню», вычел поборы налоговой инспекции и штраф за досрочное снятие денег. У него получилось что-то около восьми с половиной тысяч. Небольшая доля в доме на Беверли-Глен. Что-нибудь можно будет выручить за подержанный «Уиннебаго». Но это все. Пеллэм вел бурную жизнь, чего никак нельзя было сказать о его финансовых поступлениях.

Парень шмыгнул носом.

— Сто тысяч.

Пеллэм полагал, у такого молокососа должны быть более скромные запросы.

Он даже не считал нужным торговаться.

— Что тебе известно о пожаре?

— Тот тип, который устроил поджог, — я его как бы знаю. У него не все дома. Понимаешь, он самый настоящий псих. Тащится о того, что все поджигает.

Судя по всему, тот самый пироманьяк, о котором говорил Бейли, — тот самый, кого так хочет поймать помощник окружного прокурора Луиза Коупель, которую Пеллэм успел заочно невзлюбить.

— Он тебе сказал, кто его нанял?

— Как бы не совсем сказал, но можно это вычислить. По тому, что мне рассказал этот тип.

— Как тебя зовут?

— Тебе это как бы незачем знать.

— Однако ты как бы знаешь мою фамилию.

— Я тебе могу назвать какое-нибудь имя, — продолжал парень. — И что с того? Оно все равно будет вымышленным.

— Ладно, ста тысяч долларов у меня нет. Даже близко нет.

— Брехня. Ты как бы знаменитый режиссер и все такое. Ты из Голливуда. У тебя обязательно должны быть деньги.

На улице снова показалась полицейская машина. У Пеллэма мелькнула мысль схватить тощего паренька за шиворот и передать его полицейским.

Наверное, его выдали глаза.

— О, только попробуй, козел! — крикнул парень.

Зажав под мышкой свою драгоценную книгу, он юркнул в переулок.

Пеллэм замахал руками, тщетно призывая внимание полицейских. Те его не увидели. Или решили не обращать на него внимание. Тогда Пеллэм бросился по переулку вдогонку за парнем, громыхая каблуками по скользкой от гниющих отбросов брусчатке. Парень пронесся по пустынной автостоянке за домом Этти и выскочил на Девятую авеню. Увидев, что он повернул направо, на север, Пеллэм припустил изо всех сил.

Он потерял парня из виду, когда тот добежал до Тридцать девятой улицы. Пеллэм остановился на перекрестке, пытаясь отдышаться. Он

обвел взглядом стоянки, подъездные пути к тоннелю Линкольна, жилые здания в стиле рококо, мексиканские ресторанчики и усыпанную опилками лавку мясника. Пеллэм заглянул в один ресторанчик, но парня там не видели. Выходя на улицу, Пеллэм увидел, как в одном из домов распахнулась настежь дверь. Оттуда выскочил парень с рюкзаком, тотчас же затерявшийся в толпе. Пеллэм даже не стал терять времени на погоню. На людной улице парень буквально стал невидимым.

Первый этаж здания, из которого выбежал парень, напоминал магазин. Окна были покрашены черной краской. Пеллэм вспомнил, что уже бывал здесь. Центр помощи нуждающимся подросткам. Шагнув внутрь, Пеллэм увидел помещение, тускло освещенное лампами дневного света, скудно обставленное разномастными столами и стульями. Посреди помещения стояли скрестив руки две женщины, что-то оживленно обсуждавшие друг с другом.

Пеллэм вошел как раз в тот момент, когда более стройная из двух женщин беспомощно развела руками и, толкнув дверь в задней части помещения, вышла в соседнюю комнату.

Бледное, круглое лицо второй женщины блестело слоем косметики, едва скрывавшим россыпь веснушек. У нее были рыжие волосы, ниспадавшие до плеч. Пеллэм прикинул, что ей должно было быть лет тридцать с хвостиком. Старая футболка с длинным рукавом и потертые джинсы подчеркивали ее пышные формы. На каштановой футболке красовалась эмблема Гарвардского университета. И девиз: «Veritas»^[32].

Пеллэм подумал про Гектора Рамиреса, одного из «Кубинских лордов». Verdad.

Primero con la verdad.

Увидев вошедшего Пеллэма, женщина с любопытством взглянула на него. На сумку с видеокамерой. Пеллэм представился, и женщина сказала:

— Меня зовут Кэрол Вайандотт. Я директор центра помощи нуждающимся подросткам. Чем могу вам помочь?

Она поправила сползшие вниз очки в массивной оправе из черепахового панциря, — сломанной и замотанной белым лейкопластырем, — задвинув их обратно на переносицу. Пеллэм нашел ее привлекательной — насколько привлекательными бывают крестьянки. Как бы нелепо это ни выглядело, шею Кэрол Вайандотт стискивало жемчужное ожерелье.

— Минуту назад отсюда вышел один подросток. Светловолосый, грязный.

— Алекс? Мы как раз говорили о нем. Он вбежал, схватил свой рюкзак и тотчас же выскочил обратно. Мы пытались понять, что произошло.

— Мы с ним разговаривали на улице, и вдруг он бросился бежать.

— Просто разговаривали?

Пеллэму не хотелось говорить о том, что парень знает про поджог. Ради его же блага. Новости в Адской кухне распространяются слишком быстро. Пеллэм вспомнил пистолет в руке Рамиреса, животный страх, охватывающий весь мир при упоминании имени Джимми Коркорана.

— Можете вываливать всю правду, — сухо произнесла Кэрол, снова поправляя очки.

Пеллэм вопросительно поднял брови.

— Такое происходит постоянно. Кто-нибудь из наших ребят вырывает у прохожего бумажник, а затем к нам приходит человек и, заливаясь краской, говорит: «Кажется, один из ваших мальчиков „нашел“ мой бумажник.»

Пеллэм пришел к выводу, что перед ним умная женщина из состоятельной семьи, решившая посвятить себя общественно-полезному труду. Из чего следовало, что иметь с ней дело будет очень непросто.

— Ну, возможно, ваш Алекс великий вор, но у меня он ничего не украл. Я снимаю фильм и...

— Вы журналист?

По лицу Кэрол пробежала ледяная тень — она рассердилась больше, чем если бы Пеллэм обвинил Алекса в том, что тот «нашел» его бумажник. Пеллэм подумал, какие же у нее выразительные глаза. Радужная оболочка бледно-бледно голубая. Практически сливающаяся с белизной глазного яблока.

— Не совсем.

Он объяснил, что «К западу от Восьмой авеню» должен будет стать устным повествованием об Адской кухне.

— Терпеть не могу журналистов.

В голосе Кэрол прозвучал едва заметный провинциальный акцент. Пеллэм наконец понял, чем объясняется ее задиристость — директору подобного заведения без твердости характера никак не обойтись. Как и без определенной доли грубости.

— Мне надоели сюжеты про молодых наркоманов, групповые изнасилования и детскую проституцию, — продолжала Кэрол. — Чертовски трудно пробить финансирование, когда попечительский совет видит в вечернем выпуске новостей, что та маленькая девочка, которую мы пытаемся вернуть к нормальной жизни, — неграмотная проститутка, больная гепатитом. Но, впрочем, именно такие подростки и нуждаются в нашей помощи.

— Послушайте, мэм, — остановил ее Пеллэм, поднимая руку, — я просто снимаю документальный фильм про Адскую кухню.

Твердое лицо Кэрол мгновенно растаяло.

— Извините, извините. Мои друзья говорят, что я не могу передать кусок мыла без того, чтобы не завестись. Так что вы хотели узнать насчет Алекса? Вы брали у него интервью?

— Я беседовал с жильцами сгоревшего дома. Алекс тоже жил в нем.

— Точнее, бывал там, — поправила Кэрол. — Вместе со своим ястребом.

«Мы с Рэем.»

— Вы знаете Хуана Торреса? — продолжала Кэрол.

Пеллэм кивнул.

— Его состояние остается критическим.

Сын того человека, который лично знаком с Хосе Кансеко.

Кэрол покачала головой.

— Не могу видеть, как такое происходит с лучшими. Мне его так жалко.

— У вас нет никаких мыслей насчет того, куда мог отправиться Алекс?

— Понятия не имею. Он прибежал и убежал.

— Откуда он родом?

— Алекс утверждал, что он откуда-то из Висконсина. Вероятно... Извините, я забыла, как вас зовут.

— Пеллэм.

— А полностью?

— Джон Пеллэм. Но я предпочитаю, когда ко мне обращаются по фамилии.

— Вам не нравится имя Джон?

— Скажем так: мой образ жизни нельзя назвать библейским. Есть какая-нибудь вероятность, что Алекс вернется?

— Трудно сказать. Те из ребят, у кого есть работа, — вы понимаете, что я подразумеваю под словом «работа», — остаются здесь только тогда, когда заболевают, или временно остаются не у дел. Если Алекс чего-то испугался, он заляжет на дно, и, может статься, пройдет полгода, прежде чем он снова появится здесь. Если вообще когда-нибудь появится. Вы живете в Нью-Йорке?

— Я с Западного побережья. Снимаю квартиру в Ист-Вилледже.

— В Ист-Вилледже? Черт возьми, по количеству грязи Адская кухня даст Ист-Вилледжу^[33] сто очков вперед! Если хотите, оставьте свой телефон. И когда наш блудный сын вернется сюда, я дам вам знать.

Пеллэм пожалел о том, что подумал о Кэрол как о крестьянке. Теперь он не мог избавиться от этого впечатления. Крестьянки очень приземленные, крестьянки очень любвеобильные. Особенно рыжеволосые и веснушчатые. Пеллэм мысленно прикинул, что когда он в последний раз спал с женщиной, их разбудил среди ночи вой ветра, швыряющего в тонкие стенки «Уиннебаго» хлопья мокрого снега. А сегодня температура на улице поднялась до девяноста девяти градусов по Фаренгейту.

Пеллэм прогнал подобные мысли прочь, однако они ушли не так далеко, как ему хотелось бы.

Наступила натянутая пауза. Поддавшись внезапному порыву, Пеллэм спросил:

— Послушайте, вы не хотите выпить кофе?

Кэрол поднесла было руку к носу, собираясь поправить очки, но передумала и сняла их совсем. Затем, смущенно улыбнувшись, снова

надела очки. Потом принялась застенчиво терев край футболки. Пеллэму все это было хорошо знакомо. Он понял, что сейчас мысли Кэрол заняты беспокойством по поводу лишнего веса и непрезентабельной одежды.

Что-то удержало его от того, чтобы заверить ее: «Вы выглядите замечательно.» Вместо этого Пеллэм выбрал более безобидное замечание:

— Но должен вас предупредить: кофейные автоматы я терпеть не могу.

Кэрол провела полными пальцами по волосам. Рассмеялась.

— А также «Макдональдсы», «Пицца-хаты» и прочий мусор с французскими булочками, — продолжал Пеллэм. — Или американский кофе, или ничего.

— А разве кофе выращивают не в Колумбии?

— Это же тоже Америка, только Латинская.

Кэрол тоже осмелилась пошутить:

— Вероятно, вы предпочитаете пить его из пластиковых стаканчиков, которые не поддаются переработке как вторичное сырье.

— Была бы моя воля, я бы распылял кофе из баллончиков с аэрозолью.

— Я знаю одно заведение неподалеку, — сказала она. — Совсем рядом. Я туда часто хожу.

— Ведите.

— Вернусь минут через пятнадцать! — окликнула Кэрол.

Из задней комнаты донесся ответ по-испански, который Пеллэм не смог разобрать.

Он открыл дверь, пропуская Кэрол. Выходя на улицу, та прижалась к нему. Случайно или умышленно?

Пеллэм поймал себя на том, что снова подумал: «Восемь месяцев...» Прогнав эти мысли, он шагнул следом за Кэрол.

Они сидели на бордюре тротуара рядом со сгоревшим домом, в котором жила Этти. У их ног стояли два бумажных стаканчика с кофе,

разрисованные танцующими греками. Вытерев лицо платком, Кэрол спросила:

— А это кто такой?

Пеллэм обернулся и посмотрел туда, куда она показывала.

Исмаил в своей трехцветной ветровке таинственным образом вернулся. Сейчас он сидел в кабине бульдозера, расчищавшего площадку под автостоянку за домом Этти.

— Эй, приятель, будь поосторожнее, — крикнул ему Пеллэм.

Он рассказал Кэрол про Исмаила, его мать и сестру.

— Приют в школе? Он считается у нас одним из лучших, — сказала Кэрол. — Думаю, где-нибудь через месяц всех погорельцев переведут из него в общежитие — каждой семье дадут отдельную комнату. По крайней мере, если им повезет.

— Значит, вы хорошо знакомы с жизнью района? — спросил Пеллэм.

— Можно сказать, именно здесь у меня как у работника социального обеспечения прорезались зубы.

— Значит, вы знаете не только светлые, но и темные стороны. Те, которые нам, туристам, никогда не показывают.

— Спрашивайте что угодно.

Кэрол взглянула на стоптанные черные высокие ковбойские сапоги на ногах Пеллэма.

— Что вы можете рассказать о бандах?

— О бандах? Разумеется, я знаю о них. Но мы с ними почти никак не контактируем. Понимаете, если подросток становится членом организованной группы, он и так получает всю необходимую помощь. Хотите верьте, хотите нет, банды лучше приспособлены к жизни, чем одинокие волки.

— Эй! — послышался оклик Исмаила. — Я уеду в Лос-Анджелес вместе с моим другом.

Мальчишка указал на Пеллэма.

— Молодой человек, я что-то не припоминаю, чтобы этот пункт значился в повестке дня.

Поймав удивленный взгляд Кэрол, Пеллэм покачал головой.

— Нет-нет, все прикольно, приятель. Я еду с тобой. Выйду на «Кровопийц» или «Калек». Сдружусь с ними. Прикольно. Ты меня понимаешь.

С этими словами Исмаил скрылся в переулке.

— Прочтите мне лекцию, — попросил Пеллэм. — Введение в историю банд в Адской кухне.

Очки снова вернулись на нос Кэрол, и Пеллэм едва не сказал вслух, что без них ей лучше. Но он вовремя успел сдержать себя.

— Значит, историю банд, да? И с чего мне начать? С «Крыс»? — игриво улыбнулась Кэрол.

Улыбка у нее на лице уступила место искреннему изумлению, когда Пеллэм на это заметил:

— Насколько я слышал, Одноглазый Карран уже отошел от дел.

— А вы и сами кое в чем разбираетесь.

Пеллэм вспомнил одну из бесед с Этти Вашингтон.

... "Передовая." Так называлась в начале века Тридцать девятая улица. Бабушка Ледбеттер рассказывала мне о том, какое это было жуткое место. Именно здесь ошивались Одноглазый Карран и его банда, «Крысы», — в таверне Маллета Мерфи. Бабушка рылась в мусорных баках в поисках обрезков сукна и других полезных вещей, но ей приходилось быть осторожной, потому что на улицах бандиты все время вели перестрелки с полицией. Вот откуда это название. Тут кипели настоящие сражения. Иногда «Крысы» одерживали верх, хочешь верь, хочешь не верь, и фараоны потом несколько недель не смели сунуть сюда свой нос, до тех пор, пока все снова не становилось тихо.

— Кэрол, давайте перейдем сразу к настоящему, — сказал Пеллэм. — Что вы можете сказать про нынешние банды?

Она задумалась.

— В свое время здесь главными были «Западники». Они до сих пор время от времени тут появляются, но министерство юстиции и полиция

несколько лет назад переломило им хребет. Их место более или менее занял Джимми Коркоран со своими ребятами — они являются отстоем прежних ирландских банд. Самой крупной группировкой сейчас считаются «Кубинские лорды». В основном эта банда состоит из кубинских эмигрантов, но в ней есть и пуэрториканцы с доминиканцами. А вот чернокожих банд, заслуживающих упоминания, у нас нет. Они все в Гарлеме и Бруклине. Выходцы с Ямайки и корейцы работают в Куинсе. Китайские «тони» обосновались в Чайнатауне. Русские заплонили Брайтон-Бич.

Режиссер в душе Пеллэма зашевелился было при мысли о фильме про этнические преступные группировки. Однако он тотчас же подумал: «Это уже было». Три слова, в «Городе мишурного блеска»^[34] равносильные чистому стрихнину.

Кэрол потянулась, скользнув грудью Пеллэму по плечу. Может быть, случайно, а может быть, и нет.

Тот вечер восемь месяцев назад был просто замечательный. Ветер раскачивал жилой трейлер, в стены хлестал мокрый снег, светловолосая ассистентка режиссера прикусила острыми зубами Пеллэму мочку уха...

Восемь месяцев — невероятно большой срок. Три четверти года. За это время успевает практически полностью созреть плод в чреве матери.

— Где обитает Коркоран, — спросил Пеллэм.

— Вы имеете в виду, где собирается его банда? — Кэрол покачала головой. — Эти подонки лишь на шаг ушли от пещерных жителей. Их излюбленное место — один старый бар к северу отсюда.

— Который именно?

Кэрол пожала плечами.

— Я точно не знаю.

Она лгала.

Пеллэм пристально посмотрел ей в бледно-голубые глаза. Давая ей понять, что он поймал ее на слове.

Она продолжала, нисколько не смутившись:

— Послушайте, вы должны хорошенько уяснить, кто такой Джимми Коркоран... он совсем не похож на бандитов, какими их показывают в кино. Коркоран настоящий психопат. Один из его людей убил человека,

вымогавшего у банды деньги. Джимми со своими друзьями распилил труп ножовкой. Затем они утопили расчлененное тело в Спайтен-Дайвил^[35]. Но Джимми оставил себе в качестве сувенира одну кисть, а затем выбросил ее в корзину для чеков на контрольно-пропускном посту платной автострады в Нью-Джерси. Вот с какими людьми вам придется иметь дело.

— И все-таки я рискну.

— Вы надеетесь, Коркоран мило улыбнется вам в камеру и расскажет историю своей жизни?

Пеллэм небрежно пожал плечами — хотя на смену картин любовных утех в засыпанном снегом «Уиннебаго» пришел образ окровавленной ножовки.

Кэрол покачала головой.

— Пеллэм, Адская кухня — не Бед-Сай. Не Южный Бронкс и не Ист-Сайд^[36]... Здесь опасно, и это все знают. Советую вам держаться подальше от этих мест. В противном случае будьте готовы к тому, что вас распилят на мелкие кусочки, а вы даже не успеете понять, за что. Здесь у нас все смешалось. Роскошные жилые дома, дорогие магазины, а рядом убийцы и проститутки. Тут можно найти кого угодно: крупных бизнесменов, психопатов, священников, сутенеров, актеров... Человек проходит средь бела дня по уютному скверику мимо жилого дома и любуется цветами, а в следующее мгновение он уже лежит на земле с пулей в ноге или с киркой в затылке. Или человек распевает ирландские песни в баре, а кто-то подходит к его соседу и выстрелом разносит ему голову. И никто никогда не узнаёт, кто это сделал и почему.

— Проклятие, — улыбнулся Пеллэм, — я знаю, что Джимми Коркоран плюется ядом и проходит сквозь стены. Ничего нового для меня в этом нет.

Рассмеявшись, Кэрол положила голову ему на плечо. От этого прикосновения Пеллэм ощутил в груди электрический разряд, достаточно горячий, чтобы растопить январский снег.

— Ну хорошо, извините за то, что читала вам проповеди, — сказала Кэрол. — Это у меня профессиональное. Но только потом не говорите, что я вас не предупреждала. Раз вам нужен Джимми Коркоран, вы его получите. Дом номер четыреста восемьдесят восемь. Это бар на углу Десятой авеню и Сорок пятой улицы. Коркорана можно застать там три или четыре дня в неделю. Но если вы все же пойдете туда, идите днем.

И... — она крепко стиснула Пеллэму руку, — и я настоятельно советую вам захватить с собой друга.

— Ого! — Исмаил спрыгнул к ним со ступенек. — Я его друг!

— Не сомневаюсь, Коркоран уже наложил от страха в штаны.

— А то как же, твою мать!

Исмаил убежал искать другую землеройную технику. Кэрол задержала взгляд на Пеллэме. Тот отвел глаза первым. Кэрол встала.

— Пора возвращаться на соляные копи, — сказала она.

Рассмеявшись, сняла очки.

По дороге назад к центру помощи нуждающимся подросткам Кэрол сказала:

— Кстати, вы не первая творческая личность, которую я знаю. Один из выпускников центра стал писателем.

— Вот как?

— Да, написал бестселлер — про одного серийного убийцу. Плохо только то, что это была автобиография. Пеллэм, позвоните мне как-нибудь. Вот моя визитная карточка.

Данетта Джонсон стояла на Десятой авеню.

Улица была очень широкая. Здания вдоль нее были все как один невысокие, и поэтому она казалась еще шире. Солнце, опускающееся за Нью-Джерси, оставалось еще очень ярким и жарким. Данетта стояла в тени арки давно закрытого ночного клуба, реликвии восьмидесятых годов.

Изучая водителей, которые, проезжая мимо, сбавляли скорость и бросали на нее красноречивые взгляды, она размышляла: «Нет-нет, только не этот.»

«Нет, это просто какой-то козел.»

«Нет, этот тоже не пойдет.»

Данетта стояла в тени не потому, что спасалась от жары — ее роскошные формы покрывали не больше восьми унций одежды, — а из-за

подростковых прыщей, покрывших рябью ее лицо, отчего она считала себя уродиной.

Еще одна проезжавшая мимо машина замедлила скорость. Подобно большинству машин на Десятой авеню, на ней были номера Нью-Джерси: авеню вела к тоннелю Линкольна, основной магистрали, соединяющей центральный Манхэттен и «штат Садов»^[37].

Здесь девушка могла запросто заработать пятьсот — шестьсот долларов на вечер.

Но только не у этого типа, и только не сегодня. Данетта отвернулась, и машина поехала дальше.

Данетта работала на улице уже восемь лет, с тех пор, как ей исполнилось девятнадцать. Для нее торговля своим телом ничем не отличалась от любой другой профессии. Большинство ее клиентов были порядочными мужчинами: нелюбимая работа, начальник, с которым постоянно происходят конфликты, жена, переставшая давать после рождения первого ребенка.

Данетта предоставляла необходимые услуги. Точно так же, как это делает секретарша, — кем очень хотела видеть Данетту ее мать.

Красный «Ирокез», свернув на Десятую авеню, медленно направился к Данетте, выпуская из двух выхлопных труб сексуальные клубы дыма. За рулем сидел рыхлый итальянец в дорогой белой рубашке с монограммой. У него были тщательно ухоженные усики, а на левом запястье блестели золотые часы «Ролекс». Итальянец производил впечатление владельца автомобильного салона в Вест-Сайде.

— Хочешь потрахаться?

Мило улыбнувшись, Данетта нагнулась к нему и произнесла томным голосом:

— Поцелуй мою черную задницу. Убирайся отсюда.

Пока она возвращалась в тень арки, машина скрылась из виду.

Через несколько минут рядом остановилась «Тойота». В машине сидел худой белый мужчина в бейсболке. Он испуганно огляделся по сторонам.

— Привет. Как идут дела? Сегодня жарко, правда? Чертовски жарко.

Осмотревшись вокруг, Данетта не спеша приблизилась к машине, громко выстукивая высокими каблуками по асфальту.

— Да, жарко.

— Я здесь езжу с работы домой, — продолжал мужчина. — Я тебя уже видел.

— Да? И где ты работаешь?

— В одном месте. В центре.

— Да? И в каком же месте?

— В конторе. Скукотища смертная. Я видел тебя уже пару раз. Я имею в виду, здесь. На этой улице.

Мужчина нервно кашлянул.

Нет, это уже слишком.

— Да, я частенько бываю здесь, — подтвердила Данетта.

— А ты симпатичная.

Она улыбнулась, гадая, как это бывало по сто раз на дню, можно ли будет с помощью пластической операции разгладить морщины на щеках.

— Вот, — пробормотал мужчина.

Смерив его взглядом, Данетта повторила:

— Вот.

Помолчав, добавила:

— Ну что, котик, ты хочешь пригласить меня на свидание?

— Возможно. Определенно, сиськи у тебя классные. Ты ничего не имеешь против того, что я говорю об этом?

— Титьки мои всем нравятся, мальчик.

— И что ты делаешь?

Мужчина вытер лицо. Оно было мокрым от пота. Он начал было снимать бейсболку, но передумал.

— Что я делаю? — нахмурившись, переспросила Данетта.

— Ну, если я приглашу тебя на свидание, как мы с тобой будем развлекаться?

— О, могу тебя заверить, я делаю все. Трахаюсь, беру в рот, а если хочешь, подставляю задницу. Я ничего не имею против. Но тебе обязательно придется надеть резинку. А я воспользуюсь смазкой.

— Ого. — Похоже, мужчина смутился, но Данетта определенно завладела его вниманием. — Мне это нравится — когда ты так говоришь. Сквернословишь.

— Тогда я буду говорить так во время свидания.

— Черт побери, а ты женщина горячая.

— Блин, мальчик, это не новость, — скорчила гримасу Данетта.

— Как тебя зовут?

— Данетта. А тебя?

— Джо.

На противоположной стороне улицы располагался склад. «Джо Септимо, складские помещения и транспортные перевозки». Половина мужчин, останавливавшихся перед Данеттой, предпочитали называть себя «Джо».

— Ну, Джо, как ты относишься к тому, чтобы немножко поразвлечься вдвоем?

Данетта подалась вперед, позволяя мужчине получше разглядеть ее грудь, которая, похоже, ему очень понравилась, показывая, что она не силиконовая, а она сама не трансвеститка.

— Очень положительно.

Он что-то шепнул — что именно, Данетта не расслышала. Она наклонилась к нему, просовывая руки в салон машины. Мужчина с любопытством взглянул на девять перстней на пальцах.

— Что ты сказал, мальчик?

— Я сказал, сколько ты возьмешь? Я имею в виду, за наше свидание?

— С такого милого мальчика как ты? Отсосу твой член за полтинник. За сотню ты сможешь отыметь меня спереди. За две сотни я подставляю тебе

свою задницу. И всем этим мы сможем заняться на заднем сиденье твоей тачки. Здесь неподалеку есть один глухой переулок... Эй, подожди, что ты делаешь?

Данетта испуганно ахнула. Глаза мужчины вдруг стали жесткими. Сунув руку в карман, он достал наручники и схватил Данетту за запястья. Несмотря на кажущуюся худобу, он оказался на удивление сильным.

— Что ты делаешь? — вскрикнула Данетта.

Наручники с громким щелчком закрылись на ее тощих запястьях.

— Что ж, Данетта, я тебе скажу, что я делаю. Я арестовываю тебя за оказание сексуальных услуг, что является нарушением уголовного кодекса штата Нью-Йорк. Стой на месте и жди, когда к тебе подойдет сзади вон та дама.

Мужчина стащил с плеча Данетты сумочку.

— Что? — пробормотала та, широко раскрывая глаза от изумления.

Обернувшись, Данетта увидела приближающуюся женщину-полицейского. Та подошла к молодой негритянке и отвела ее в тень арки.

— О черт, — удивленно проговорила Данетта. — Ты хочешь сказать, что ты фараон?

— Здорово я тебя обманул, да? Стараюсь.

— Во блин, я никак не могу поверить. Я только что вышла на свободу! Черт, я готова была поклясться, что ты обычный козел из Джерси.

Удовлетворенный подобной оценкой своего актерского мастерства, полицейский кивнул своей напарнице.

— Отведи ее в «воронок». И отвозите всех задержанных в участок.

Коренастая женщина-полицейский схватила Данетту за руку и повела ее за угол, где стоял ничем не примечательный с виду микроавтобус «Додж». Она даже помогла молодой негритянке забраться в машину, где уже скучали две обливающиеся потом проститутки.

— Проклятие, опять фараоны выехали на рыбалку, — выпалила Данетта. — Неужели им больше нечем заняться? Черт возьми, вам что, нечем убить свободное время?

— Минут через десять — пятнадцать мы поедем в участок, — сказала женщина-полицейский. — Как только мы тронемся, я скажу водителю включить кондиционер. Эй, что такого смешного я сказала?

Но Данетта давилась от хохота, не в силах вымолвить ни слова.

Опять пот. И только посмотрите, как трясутся руки.

«А, мама, неужели это действительно конец?»

Сынок прошел через строительную площадку, расположенную напротив сгоревшего здания на Тридцать шестой улице — которое, как он пришел к выводу, быстро становилось одним из самых любимых дел за всю его карьеру. Жемчужиной коллекции. Несмотря на этого гомика Пеллэма, полуночного ковбоя Джо Бака, хе-хе. А может быть, как раз наоборот, благодаря ему.

«Опять торчат на сцене, играя блюз...»

Замедлив шаг, Сынок оглянулся по сторонам, ища взглядом Пеллэма. Его нигде не было видно. Слушая звучащую в голове музыку, Сынок вспоминал мать, которая умерла пять лет назад. Вспоминал, как она бродила по дому, слушая Боба Дилана — на грампластинках! Сколько их у нее было! Долгоиграющие пластинки. Черные виниловые диски. Так занятно. Они царапались, и игла по ним прыгала. А если их поджечь, они плавятся, принимая самые причудливые формы. Мать Сынка крутила Дилана, Дилана, Дилана и только Дилана, всю ночь напролет, месяц за месяцем.

На мгновение Сынку показалось, что он действительно слышит звуки музыки, что мать вернулась. Он резко обернулся. Нет, ее здесь нет. Только рабочие: желтые каски, стопки бетонных блоков.

И канистры с соляркой, бензином, баллоны с пропаном. Просто прелесть...

Сынок шел на восток до тех пор, пока не оказался над решеткой тоннеля метро на Восьмой авеню. Присев на корточки за рядами мусорных баков, он трясущимися руками вытер с лица пот.

«Неужели это действительно конец?...»

Нет, пока еще не конец, но скоро будет. Конец неумолимо надвигался. Приближалась минута его смерти, и Сынок знал это. В то время как большинство людей поглощены мечтами о том, как могла бы сложиться их жизнь, — мечтами эгоистическими и, как неизбежно выясняется со

временем, напроочь лживыми, — Сынок был одержим видением собственной смерти.

В его представлении это делало его чем-то похожим на Христа. Нашего Спасителя, рожденного для того, чтобы умереть. Нашей плоти, нашей крови, отсчитывающего минуты до Голгофы. И действительно, Сынок внешне напоминал Иисуса, по крайней мере, одобренный Ватиканом, сувенирно-показной вариант в духе Де-Милля^[38]: — долговязый, узколицый, тощая бородка, длинные светлые волосы, завораживающие голубые глаза. Худой.

Видение собственной смерти было очень сложным; оно формировалось у Сынка с детства. Не в силах заснуть, он лежал в затихшем, успокоившемся доме (иногда в спокойных руках матери, иногда в беспокойных) и представлял себе свою смерть, редактировал ее, оттачивал до совершенства. Вот он в просторном помещении, в окружении тысяч людей, извивающихся в агонии под потоками восхитительного «сиропа», липкой горючей смеси — его собственного изобретения. А он сам находится посреди этого хаоса, слушает крики, вдыхает запах горелой плоти, наслаждается зрелищем мучений. Огонь, не имеющий материального воплощения, но тем не менее существующий в реальности, ласкает волосы, кончики пальцев, спины, груди. А Сынок сходится в смертельной схватке со своим врагом — с Антихристом, созданием, которое пришло на Землю для того, чтобы забрать его. Молчаливым, высоким, облаченным во все черное.

Чем-то похожим на Пеллэма.

Сынок представил себе, как они двое стоят, скованные цепью, окруженные пылающим потоком. Сильные, покрытые потом тела переплетаются вместе, а пламя сдирает с них сначала одежду, затем кожу, перемешивая кровь. Они двое, и десять тысяч других — забитый до отказа театр на Бродвее, крытый стадион, университетская аудитория.

Сынок почувствовал, как его переполняют энергия и целеустремленность. Он должен рассказать миру о грядущем великом пожаре.

Что Сынок и сделал. В своей особой манере.

Когда поезд метро, грохоча, подъехал к станции и заскрежетал тормозами, останавливаясь, Сынок, оглядевшись по сторонам, вылил в вентиляционную решетку два галлона «сиропа». Затем он зажег и бросил вдогонку вставленную в кусок пластилина рождественскую свечку — новое изобретение, не гаснущую на ветру.

С приглушенным шелестом воспламенившаяся жидкость хлынула через вентиляционную решетку вагона внутрь.

— С днем рождения, с днем рождения, — пропел Сынок.

И тотчас же устыдился собственного легкомыслия, вспомнив, что он занят важной работой. Встав, Сынок медленно пошел прочь, неохотно, сожалея о том, что не может задержаться и послушать крики, пробивающиеся сквозь клубы черного дыма, крики тех, кто умирал под землей, прямо у него под ногами.

«Мама, неужели это действительно конец?...»

Звук пожарных сирен, казалось, раздался одновременно со всех сторон. Душераздирающий, настойчивый, беспомощный. Но Сынок подумал, что вся эта суета напрасна. Он ведь только начал; город еще ничего не видел.

11

Хатейк Имахам верховодила сборищем в женском отделении центра предварительного содержания под стражей.

— Так, слушайте внимательно, — сказала она молодым женщинам, собравшимся вокруг нее. — Не покупайтесь на эту бредятину. Корень Благословенного Иоанна-Завоевателя? Кровь черной летучей мыши, природный магнит, свеча Бичона, притягивающая сердца? Все это чушь несусветная. Годится только на то, чтобы выуживать у человека денежки. Вы-то должны это понимать.

Этти Вашингтон, лежавшая на койке в противоположном углу камеры, слушала в пол-уха. Сегодня боль мучила ее больше, чем сразу после пожара. Рука ныла, посылая болезненные разряды прямо в нижнюю челюсть. Лодыжка тоже болела. А голова просто раскалывалась. Этти снова попыталась достать у охранниц болеутоляющее, но те лишь посмотрели на нее таким взглядом, каким смотрели на спящих по полу мышей.

— Но я знаю, что это тоже помогает, — возразила одна тощая женщина. — Однажды мой муженек вздумал меня обмануть, и я...

— Слушайте сюда. Если у человека есть магическая сила, ему не нужны ни кровь, ни свечи, ни коренья. Ну а если ее нет, тут уж ничего не поможет. Когда люди обращаются за помощью и советом ко мне, я прошу их лишь оставить несколько грошей Дамбалле. Только и всего. Но большинство знахарей и заклинателей в Нью-Йорке думают только о

деньгах. — Хатейк повысила голос. — Ну а вы что скажете, миссис Вашингтон? Вы верите в Дамбаллу?

— В кого?

— В богиню-змею? В Сантерию, в вуду?

— Если честно, не очень, — призналась Этти.

Ей не хотелось вдаваться в разъяснения, что бабушка Ледбеттер, благослови господи ее душу, вытравила из Этти всю религиозность своими пламенными проповедями, в которых сочетались католичество и истовый баптизм. Что, если хорошенько задуматься, мало чем отличалось от сумасшедшего бреда, которым сейчас потчевала своих слушательниц Хатейк Имахам. Вместо корня Благословенного Иоанна-Завоевателя — ладан и святая вода.

Подергав себя за проколотую мочку уха без серьги, Хатейк продолжила подробно растолковывать бесполезность приворотных заговоров и зелья, оберегающего от сглаза и порчи. Главное — это то, что находится в сердце. Мысли Этти унеслись куда-то далеко и наконец остановились на Джоне Пеллэме. Ей захотелось узнать, когда он навестит ее снова. Если вообще когда-либо навестит. Да он уже должен быть за многие сотни миль отсюда. Черт возьми, ну зачем он ей помогает? Этти с ужасом подумала о том, что Пеллэм чуть не погиб в пожаре. Затем она подумала про Хуана Торреса. Мысленно помолилась за мальчишку, хотя и ни во что не верила.

Послышался шум. Металлический лязг. Заключенные закричали, встречая новоприбывшую.

— Ого, девочка, кажется, ты и дня не пробыла на воле? Тебя так быстро загребли снова?

— Проклятие, Данетта, ты приносишь несчастье. Девочка, я буду держаться от тебя подальше.

Этти проследила за тем, как молодая негритянка с рябым лицом и красивой фигурой неуверенно прошла в большую камеру. Она узнала в ней одну из проституток, которых выпустили лишь вчера. Она вернулась так скоро? Этти улыбнулась новоприбывшей, но та ей не ответила.

Данетта подошла к женщинам, сидящим вокруг Хатейк Имахам. Та ей кивнула.

— Привет, девочка. Рада тебя видеть.

Ее слова показались Этти какими-то странными. Хатейк как будто ожидала возвращения Данетты.

Молодая негритянка заняла место в кругу, и Хатейк продолжила читать лекцию об оккультизме, перейдя теперь к Дамбалле, самой могущественной в пантеоне вуду. Этти знала это от своей сестры, которая несколько лет назад увлекалась этой чертовщиной. Затем Хатейк понизила голос, и женщины стали о чем-то тихо шептаться. Время от времени то одна, то другая оборачивались на Этти, но ее они в свой разговор больше не включали. Что было и к лучшему. Пожилая негритянка была благодарна им за тишину, за возможность отдохнуть несколько минут. Ей предстояло еще так много обдумать, а, видит бог — или Дамбалла, мысленно рассмеялась Этти, — здесь несколько минут спокойствия были большой редкостью.

Опять это чувство. Кто-то за ним следит.

Пеллэм стоял на тротуаре перед домом, в котором жила Этти, и терял время впустую, расспрашивая строителей, словно пораженных амнезией, не было ли кого-нибудь из них в переулке в тот момент, когда начался пожар, и не знают ли они, кто мог здесь находиться.

Он резко обернулся. Да, точно. Футах в пятидесяти застыл сверкающий черный лимузин. Машина стояла на строительной площадке, под большим стендом, на котором художник проникновенно изобразил законченное здание. Пеллэм уже видел подобные стенды в Вест-Сайде: тем, кто их рисовал, удавалось изобразить небоскребы такими же привлекательными и насквозь фальшивыми, как рисунки женщин в нижнее белье на рекламных объявлениях дорогих универмагов «Лорд энд Тейлор» в газетах.

Пеллэм внимательно посмотрел на лимузин. Стекла были тонированными, но он смог разглядеть, что на заднем сиденье кто-то сидел — предположительно, мужчина, — и пристально смотрел на него.

Резко вскинув видеокамеру к плечу, Пеллэм направил ее на лимузин.

Через мгновение на заднем сиденье произошло какое-то движение. Водитель нажал на газ, и длинный лимузин, выехав на улицу, быстро затерялся в потоке машин, направляющихся к свинцово-серой полосе Гудзона.

Пеллэм сошел с тротуара на проезжую часть, следя видеокамерой за уехавшим лимузином, и поэтому не увидел вторую машину, которая едва не налетела на него.

Услышав визг тормозов, Пеллэм резко обернулся и отскочил в сторону. Запрыгивая обратно на тротуар, он не удержал равновесие и упал на четвереньки. При этом он содрал локти, спасая видеокамеру, — которая в данный момент стоила больше, чем его жизнь.

К нему тотчас же подскочил мужчина — огромного роста, широкоплечий. Твердые как клещи руки схватили Пеллэма за плечи, рывком подняли на ноги, вырвали камеру. Не успев выразить вслух свое возмущение, Пеллэм очутился на заднем сиденье седана. Сперва у него мелькнула мысль, что это Джимми Коркоран, узнав, что он расспрашивает о его банде, прислал за ним своих людей.

Ножовка... Пеллэм отчетливо представил себе эту жуткую картину.

Но затем он понял, что его схватили не бандиты. Этим людям было уже лет под сорок, а то и больше. И они были в костюмах. Потом Пеллэм вспомнил, где видел верзилу, который его схватил, — с гладкой как у младенца кожей и горами мускулов. Поэтому он несколько не удивился, увидев того, кто сидел на переднем сиденье рядом с водителем.

— Добрый день, офицер Ломакс, — сказал Пеллэм.

Гигант-помощник забрался за руль и включил передачу.

— Я не из полиции, — поправил Ломакс.

— Вот как?

— Угу.

— В таком случае, как вас называть? Инспектором? Брандмейстером? Похитителем?

— Ха. Наверное, мне следует называть вас мистером Шутником. Вместо мистера Везунчика. Так и искрит своим остроумием, ты не находишь? — обратился Ломакс к своему помощнику.

Борец-тяжеловес ничего не ответил.

Молчал и мужчина, сидевший рядом с Пеллэмом, тощий полицейский или пожарный, который мог бы выступать в наилегчайшем весе. Не обращая на Пеллэма никакого внимания, он сидел, отвернувшись и уставившись в окно.

— Как идут ваши дела? — спросил Ломакс.

У него на шее висел на цепочке полицейский значок. На золотом фоне — злобный орел, восседающий на щите.

— Ничего, помаленьку.

Брандмейстер повернулся к своему помощнику.

— Отвези его туда, где мы только что были. — Помолчав, он добавил: — Только так, чтобы нас никто не увидел.

— Переулок сзади?

— Да, это будет как раз то, что нужно.

Судя по всему, все это было отрепетировано заранее. Но Пеллэм не собирался подыгрывать Ломаксу. Нисколько не испугавшись, он закатил глаза. Трое полицейских — или пожарных, Пеллэм не знал, как их называть, — не пристрелят его в глухом переулке.

— Мы хотим узнать одну вещь, — продолжал Ломакс, глядя в окно на недавно сгоревший магазин. — Лишь одну вещь. Где мы сможем найти того подонка, которого наняла старуха? Только и всего. И больше ничего. Помогите нам, и вы даже не представляете себе, как гуманно мы обойдемся с вашей знакомой.

— Мисс Вашингтон никого не нанимала. Она непричастна к поджогу здания. Чем дольше вы будете пребывать в заблуждении, что она имеет какое-то отношение к пожару, тем дольше настоящий преступник будет разгуливать на свободе.

Это была еще одна перефразированная реплика из неснятого фильма Пеллэма. На бумаге она выглядела лучше, чем озвученная вслух. Впрочем, быть может, все дело было в обстоятельствах.

Какое-то время Ломакс молчал.

— Хочешь узнать, чем женщины отличаются от мужчин? — наконец спросил он. — Женщины ломаются очень легко. Мужчина может держаться несколько дней. Но стоит хорошенько наорать на женщину, и она сразу же начнет причитать: «Да-да, это я все сделала, только не делайте мне больно, только не делайте мне больно. Я это ненарочно!» Или: «Я не думала, что кто-нибудь пострадает.» Или: «Меня заставил мой ухажер.» Одним словом, женщины ломаются очень легко.

— Когда я следующий раз увижусь с Глорией Штайнем^[39], я обязательно ей это передам.

— Опять глупые шутки. Приятно видеть, что ты можешь шутить в таком положении. Но, быть может, тебе все же лучше послушать то, что я скажу. Я обязательно сломаю твою знакомую — тем или иным способом. Мне наплевать, как именно. Томми, я это говорил?

Здоровенный верзила бесстрастно произнес:

— Нет, я ничего не слышал.

Тощий молчаливый полицейский, сидящий рядом с Пеллэмом, внимательно смотрел в окно на подростков, играющих с пожарным гидрантом. Он, несомненно, тоже ничего не слышал.

Ломакс продолжал:

— Я обязательно остановлю этого психопата, и в твоих силах облегчить участь Вашингтон и попутно спасти уйму невиновных. Поговори с ней по душам — ай-ай-ай, ни слова больше, мистер Везунчик. Тони, расскажи ему о том, что произошло сегодня утром.

— Пожар в метро на станции «Восьмая авеню».

Ломакс снова обернулся к Пеллэму.

— Томми, и много пострадавших?

— Шестнадцать, ответил помощник.

— Так серьезно?

— Да, босс. Четверо в критическом состоянии. Один, если верить врачам, не вытянет.

Взглянув на улицу, Ломакс повернулся к водителю.

— Заезжай сзади. Я не хочу, чтобы нас увидели.

Все трое оставались серьезными и мрачными — из них двое весили больше Пеллэма фунтов на пятьдесят каждый. И тут до него стало доходить, что хотя они его не пристрелят, его могут избить до полусмерти. Причем, вероятно, сделают они это с превеликим удовольствием. А заодно разобьют видеокамеру стоимостью сорок тысяч долларов — чужую.

— Знаешь, какое дело мы называем простым? — спросил Ломакс. — То, в котором есть убедительные улики и свидетели?

— Верняком, — подсказал Томми.

Свесившись к Пеллэму, Ломакс продолжал:

— А как мы называем дело, которое нам никак не удастся распутать?

— Глухарем? — высказал догадку Пеллэм.

— Мы называем его загадкой, мистер Везунчик. Так вот, именно с этим мы сейчас и столкнулись. С неразрешимой загадкой, твою мать. Мы знаем, что твоя дамочка наняла этого ублюдка, но не можем найти никаких следов. И я просто не знаю, что делать дальше. Так что у меня нет выбора. Мне не приходит в голову ничего кроме того, чтобы начать выбивать дурь из нашей дамочки. Томми, я это говорил?

— Вы ничего не говорили.

— А если и это не поможет, мистер Везунчик, я начну выбивать дурь из тебя.

— Из меня.

— Из тебя. В момент возникновения пожара ты находился в здании — а может быть, ты должен был обеспечить Вашингтон алиби? А сейчас ты слоняешься по району, задаешь вопросы, сбиваешь с толку свидетелей своей долбанной камерой. У тебя уже было тесное знакомство с полицией — я это нутром чую. И если хочешь знать мое мнение, тебе это знакомство совсем не понравилось. Так что перед тем, как начать вытрясать душу из Вашингтон и из тебя, я хочу задать тебе прямой вопрос: каков твой интерес во всем этом деле?

— Очень простой. Вы арестовали невиновного. Заставить вас как можно скорее это понять — вот мой интерес.

— И ты хочешь добиться этого, уничтожая улики? Запугивая свидетелей? Мешая следствию, твою мать?

Пеллэм взглянул на тощего полицейского, который сидел рядом с ним. Тусклая, бесцветная личность. Такого можно было бы принять за бухгалтера. Или, если уж он обязательно должен был быть полицейским, за сотрудника отдела собственной безопасности.

— Позвольте и мне, в свою очередь, задать вам несколько вопросов, — сказал Пеллэм. Брандмейстер поморщился, но Пеллэм продолжал: — Зачем Этти Вашингтон было поджигать весь дом, если у нее страховка только на собственную квартиру?

— Потому что она наняла долбанного психопата, который не может держать себя в руках.

— Да, кстати, а зачем ей вообще кого бы то ни было нанимать? Разве она не могла устроить у себя в квартире пожар?

— Слишком подозрительно.

— Но у вас ведь все равно возникли подозрения.

— Все равно это не так подозрительно, как если бы она просто сожгла свою квартиру. К тому же, Вашингтон не знала о базе данных мошенничеств со страховками.

— Во время пожара Этти лишилась всего своего имущества.

— Какого всего имущества? Старой мебели и прочей рухляди на общую сумму тысяча долларов?

Пеллэм не сдавался.

— Ну а ее отпечатки пальцев? Это вы как объясните? Вы хотите сказать, Этти наняла сумасшедшего пожидгателя и вручила ему бутылку со своими отпечатками пальцев? И вам не кажется странным, что именно этот осколок с ее отпечатками при пожаре не расплавился, превратившись в лужицу стекла?

— Томми, какой вопрос я должен задать сейчас этому типу? — устало спросил своего помощника Ломакс.

Тот, задумавшись, ответил:

— Лично мне захотелось бы узнать, откуда он узнал про отпечатки Вашингтон на осколках бутылки.

— Ну? — вопросительно поднял бровь Ломакс.

— Удачная догадка, — ответил Пеллэм. — Под стать прозвищу, которое вы мне дали.

— Сверни здесь, — обратился к водителю Ломакс.

Машина сделала резкий поворот. И остановилась.

— Томми, — многозначительно произнес брандмейстер.

Помощник обернулся, и Пеллэм внезапно обнаружил у своего виска дуло огромного пистолета.

— Господи...

— Пеллэм, придется объяснить тебе парочку прописных истин. Мы, брандмейстеры, не имеем никакого отношения к полиции. Следовательно, нас не волнуют порядки и правила, установленные для департамента полиции. Мы можем носить любое оружие, какое нам только вздумается. Томми, что за пистолет у тебя в руке?

— Тридцать восьмого калибра, под патрон «магнум». Я предпочитаю с более тяжелой пулей.

— Для того, чтобы более эффективно запугивать невинных, так? — уточнил Пеллэм. — Вы к этому ведете?

Помощник убрал пистолет. Рассмеявшись, Пеллэм покачал головой. Он знал, что бить его никто не будет. Этим ребятам меньше всего на свете были нужны наглядные свидетельства нанесения телесных повреждений. Томми посмотрел на Ломакса; тот пожал плечами.

Пистолет исчез в кармане верзилы. Ломакс и его помощник выбрались из машины. Огляделись по сторонам.

Пеллэм уже начал думать о том, чтобы высмеять вслух их неуклюжую попытку блефа, но тут его тощий сосед вонзил ему за ухо свой костлявый кулак с зажатой стопкой десятицентовых монет. У Пеллэма в голове взорвалась вспышка боли.

— Господи... боже мой...

Еще один удар. Пеллэм налетел лицом на стекло. Ломакс и Томми сосредоточенно рассматривали мусорные баки, задумчиво кивая.

Прежде чем Пеллэм успел поднять руки, защищаясь, тощий полицейский нанес ему еще один жестокий удар. Вспышка желтоватого света перед глазами, оглушающая боль. У Пеллэма мелькнула мысль, что рассмотреть ссадину и опухоль под волосами будет практически невозможно.

О наглядных свидетельствах можно забыть.

Бросив завернутую в бумагу стопку монет в карман, тощий полицейский откинулся назад. Вытерев слезы боли, Пеллэм повернулся к нему, но прежде чем он успел что-либо сказать — или замахнуться и сломать ему

челюсть, — дверь открылась, и Ломакс вместе с Томми вытащили его из машины и швырнули на мостовую.

Пеллэм ощупал голову. Крови не было.

— Я это не забуду, Ломакс.

— Что не забудешь?

Томми потащил Пеллэма в пустынный переулок.

«И никаких свидетелей,» — только и успел подумать Пеллэм.

Ломакс прошел следом за ними футов тридцать. Подал знак Томми, и тот прижал Пеллэма к стене, в точности так же, как уже делал это в больнице у палаты Этти.

Пеллэм пытался вырваться, но тщетно. Ломакс сунул руки в карманы и произнес тихим голосом:

— Я уже десять лет работаю старшим брандмейстером. Мне довелось повидать много поджигателей, но я никогда не встречал никого похожего на этого ублюдка. Он просто сумасшедший. Совершенно неуправляемый, и дальше становится только хуже. Мы должны его поймать. Итак, ты будешь нам помогать?

— Этти его не нанимала.

— Хорошо. Раз ты так хочешь.

Пеллэм стиснул кулаки. Без драки он не сдастся. В этом случае его арестуют за сопротивление сотрудникам правоохранительных органов, но, похоже, арестуют его в любом случае. Сначала Томми, надо будет попытаться сломать ему нос.

Но тут Ломакс кивнул Томми, и тот отпустил Пеллэма. Верзила вернулся к машине, где тощий полицейский со стопкой монет читал «Пост».

Ломакс повернулся к Пеллэму. Тот переминался с ноги на ногу, готовый к схватке.

Но брандмейстер лишь указал на серую дверь без вывески.

— Войдешь в эту дверь и поднимешься на третий этаж. Комната триста тринадцать. Понял?

— Что все это значит?

— Войдешь в эту дверь. — Ломакс кивнул на дверь. — Комната триста тринадцать. Поднимись, загляни. А теперь убирайся с глаз моих. Меня тошнит от одного твоего вида.

Войдя в кабину лифта, Пеллэм нажал белый пластмассовый кружочек с цифрой "3".

Это здание принадлежало больнице, той самой, где лечили после пожара его самого и где арестовали Этти Вашингтон.

Пройдя по длинному коридору, Пеллэм нашел маленькую палату, про которую ему говорил Ломакс.

Остановившись в дверях, он даже не посмотрел на супружескую пару, стоявшую в палате. Не заметил сложное медицинское оборудование. Не взглянул на медсестру в белом халате, которая мельком оглядела его. Нет, Джон Пеллэм видел лишь сплошные бинты, покрывавшие двенадцатилетнего мальчика. Маленького Хуана Торреса, больше всех пострадавшего при пожаре дома 458 по Тридцать шестой западной улице.

Сына человека, который лично знаком с Хосе Кансеко.

Пеллэм обвел взглядом палату, гадая, зачем Ломакс направил его сюда.

Он ничего не понимал.

Сердце Пеллэма наполняла уравновешенная жалость — которую он в равных количествах испытывал к ребенку и к Этти Вашингтон. (Впрочем, мелькнула у него мысль, почему эти чувства должны быть взаимоисключающими? Пеллэму пришлось пережить тяжелый момент. Да, если Этти Вашингтон виновна, одно исключает другое.)

«Даже не думай об этом, — строго одернул он себя. — Она невиновна. Я уверен в этом.»

И снова недоумение: зачем Ломакс направил его сюда?

— La iglesia^[40], — безучастным тоном произнесла медсестра. — El cura^[41].

В комнату быстро вошла вторая медсестра. Довольно резко оттолкнув Пеллэма, она даже не извинилась. Медсестра предложила матери маленький белый стаканчик. Судя по всему, той тоже было плохо. Сначала Пеллэм подумал было, что мать также пострадала во время пожара. Но затем он вспомнил, как сам выводил ее из горящего дома, следом за пожарным, который нес на руках ее сына. Тогда с ней все было в порядке, однако сейчас у нее дрожали руки. Две маленькие желтые

таблетки, вывалившись из стаканчика, упали на пол. Только сейчас до Пеллэма дошло, что эта палата чем-то отличается от остальных, мимо которых он только что прошел.

Чем же?

Здесь явно происходило что-то странное.

Да, вот в чем дело...

Закрепленный над кроватью монитор был отключен. От руки мальчика отсоединили капельницы. С крючка, приваренного к спинке, исчезла история болезни.

El cura. Достаточно пожив в Южной Калифорнии, Пеллэм нахватался испанского. Он вспомнил, что это слово означает священника.

Ребенок умер.

Вот что хотел показать ему Ломакс.

Мать мальчика, не замечая упавшие таблетки, беспомощно прижалась к своему спутнику. Тот, высокий мужчина с коротко стриженными мелкими кудрями на голове, обернулся и молча посмотрел на Пеллэма.

«Мой папа, так вот, он знаком с самим Хосе Кансеко. Нет-нет, честное слово, правда, знаком!»

Медсестра снова прошла мимо Пеллэма, на этот раз тихо пробормотав: «Прошу прощения.»

В палате наступила полная тишина, нарушаемая лишь белым шумом, неразборчивым шипением, напоминающим звуковую дорожку ленты с запечатленными последними мгновениями жизни Отиса Балма или с пустым креслом Этти после того, как она пошла открывать входную дверь — этими кадрами закончился последний сеанс съемки. Пеллэм стоял оцепенев посреди палаты, не в силах выдать слова соболезнования, не в силах думать и анализировать.

Прошло какое-то время, прежде чем до него наконец дошло другое следствие этого скорбного события: теперь Этти Вашингтон будет предъявлено обвинение в убийстве.

12

Уголовная коллегия Верховного суда штата Нью-Йорк разбирала дела быстро.

Джон Пеллэм сидел на последних рядах грязного, битком набитого зала заседаний рядом с Ником Фланаганом, поручителем, которого нанял Луис Бейли, круглолицым, пресыщенным жизнью мужчиной с черными дужками под ногтями, который просчитывал различные проценты залогов в уме быстрее, чем Пеллэм с помощью калькулятора.

Узнав о смерти маленького Хуана Торреса, Луис Бейли пересмотрел свои прикидки относительно суммы залога в сторону увеличения — до ста тысяч долларов. В соответствии с обычной практикой поручительств, Этти должна была представить наличные или ценные бумаги на общую сумму десять процентов от размера залога. Фланаган согласился на пяти с половиной процентах. Пошел он на это скрепя сердце, показав тем самым или щедрость своей души, или — что вероятнее — то, что он в неоплатном долгу перед Бейли, о чем глубоко сожалеет, и это благодеяние является лишь одной из многих попыток расквитаться с кредитором.

Этти Вашингтон должна была перевести на депозитный счет все свои сбережения — девятьсот долларов. Бейли через одного из своих безликих помощников с улицы договорился о том, чтобы взять недостающую сумму в долг. Этти не позволила Пеллэму заплатить за нее ни гроша — впрочем, в любом случае его взнос не был бы существенным.

Закулисные дела, безукоризненно срежиссированные Бейли, произвели на Пеллэма впечатление. И все же у него оставались сомнения, что своим профессиональным мастерством в зале суда адвокат сравнится с умением обделывать дела в барах, канцеляриях и архивах.

Бейли также удалось раздобыть копию заключения графологической экспертизы, и новость эта оказалась неутешительной. Приступы бурсита и артрита, донимавшие Этти, сильно влияли на ее почерк. Согласно заключению, подпись на страховом договоре «принадлежит скорее подозреваемой Вашингтон, чем другому лицу».

Пеллэм внимательно следил за помощником окружного прокурора Луизой Коупель, молодой женщиной с острым подбородком, маленьким ртом и копной волос, совершенно неподобающих служителю правосудия. Она показалась ему уверенной в себе, чересчур раздражительной и слишком молодой для того, чтобы вести дело об убийстве.

Судебный пристав невнятно пробормотал:

— Слушается дело штат Нью-Йорк против Этты Уилкс Вашингтон.

Вскочив с места, Бейли подтолкнул Этти, и та тоже встала. Адвокат держал голову высоко поднятой, старая негритянка стояла потупившись. Пожилой судья со скучающим видом развалился в кресле, откинувшись назад, опираясь на пальцы виском, испещренным проступающими сквозь кожу венами, которые были видны даже с последних рядов зала суда.

— Ваша честь, — сказала прокурор, — мы изменили предъявленные обвинения.

Судья взглянул на молодую женщину.

— Мальчик умер?

— Совершенно верно, ваша честь.

Несмотря на почти полное отсутствие в фразе звонких согласных, она прозвучала очень резко.

Судья полистал бумаги.

— Миссис Вашингтон, — скучным голосом объявил он, — вы обвиняетесь в тяжком убийстве второй степени, простом убийстве первой степени, убийстве по небрежности, поджоге первой степени, поджоге второй степени, нанесении тяжких телесных повреждений первой степени, преступном действии первой степени и преступном действии второй степени. Вы понимаете суть предъявленных вам обвинений?

Поразив первые ряды присутствующих в зале суда, Этти Вашингтон громко и отдельно произнесла:

— Я никого не убивала. Я ни в чем не виновата!

Прокурор голосом, похожим на скрежет битого стекла, строго напомнила:

— К судье обращаются «ваша честь».

Судья махнул рукой, останавливая ее.

— Миссис Вашингтон, вам объяснили суть предъявленных обвинений, так?

— Да, сэр

— Признали ли вы себя виновной по какому-либо пункту обвинений?

Не дав ему закончить, Этти решительно сказала:

— Я ни в чем не виновна, ваша честь.

— Хорошо. Какой залог требует обвинение?

— Ваша честь, обвинение просит, чтобы обвиняемую Вашингтон не освобождали под залог.

— Ваша честь, — проворчал Бейли, — моей подзащитной семьдесят два года. У нее нет документов, у нее нет денег, она получила серьезную травму. Миссис Вашингтон никуда не убежит.

— Она обвиняется в убийстве и поджоге... — сухим тоном напомнила Луиза Коупель.

— Я ни за что на свете не убила бы этого мальчика! — воскликнула Этти. — Ни за что на свете!

— Представитель защиты, объясните своему клиенту, как следует вести себя...

Очнувшись на мгновение от скуки, судья летаргическим тоном сделал Этти внушение.

Прокурор продолжала:

— Мы имеем дело с женщиной, которая составила тщательно продуманный план мошеннического обмана страховой компании. Налицо предварительный замысел и наем профессионального поджигателя.

— А этот подозреваемый задержан?

— Пока что нет, ваша честь. У нас есть основания считать, что этот человек ответственен также за серию других пожаров, происшедших в городе и повлекших за собой человеческие жертвы. Есть погибшие и получившие тяжкие телесные повреждения. Складывается такое ощущение, что поджигатель просто безумел.

— Вы говорите о тех самых пожарах?

— Да, сэр.

— Ваша честь, — в смятении поправил Бейли.

— Защитник, помолчите.

Судья нахмурился, что явилось пока что самым сильным выражением чувств.

— За последние двое суток произошли еще три пожара. Самый последний по времени случился в метро. Только что, направляясь на заседание, я услышала сообщение еще об одном пожаре.

Медленно обернувшись, Бейли посмотрел на Пеллэма. Еще один пожар?

Коупель продолжала:

— Универмаг на Восьмой авеню.

— Что там произошло? — спросил судья.

— Опять самодельный напалм, ваша честь, — ответила прокурор. — В секции женской одежды. По счастливой случайности когда пожар только начался, одна из продавщиц стояла рядом с пожарным щитком. Она схватила огнетушитель и загасила пламя, прежде чем оно успело разгореться. Однако могла произойти крупная трагедия. — Оставив свой строгий официальный тон, она устало добавила: — Ваша честь, полиция просто не знает, что делать дальше. Найти поджигателя никак не удастся. Свидетелей нет. А пожары продолжают возникать с пугающей частотой. И, сказать по правде, весь Вест-Сайд уже до смерти перепуган.

— Ваша честь, — произнес мелодраматическим тоном Бейли, — обвинение позволяет себе вопиюще недопустимые домыслы. Понятно, на дворе август. Стоит жара, чувства накалены до предела...

— Благодарю вас за сводку погоды, мистер Бейли. К чему вы ведете?

— Преступления совершены разными людьми, сознательно копирующими один почерк.

— Обвинение?

Вопросительно подняв брови, судья посмотрел на прокурора.

— Маловероятно, — ответила Луиза Коупель. — Состав, который преступник использует для изготовления своих зажигательных бомб, уникален. По сути дела, это отпечатки пальцев конкретного поджигателя. Средства массовой информации пошли нам навстречу и не опубликовали точные пропорции смеси. Мы уверены, что за всеми этими поджогами стоит один и тот же преступник. Обвиняемая категорически отказалась сотрудничать со следствием и помочь установить личность поджигателя...

— Она отказалась сотрудничать со следствием, — вставил Бейли, высказывая вслух мысли Пеллэма, — потому что не знает преступника.

— Как я уже сказала, мы имеем дело со сложным, детально проработанным жестоким преступлением, которое повлекло за собой гибель ребенка. И в свете того, что у обвиняемой уже была одна судимость за мошенничество...

— Что? — воскликнул Бейли.

— Мистер Бейли, вы возражаете?

— Нет, ваша честь, не возражаю.

— Хорошо, потому что если бы вы возражали, я вынужден был бы указать на неуместность подобных действий. Мы разбираем дело без присяжных. Это не демонстрация улики.

— Я не возражаю. О какой судимости идет речь?

Адвокат посмотрел на Этти. Та, словно онемев, опустила лицо.

Пеллэм подался вперед.

— Как о какой? Шесть лет назад миссис Вашингтон была осуждена за мошенничество и вымогательство. Кроме того, ваша честь, в том деле фигурировала угроза поджога.

У Этти есть судимость? Она угрожала поджогом? Пеллэм мысленно быстро прошелся по многочисленным беседам с Этти. Ни на одной отснятой кассете об этом нет ни слова. Даже намек. Пеллэм возбужденно потер большой и указательный пальцы.

Бейли выжидательно смотрел на Этти, но та сидела потупив взор.

— Я впервые слышу об этом, ваша честь, — наконец пробормотал адвокат.

Он шепнул что-то Этти, но та, покачав головой, промолчала.

— Что ж, — заметила прокурор, — это уже проблемы защиты. Обвинение умывает руки.

— Совершенно справедливо, мистер Бейли, — подтвердил судья. Вздувшаяся жилка на его побагровевшем виске, казалось, изменила свое положение. Судье не терпелось поскорее перейти к следующим делам, которые значились в повестке дня. — То, что вам неизвестно прошлое

вашей подзащитной, вряд ли имеет отношение к делу. Давайте закругляться.

— Учитывая вышесказанное, — прошипела Луиза Коупель, — обвинение требует отклонить ходатайство об освобождении под залог и оставить мерой пресечения содержание под стражей.

Судья откинулся на спинку высокого черного кресла.

— Ходатайство об освобождении под залог отклоняется.

Он опустил молоточек, показывая, что дело закончено, и этот удар прозвучал громом выстрела.

— Нас обошли с фланга.

Луис Бейли и Пеллэм стояли на тротуаре перед зданием уголовного суда. Жаркий августовский воздух был наполнен странным запахом — горечью.

Адвокат рассеянно уставился на ноги. В темно-синем носке красовалась большая дыра, но зеленый выглядел почти совсем новым.

— Я должен был это предвидеть. Прокурорша обвела нас вокруг пальца. Она попросила отложить предварительное слушание, намекнув, что если я соглашусь, она не станет возражать против освобождения под залог.

Пеллэм угрюмо кивнул.

— Совершенно законный метод, в просторечии именуемый обманом.

— Да, понятно. А на самом деле Коупель просто выжидала, когда мальчишка умрет. Смерть маленького Торреса укрепила ее позиции.

«Вот они, наши служители закона, — подумал Пеллэм. — Да простит их господь!»

Он спросил:

— Вы не знали о том, что у Этти есть судимость?

— Нет. Она ни разу не обмолвилась об этом.

— Для меня это тоже стало громом среди ясного неба. Это здорово ухудшит ее положение?

— Ну, на суде обвинение все равно не сможет это использовать. Если только Этти сама не начнет давать показания, но я ей это не позволю. Однако, это...

— Неприятно, — пробормотал Пеллэм.

Бейли попытался было подобрать другое слово, но в конце концов повторил:

— Неприятно.

Не сговариваясь, оба обернулись и посмотрели на серо-черное здание уголовного суда. Их взгляды упали на серьезный разговор остролицего адвоката в темном костюме и его маленького, толстенького утрюмого клиента. Так случилось, что Пеллэм уставился на адвоката; Бейли задержал взгляд на человеке, чьи интересы тот представлял. Всего в трех кварталах отсюда начинался Чайнатаун. «Так вот чем объясняется этот запах, — подумал Пеллэм. — Прогорклое растительное масло.»

— Луис, я тревожусь по поводу Этти. Вы не могли бы добиться ее перевода в тюремный госпиталь?

— Никто не идет мне навстречу. И не пойдет до тех пор, пока не будет схвачен поджигатель.

Пеллэм похлопал по бумажнику.

— У меня нет связей в управлении исправительных учреждений. Если я и смогу что-нибудь сделать, все будет по старинке. Повторное ходатайство. Предоставление новых оснований.

— Вы сможете это осуществить?

— Не думаю, что дело выгорит, и все же попробовать надо.

Бейли не отрывал взгляда от большой стайки голубей, шумно суеющихся вокруг недоеденной булочки, которую бросил на асфальт прохожий.

— Говорите начистоту, — наконец сказал адвокат.

Пеллэм вопросительно поднял брови.

— Ситуация с залогом выбила вас из колеи, так? Вы очень расстроились.

— Я не хочу, чтобы Этти оставалась в тюрьме, — сказал Пеллэм.

— Я тоже не хочу, но это еще не конец света. — Помолчав, Бейли спросил: — А все-таки в чем дело?

— Что?

— Пеллэм, я спрашиваю, что вы тут делаете, — объяснил Бейли.

— Невиновный человек сидит в тюрьме.

— То же самое можно сказать приблизительно процентов про двадцать тех, кто находится там, — заметил Бейли, кивая в сторону центра предварительного содержания под стражей. — Это старо как мир. Почему вы вздумали разыгрывать из себя частного детектива, какая ваша корысть во всем этом?

Пеллэм окинул взглядом оживленную Центральную улицу. Суд, административные здания... Правосудие в работе. Почему-то Пеллэму пришел на ум муравейник. Наконец он сказал:

— Если Этти отправится за решетку, мой фильм окажется никому не нужен. Три месяца работы коту под хвост. И я потеряю на этом тысяч тридцать — сорок.

Адвокат кивнул. Пеллэм решил, что эти меркантильные интересы вряд ли придутся по душе Бейли, искушенному мастеру смазывать нужные шестеренки, но при этом искреннему другу Этти. Однако в настоящий момент Пеллэм намеревался ограничиться лишь этим.

Помолчав, Бейли сказал:

— Я начну работать над тем, чтобы добиться перевода в тюремную больницу. Не хотите заглянуть ко мне в контору?

— Не могу. Меня ждет еще одна встреча. Тоже по нашему делу.

— С кем же?

— С самым плохим человеком в Нью-Йорке.

Семь человек молча разглядывали его.

Футболки, запыленные табачным пеплом. Длинные волосы, темные от грязи и пота. Черные дужки под давно не стриженными ногтями. Пеллэму вспомнилось словечко из его юности, словечко, которое употреблялось для описания любителей черных кожаных курток в школе имени Уолта Уитмена в Симмонсе, штат Нью-Йорк: «кочегары».

На коленях у одного из парней сидела молоденькая девушка. У парня было вытянутое скуластое лицо и узловатые руки. Он похлопал девушку по упругой попке, и та, состроив гримасу, с сожалением соскочила на пол. Схватив сумочку, она быстро ускользнула прочь.

Пеллэм по очереди посмотрел на всех семерых, задерживая на каждом взгляд. Все семеро тоже продолжали таращиться на него, но только у одного из них — довольно щуплого, кучерявого, чем-то напоминающего обезьяну, — во взгляде светилось хоть что-то похожее на ум и рассудительность.

Пеллэм уже решил не притворяться и ничего не заказывать в баре. Он понимал, что существует только один способ добиться результата.

Он спросил парня с вытянутым лицом:

— Это ты Джимми Коркоран?

Парень мог бы ответить все что угодно, однако его вопрос явился для Пеллэма полной неожиданностью:

— Ты ирландец?

По правде говоря, в нем действительно текла ирландская кровь, со стороны отца. Но как Коркоран смог это определить? Пеллэм был уверен, что материнская сторона прослеживается в нем значительно сильнее: помесь рас, ведущая свою родословную — по крайней мере, так гласило семейное предание, — от Дикого Билли Хикока, знаменитого охотника и драчуна, ставшего впоследствии федеральным маршалом. Тут были намешаны и голландская, и английская кровь, а также кровь индейцев-арапахо и сиу.

— Есть немного, — подтвердил Пеллэм.

— Точно. Я сразу приметил.

— Я хочу поговорить с тобой.

На столе стояли семь грязных стаканов и лес высоких пивных бутылок, слишком густой, чтобы пересчитать.

Кивнув, Коркоран указал на пустой стол в углу зала.

Пеллэм взглянул на бармена, человека, обладавшего редкой способностью смотреть сразу на весь зал и при этом не замечать в нем никого конкретно.

— Ты не фараон, — сказал Коркоран, усаживаясь за столик. Это был не вопрос. — Я сразу понял. У меня это все равно что шестое чувство.

— Да, я не из полиции.

— «Буши»! — крикнул Коркоран.

Тотчас же принесли бутылку виски «Бушмиллер» и два стакана. В противоположном конце зала шесть здоровенных лапищ потянулись к бутылкам пива, и шесть голосов возобновили оживленный разговор, в котором Пеллэм не мог разобрать ни слова. Коркоран наполнил стаканы. Они с Пеллэмом чокнулись — глухой стук — и выпили виски.

— Значит, ты тот самый человек из Голливуда. Киношник.

Разумеется, слухи дошли и сюда.

Усмехнувшись, Коркоран выпил второй стакан виски и хлопнул чудовищно огромными лапищами по столу, оттопырив мизинцы и большие пальцы, словно выстукивая затейливый ритм на ирландском бубне.

— Так, значит, откуда ты? — спросил он.

— Из Ист-Вилледжа. Я...

— Откуда в Ирландии?

— Я родился в Штатах, — сказал Пеллэм. — А мой отец родом из Дублина.

Коркоран резко оборвал дробь по столу. Деланно нахмурился.

— А я из Лондондерри. Знаешь, кем это нас делает?

— Заклятыми врагами. Но раз ты знаешь, кто я такой, ты также знаешь, что мне нужно.

— Значит, заклтыми врагами? А ты знаешь, что к чему, да? Ну, если честно, мне неизвестно, что именно тебе нужно. Я только знаю, что ты снимаешь здесь кино.

— Говорят, — сказал Пеллэм, — что об Адской кухне ты знаешь все.

Грузный парень с тупым лицом, сидящий за столиком в противоположном углу, воинственно взглянул на Пеллэма. Из-под

ремня у него торчала черная пластмассовая рукоятка пистолета. Парень постучал по ней костяшками пальцев.

Пеллэм сказал:

— Я знаю, что ты возглавляешь банду.

— Банду, — повторил Коркоран.

— Или это клуб?

— Нет, банда. Мы не боимся называть вещи своими именами. Правда, ребята?

— Точно, Джимми, — ответил один из громил.

Повозившись с жестяной коробкой, Коркоран достал кусок датского печенья и сунул его в рот, сказав еще больше свое уродливую лошадиную физиономию.

— Скажи мне... что ты думаешь о Кухне? — спросил он Пеллэма.

За несколько месяцев, которые Пеллэм провел здесь, никто — из тридцати с лишним человек, у кого он брал интервью, — ни разу не спросил, какого он мнения о районе. Задумавшись на мгновение, Пеллэм сказал:

— Это единственный район из всех, какие я только видел, который становится лучше, чище, безопаснее, но при этом его старожилы воспринимают все перемены в штыки.

Одобрительно кивнув, Коркоран улыбнулся.

— Верно подметил, твою мать. — Побарабанив по столу, он снова наполнил стаканы. — Отведай еще нашего самогона. — Коркоран отвернулся к окну, и его угловатое лицо наполнилось тоской. — Верно подметил, дружище. Кухня уже не та, какой была раньше, это точно. Мой отец, он переплыл через воду, когда ему уже было за сорок. Они все называли это «переплыть через воду». Отец сбился с ног, пытаясь найти работу. Тогда можно было устроиться работать только в порт. Сейчас там лишь развлекаются долбанные туристы, но в те времена в порт заходили большие корабли, с пассажирами и грузом. Вот только для того, чтобы получить работу, надо было дать на лапу боссу. Я имею в виду, дать взятку. Большую. Мой папаша, он никак не мог скопить достаточно денег, чтобы вступить в профсоюз. Поэтому ему приходилось наниматься поденщиком. Он постоянно говорил о Белфасте, Лондондерри, беспорядках. Понимаешь, по уши сидел в политике. Меня

это не интересовало. А твой отец, он был республиканцем, поддерживал Шинн фейн^[42]? Или он был лоялистом^[43]?

— Понятия не имею.

— Как ты относишься к независимости?

— «За», обеими руками. Я держусь подальше от работы от звонка до звонка.

Коркоран рассмеялся.

— В свое время я сидел в тюрьме Килманхэм. Знаешь, где это?

— Там вешали участников «Восстания на пасхальной неделе»^[44].

— Знаешь, когда я там сидел, меня не покидали странные чувства. Я думал о том, что ходил по тем же самым каменным плитам. Я плакал. И мне не стыдно в этом признаться.

Грустно усмехнувшись, Коркоран покачал головой. Залпом допил виски и откинулся назад.

Запястья Пеллэма спас чистый инстинкт.

Внезапно вскочив на ноги, Коркоран схватил стул и с размаха опустил его на стол, однако Пеллэм успел отшатнуться назад к стене.

— Ах ты козел! — закричал Коркоран. — Долбанный козел!

Он снова с силой обрушил стул на стол. Ножки, ударившись о дубовую столешницу, переломились с грохотом сдвоенного выстрела. Во все стороны брызнули осколки стекла; в воздухе повис туман виски.

— Ты пришел сюда, в мой дом, чтобы шпионить за мной... — Его слова потерялись в новом приступе ярости. — Ты хочешь выведать мои секреты, твою мать, долбанный педераст...

Пеллэм скрестил руки на груди. Не двигаясь с места. Спокойно глядя Коркорану в глаза.

— Не надо, Джимми, успокойся, — слышался голос из противоположного угла.

Это был тот самый парень, на которого обратил внимание Пеллэм, заходя в бар. Самый маленький из всех. С обезьяньей физиономией.

— Джимми...

— Это говорит виски, — заметил другой.

— Послушай, мистер, наверное, тебе лучше... — начал было третий.

Но Коркоран их даже не замечал.

— Ты пришел в мой дом, твою мать, в мой район и выспрашиваешь обо мне! Я слышал, чем ты здесь занимаешься. Я знаю. Я все знаю. Ты думаешь, я что-то не знаю? Какой же ты глупый козел! Вот такие придурки как ты и испоганили здесь все. Это вы отняли у нас Кухню. Мы пришли сюда первые, а затем нагрянули вы, козлы, со своими камерами, и смотрите на нас как на долбанных насекомых!

Встав, Пеллэм стряхнул с рубашки осколки.

Еще одним свирепым ударом Коркоран обломил стулу оставшиеся ножки.

— Кто дал вам право? — подавшись вперед, завопил он.

— Джимми, он вовсе не собирался тебя обидеть, — спокойно промолвил Обезьянья физиономия. — Не сомневаюсь в этом. Он просто задал несколько вопросов — и больше ничего.

— Кто дал ему право? — взвизгнул Коркоран.

Схватив другой стул, он швырнул его через весь зал. Бармен сосредоточенно вытирал и без того сверкающие стаканы.

— Джимми, выпей, — умоляющим тоном произнес кто-то. — Успокойся!

— А вы, долбанные педерасты, молчите и не вмешивайтесь, вашу мать!

В руке Коркорана блеснул черный пистолет.

В зале наступила тишина. Никто не шелохнулся. Казалось, все присутствующие оказались каким-то образом подсоединены к пальцу, лежащему на спусковом крючке.

— Слушай, Джимми, утомонись, — прошептал Обезьянья физиономия. — Сядь и успокойся. Давай без глупостей.

Подняв с пола стакан, Коркоран подошел к стойке и схватил еще одну бутылку Бушмиллза". С грохотом поставил ее на стол перед Пеллэмом. Наполнил стакан до краев.

— Сейчас он выпьет со мной и извинится, — взбешенно прорычал Коркоран. — Если он это сделает, я отпущу его на все четыре стороны.

Подняв руки, Пеллэм мило улыбнулся. Он повернулся к бармену.

— Хорошо. Но только мне содовой.

Как в фильме «Шейн». Алан Лэдд заказывает для Джои содовую. Пеллэм просто обожал этот вестерн. Он смотрел его раз двадцать. Все его одноклассники хотели быть Микки Мантлом; Пеллэм мечтал о том, чтобы стать режиссером Джорджем Стивенсом.

— Содовой? — прошептал Коркоран.

— Если нет, то «Пепси-колы». Нет, подождите, лучше диетической «Пепси».

Бармен шагнул к холодильнику. Стремительно развернувшись, Коркоран направил на обьятого ужасом владельца заведения пистолет.

— Не смей, твою мать! Этот педик выпьет виски и...

В воздухе мелькнула черная кожа, и вдруг Коркоран оказался на полу, лицом вниз, с заломленной за спину правой рукой. Пистолет очутился у Пеллэма.

Черт побери, неплохо. Пеллэм до последнего мгновения сомневался, вспомнит ли он, как выполняется этот прием. Но все произошло на полном автомате. Это осталось у него с тех времен, когда он пятнадцать лет назад работал каскадером и участвовал в съемках батальных сцен какого-то дрянного фильма о войне в Индокитае. Приемам рукопашной борьбы Пеллэма научил постановщик трюков.

Схватив пистолет ирландца, Пеллэм обвел им по очереди всех шестерых громил. Не выпуская запястье Коркорана.

Никто не двигался.

— Козел! — взвизгнул Коркоран. Пеллэм выкрутил ему руку сильнее. — О черт, можешь считать себя покойником, долбанный...

Еще сильнее.

— Ну хорошо, козел, хорошо, сдаюсь.

Отпустив запястье Коркорана, Пеллэм приставил дуло ему к виску.

— Как ты грубо разговариваешь, — с укоризной произнес он. — Значит, король Адской кухни, да? Знаешь все? В таком случае, ты должен знать, что я собирался предложить тебе пятьсот долларов за то, чтобы ты выяснил, кто поджег дом на Тридцать шестой улице. Вот чем я занимался здесь. А что получил? Мне пришлось поставить на свое место юнца, который давно не мылся.

Пеллэм направил пистолет на Обезьянью физиономию. Тот поспешно поднял руки. Пеллэм вежливо произнес:

— Будь добр, принеси мне диетической «Пепси».

Обезьянья физиономия, помявшись, направился к стойке. Материализовавшийся из ниоткуда бармен, казалось, был при смерти. Он испуганно посмотрел на Коркорана.

— Дай же ему «Пепси», твою мать, долбаный козел! — проревел тот.

Дрожащим голосом бармен промямлил:

— Я... гм... Дело в том, что у нас нет...

— Сойдет и «Кока-кола», — сказал Пеллэм, направив пистолет на грузного парня с тупым лицом. — Брось свою штукину на пол, хорошо?

— Выполняй! — проворчал Коркоран.

Пистолет с грохотом упал на пол. Пеллэм ногой зашвырнул его в угол.

— Сэр, прошу прощения, вы просили диетическую «Коку»? — дрожащим голосом спросил бармен.

— Мне все равно.

— Слушаюсь, сэр.

Открывая банку, бармен едва не уронил ее. Уверенной рукой налив газировку в стакан, Обезьянья физиономия отнес его Пеллэму.

— Благодарю.

Залпом выпив стакан, Пеллэм поставил его на стол и попятился задом к двери, на ходу вытирая лицо салфеткой, которую предусмотрительно передал ему громила.

Поднявшись с пола, Коркоран повернулся к Пеллэму спиной и вернулся за столик. Долговязый ирландец уселся на свое место, откупорил

бутылку пива и начал бодро говорить, веселый и жизнерадостный. Подчеркивая основные места ударом бутылки по столу, он прочел красочную лекцию о «Восстании на пасхальной неделе», «черно-пегих»^[45], голодном бунте 81-го года — так, словно Пеллэма уже не было в зале.

Разрядив пистолет, Пеллэм забросил патроны в ведро со льдом на стойке, а само оружие зашвырнул в угол к первому пистолету. Затем вышел на испепеляющий зной.

Думая: «Да, это август в Нью-Йорке. Проклятие!»

13

Он стоял на мрачной бетонной площадке напротив конференц-зала Джекоба Джевитса.

Гадая, придет или не придет?

Или, точнее, если придет, убьет или нет?

Пеллэм внимательно изучил эту часть Адской кухни, где даже ослепительное солнце не могло скрыть господствующие блеклые краски. Здесь, на клочке земли между огромным конференц-залом и серой громадиной «Интрепида», авианосца времен Второй мировой войны, переоборудованного в плавучий музей, от жилых кварталов осталось только жнивье: заброшенные и сожженные одноэтажные домишки, кладбища разбитых машин, заборы с колючей проволокой, пустыри, заросшие сорняком, старые котлы и станки, проржавевшие насквозь.

После десяти минут неотрывного изучения старого военного корабля и снующих по Гудзону барж Пеллэм наконец услышал жизнерадостный голос, окликнувший его:

— Привет, долбанный псих.

Что ж, он все-таки пришел.

И выстрелы не прозвучали. По крайней мере, пока.

Человек шел к Пеллэму сквозь волны горячего воздуха, плавающие над раскаленным бетоном. Несмотря на жару, на нем по-прежнему была длинная черная кожаная куртка. И он по-прежнему был похож на обезьяну.

Засунув в рот сигарету, которая была у него в руке, парень представился:

— Джеко Дрю.

— Джон Пеллэм.

Они пожали друг другу руки.

— Пеллэм, а ты парень крутой. Не побоялся подать мне знак прямо перед носом у Джимми К.

Дрю произнес это с показной бравадой прирожденного неудачника.

Пеллэм отправился в гриль-бар на углу Десятой авеню и Сорок пятой улицы как раз для того, чтобы удить такую рыбу как Джеко Дрю. Он и не рассчитывал узнать что-либо от самого Джимми Коркорана, оказавшегося тем самым тщедушным хорьком, какого и ожидал увидеть Пеллэм, — разве что еще более ненормальным. Нет, он отправился туда за тем, чтобы найти осведомителя.

— Ты показался мне человеком, которому можно доверять.

Читай: «которого можно купить».

— Ну да, ты не ошибся. Джеко можно доверять, это точно. Но только до определенного предела, дружище. Только до определенного предела.

Пеллэм слабо улыбнулся. И протянул пять сотен, сумму, о которой они договорились, когда Пеллэм назвал ее вслух в баре, а Дрю вместе с банкой «Кока-колы» протянул ему промокшую салфетку с названием этого пустыря.

Дрю даже не взглянул на деньги. Просто сунул пачку банкнот в карман с видом человека, которого почти никогда не обманывают.

— Итак, что ты скажешь про своего босса? — спросил Пеллэм. — Он будет стараться прикончить меня?

— Не знаю, откуда мне? В любое другое время ты бы уже плавал в канале Хелл-Гейт в четырех разных пластиковых мешках. Но в последнее время старик Джей-Кей держит свои мысли при себе. Экстравагантные безумства закончились. Почему — сам не знаю. Сначала все думали, дело в женщине, но Джимми редко сходит с ума по телкам. И уж точно не по таким шлюшкам как Кати, с которой ты его видел. Так что я не знаю. Быть может, он вообще забудет о тебе. Моли бога об этом. Ради собственного же блага. Если Джимми захочет тебя прикончить, он тебя прикончит, и ты ничем не сможешь ему помешать. То есть, конечно, ты можешь уехать из штата. Но и только.

Они сели на скамейку. От жары у Пеллэма жутко чесалась спина. Он подался вперед. Докурив сигарету, Дрю тотчас же начал новую.

— Значит, эти дела поручают тебе, верно? — высказал догадку Пеллэм.

Дрю пожал плечами.

— Бывает.

— А у тебя мозгов побольше, чем у него.

Взгляд искоса и хитрая усмешка красноречиво рассказали о зреющем недовольстве низов. Пеллэм предположил, что в ближайшие шесть месяцев или Дрю, или Коркоран отправятся на тот свет. И решил, что скорее всего в живых останется Коркоран.

— У нас нет такого дерьма как крестные отцы и тому подобное. Но ты прав, я действительно иду под вторым номером. Мне часто приходится замещать Джимми. Особенно когда он теряет голову. А брат его легковес. Что делать: лифт не останавливается на каждом этаже. — Подумав, Дрю добавил: — Но я осторожный. Никогда не переступаю черту. Понимаешь, Джимми частенько ведет себя так, словно у него крыша съехала, твою мать. Но когда он успокаивается, он заботится о своих людях. И у него куча друзей, твою мать. — Дрю оглядел Пеллэма с ног до головы. — Ты говоришь без акцента. Ты не «переплывал через воду».

— Да, я родился здесь.

— Ты знаешь, что такое «Изумрудное подполье»?

— Нет.

— Понимаешь, приезжает человек из Ирландии, а здесь его встречает, как бы это сказать, целая сеть людей, которые помогают ему, пока он не встанет на ноги. Так вот, Джимми как раз этим и занимается. Не успел человек пройти таможенную в аэропорту имени Кеннеди, а Джимми уже нашел для него работу и подобрал квартиру. Мужчины отправляются на стройку, женщины в бары и рестораны. На этом Джимми неплохо зарабатывает. Еще он устраивает браки тех, кто хочет получить вид на жительство, дает деньги в долг.

— Оставляя кое-что себе.

— О, Джимми ведь бизнесмен, разве не так?

Дрю посмотрел на черную громаду конференц-зала Джевитса, функциональную, угловатую, — так, словно она все еще была в упаковке.

Он рассмеялся. Смех быстро перешел в кашель. Словно вспомнив о том, что ему пора снова покурить, Дрю зажег очередную сигарету.

— Ты правда снимаешь кино?

— Да.

— Я никогда раньше не встречался с киношниками. Я люблю кино. Ты смотрел «Жест милосердия»?

— В главных ролях Шон Пенн и Гэри Олдмен. Режиссер Эд Гаррис. Хороший фильм.

— Это про нас, — с гордостью произнес Дрю.

— И кто играл тебя? — насмешливо поинтересовался Пеллэм.

Этот художественный фильм про банду из Адской кухни не был основан на реальных событиях.

— Я об этом парне никогда не слышал, — совершенно серьезно ответил Дрю.

Они помолчали, поняв, что время светских любезностей подошло к концу. Настала пора перейти к делу. Пеллэм понизил голос.

— Так, слушай внимательно. Пожар в жилом доме на Тридцать шестой улице. Ходят слухи, за ним стоит Джимми.

Он повторил то, что рассказал ему Гектор Рамирес.

— Джимми? — переспросил Дрю. — Где ты слышал этот вздор? Не-ет. Джимми не устраивает поджоги старых домов.

— А я слышал, в этом доме жила та самая женщина, которая дала свидетельские показания в суде. И Джимми хотел расправиться с ней за это.

Дрю небрежно кивнул.

— Ах, это? Ты имеешь в виду то, как Спир Дриско замочил Бобби Финка? И это произошло на глазах у той самой латинос? Кармеллы Рамирес? Ну да, она действительно была очевидцем и действительно давала показания в суде. Но Дриско тогда так набрался виски, что Бобби Финка он порешил прямо перед модным рестораном, в субботу вечером. Свидетелей было было десять, сто. Даже если бы латинос не раскрыла свою пасть, Спир все равно отправился бы в «Аттику» на десять лет.

Пеллэм не собирался сдаваться легко.

— Но я слышал, что Коркоран и раньше устраивал поджоги.

— Естественно. Но только старые дома он никогда не трогал. Он занимался новыми. Все мы этим грешим. Твою мать, эти люди отнимают у нас наш район, что они ждут? «Кубинские лорды» и мы — мы сожгли то новое офисное здание на Пятидесятой улице.

— Рамирес тоже участвовал в этом?

— Разумеется. Это единственное, относительно чего мы можем договориться. И я тоже там был, мой мальчик. О да, Джеко швырнул бутылку с «коктейлем Молотова». Но пойми, в этом нет ничего плохого, — с жаром заговорил он. — Нам принадлежала вся западная сторона. От Двадцать третьей до Пятьдесят седьмой. Она была нашей. Проклятие, теперь у нас ничего не осталось. Мы лишь защищаем свои дома — только и всего. От нигтеров, латиносов и козлов-риелтеров. Тех, кто пришел с востока от Восьмой авеню. — Дрю сделал глубокую затяжку. — Нет-нет, Джимми не поджигал тот дом. Я это точно знаю.

— Почему ты так уверен?

— Джеко точно знает. Понимаешь, Джей-Кей что-то задумал.

— Что?

Дрю объяснил, что Джимми Коркоран вместе с братом вложили деньги в недвижимость и в настоящий момент пытаются проверить какую-то крупную сделку.

— Он говорит, что на этом деле заработает целый миллион. Так что Джимми сейчас меньше всего нужно привлекать внимание к Адской кухне, устраивая здесь пожары. Наоборот, Джей-Кей сам без раздумий пришлет того, кто устраивает у нас фейерверки. Им с Томом — это его брат — не нужны... гм... как бы это сказать?

Он умолк, подыскивая нужное слово.

— Потрясения, — подсказал Пеллэм.

— Точно. Им не нужны потрясения.

Пеллэм был склонен ему поверить.

— Хорошо, предположим, это сделал не Джимми, — сказал он. — Кто еще может за этим стоять?

— О, разве ты не слышал? Где ты был? Полиция уже схватила ту старую черномазую дамочку.

— Забудь о ней на минуту. Больше никто ничего не говорит?

— Ну, люди говорят, Джеко слушает. Джеко кое-что слышал.

— И что?

— Поговаривают про этого психа. Если ему заплатить, он сожжет все что угодно — хоть церковь, хоть школу, ему все равно. Женщин, детей — ему никого не жалко, понимаешь? Говорят, последние несколько недель он болтался на Тридцать шестой улице.

Пеллэм покачал головой.

— Я про него уже слышал. Ты знаешь, кто он?

— Нет.

Пеллэм разочарованно спросил:

— Я также ищу одного молодого парнишку. Светловолосый, лет семнадцать — восемнадцать. Педераст, торгует своим телом. Называет себя Алексом, но это не его настоящее имя. Знаешь кого-нибудь похожего?

— Ну, ты очертил добрую тысячу. — Прищурившись, Дрю всмотрелся в плоскую равнину Нью-Джерси. — Ты послушай Джеко. Это сделал Рамирес. Гектор эль-латинос. Гарантирую.

— Но в этом доме ведь жила его тетка.

— Ха, она наверняка давно съехала оттуда. Или, что более вероятно, ее выселили. Испанцы не любят платить за квартиру. Это я тебе точно говорю. Готов поспорить, Кармелла Рамирес уже устроилась на новом месте.

Пеллэм подумал, что Джеко прав. Рамирес не сказал ему всей правды.

— Уверен, что это он. Понимаешь, Рамирес недавно обчистил Джонни О'Нила.

— Это еще кто такой?

— Один тип, с которым у нас были кое-какие дела. Джонни снимает по всему городу квартиры и устраивает в них склады. — Дрю понизил голос. — Понимаешь, о чем я говорю?

— Ну, только ту часть, где говорится про снятые квартиры.

— Шш, молчи. Ни слова. Джеко оказывает тебе огромную честь.

— Договорились.

— О'Нил торгует оружием, понимаешь? Он снимал квартиру в том здании. — Джеко махнул рукой в сторону сгоревшего дома Этти. — О да, мой мальчик. У него там был тайник.

Он произнес это таким тоном, будто каждый житель Нью-Йорка должен был иметь тайник.

Пеллэм вспомнил про сгоревшие пистолеты, которые обнаружили на первом этаже пожарные.

— Так вот, на днях Рамирес остановил машину О'Нила и засунул ему в рот «глок». Сказал, чтобы он больше не устраивал склады оружия в этой части Кухни.

— И что ответил О'Нил?

— А что он мог ответить? Он сказал: «Слушаюсь, мистер латинос! Больше не буду, сэр!» А ты сам что бы ответил, если твои зубки вцепились бы в девятимиллиметровый ствол? Так что я думаю вот что: Рамирес прослышал о пистолетах от своей тетки, взбесился и нанял того придурка, чтобы тот спалил дом дотла.

Пеллэм покачал головой. Значит, Рамирес рассказал ему только часть всей правды.

— Ты не окажешь мне одно одолжение? Порасспрашивай насчет этого Алекса. Мне очень нужно его найти.

— О, Джеко будет держать глаза широко открытыми. Я шепну кое-кому нужное словечко. Мне приходится встречаться с разными людьми. Если в этом деле будет что-то для меня, Джеко узнает все что нужно.

Пеллэм снова достал бумажник.

Но Дрю покачал головой. Казалось, он был чем-то смущен.

— Нет, я имел в виду совсем не это. Ты мне уже заплатил. Я хочу сказать, когда ты будешь снимать свой фильм, помни обо мне, хорошо? Просто позвони Джеко. Когда снимали тот фильм, «Жест милосердия», ваши киношники должны были сначала поговорить со мной. Я хочу сказать, есть же какие-то законы, которые запрещают снимать кино про твою жизнь, сначала не посоветовавшись с тобой. Я имею в виду, твою мать, что я вовсе не хочу стать звездой. Я просто хочу сняться в кино, твою мать. У меня получится. Я точно знаю, что у меня получится.

Пеллэму пришлось приложить все силы, чтобы удержаться от улыбки.

— Джеко, если дело дойдет до подбора актеров, я обязательно с тобой свяжусь. Можешь не сомневаться.

Этти Вашингтон стояла у окна камеры женского отделения центра предварительного содержания под стражей.

Окно находилось высоко над головой, и через грязное стекло почти ничего не было видно. Но проникающий сквозь него свет действовал на пожилую негритянку успокаивающе. Она думала о Билли Доyle, вспоминала, как они любили выходить из дома, гулять по району. Вежливо раскланиваясь с соседями. Гарольд Вашингтон, второй муж Этти, тоже не любил сидеть дома, хотя он по природе своей скорее предпочитал оставаться на одном месте. Они вдвоем с Этти, когда Гарольд бывал дома и находился в более или менее трезвом состоянии, усаживались на крыльце и не спеша уговаривали бутылку. Оставшись одна, Этти открыла для себя наслаждение удобного кресла-качалки перед окном. Наслаждение, которого, похоже, она оказалась лишена навеки.

Ошибки. Этти вспоминала об ошибках, которые совершила в течение всей долгой жизни. О секретах, о лжи... Серьезной и не очень. О том, как из малозначительных прегрешений вырастали крупные неприятности. Как все добрые дела, которые она старалась творить, таяли как дым.

И еще Этти вспоминала выражение лица Пеллэма, когда та сучка рассказала всем в суде о ее судимости. Этти гадала, навестит ли снова он ее после этого? Вряд ли. Зачем? О, эта мысль причиняла ей острую боль. Впрочем, в этой боли не было ничего удивительного. Этти с самого начала знала, что рано или поздно Пеллэм навсегда исчезнет из ее жизни. Он мужчина, а мужчины всегда уходят. Неважно, кто они: отцы, братья или мужья. Мужчины всегда уходят.

У нее за спиной слышались шаги.

— Мать, — с притворной заботливостью спросила Хатейк Имахам, — как ты себя чувствуешь? Ты себя хорошо чувствуешь?

Этти обернулась.

Позади грузной женщины столпились полукругом остальные заключенные. Они медленно надвигались на Этти. Шестеро оставались в противоположном конце камеры и следили за коридором. Этти никак не могла взять в толк, зачем они выстроились в цепочку. И вдруг до нее дошло, что эта шестерка не позволяет охране видеть то, что происходит в камере.

Этти прошиб холодный пот. То же самое чувство она испытала давным-давно, когда в дверь квартиры позвонили двое мрачных полицейских и спросили, не приходится ли ей сыном Фрэнк Вашингтон. Можно им войти в квартиру? Им нужно кое-что ей сказать.

Хатейк продолжала спокойным голосом:

— Ты себя хорошо чувствуешь?

— Ну, ничего, — ответила Этти, тревожно переводя взгляд с одной женщины на другую.

— Но ты чувствуешь себя лучше, чем тот мальчишка, мать.

— Какой мальчишка?

— Тот маленький мальчик, которого ты убила. Хуан Торрес.

— Я его не убивала, — прошептала Этти, отступая назад и прижимаясь спиной к стене. — Нет, я его не убивала.

Она в отчаянии посмотрела в сторону решетки, но цепочка женщин полностью скрывала ее.

— Я знаю, стерва, это твоих рук дело. Это ты убила маленького мальчика!

— Я никого не убивала!

— Око за око!

Грузная женщина надвигалась на Этти. У нее в руке была зажата зажигалка. Другую зажигалку держала в руке молодая Данетта, которая стояла рядом. Где они их раздобыли? Вдруг Этти все поняла. Данетта умышленно добилась того, чтобы ее арестовали, и тайком пронесла в тюрьму зажигалки.

Хатейк шагнула еще ближе.

Этти отпрянула было назад, но затем неожиданно сделала выпад вперед, ударяя рукой в гипсе Хатейк по лицу. Гипсовая повязка с громким стуком ударила в нос. Грузная женщина, вскрикнув от боли, повалилась на пол. Остальные растерянно застыли на месте. Некоторое время никто не двигался.

Наконец Этти сделала глубокий вдох, собираясь крикнуть и позвать на помощь, но вдруг почувствовала у себя во рту вкус грязной тряпки. Кто-то подкрался к ней сзади и засунул ей в рот кляп. Хатейк вскочила на ноги и, вытирая окровавленный нос, хищно улыбнулась.

— Отлично, мать, отлично.

Она повернулась к Данетте. Та зажгла зажигалку и бросила ее Этти на халат. Пожилая негритянка попробовала было сбить пламя, но две женщины схватили ее за руки, лишив возможности двигаться. Тонкая хлопчатобумажная ткань быстро прогорела насквозь.

— Напрасно ты вздумала курить здесь, мать, — с укором промолвила Хатейк. — Это запрещено. Может привести к несчастному случаю. Видишь ли, эти дешевые зажигалки — они иногда протекают. Из них выливается горящий газ. Он сжигает волосы, сжигает лицо. Иногда человек погибает, иногда нет.

Хатейк подошла к ней вплотную, и Этти ощутила на волосах и на щеке ледяное прикосновение сжиженного бутана. Зажмурившись, она попыталась вырваться из рук державших ее женщин.

— Пустите меня, — повелительным тоном произнесла Хатейк, выхватывая зажигалку у Данетты.

Грузная женщина пробормотала еще что-то, но Этти не смогла разобрать слов за своими собственными криками и мольбами о пощаде. Послышался щелчок, шипение, а грузная женщина надвигалась ближе и ближе, держа горящую зажигалку словно факел.

14

Звезда может «открыть» фильм.

«Открыть».

Классический голливудский термин, внушающий благоговейное почтение, который означает: «добиться того, чтобы как можно больше людей потратили свои трудовые доллары и купили билеты на

общенациональную премьеру, — чтобы на следующий день создателям фильма не пришлось объяснять своим женам, любовницам, руководству кинокомпании и журналистам, почему они потратили чужие миллионы на совершенно провальную ленту.»

Фильм может «открыть» раскрученная звезда.

Или сногшибательный сценарий.

В наши дни успеха можно добиться даже только за счет спецэффектов, особенно если они включают в себя красочные взрывы.

Но ничто во всей вселенной не может «открыть» документальный фильм. Документальные ленты могут быть просветительными, трогательными и вдохновенными. Они могут представлять собой высшую форму кинематографического творчества. Но они не способны делать то, ради чего люди ходят в кино на художественные фильмы.

Документальные ленты не могут помочь бежать от действительности, на несколько часов забыть все и просто получить наслаждение.

Идя пешком по центральному Манхэттену навстречу мрачной ярмарке судов и тюрем, Пеллэм размышлял: он снял четыре независимых фильма, все четыре из которых стали культовой классикой, а два завоевали награды на престижных фестивалях. У него есть почетные дипломы Нью-Йоркского и Калифорнийского университетов, присужденные за достижения в области кинематографии. Он опубликовал десятки статей в «Кинематографисте» и «Независимом ежемесячном журнале о проблемах кино» и может на память повторить диалоги из большинства фильмов Хичкока. У него безукоризненная репутация в мире кино.

Во всех восемнадцати киностудиях и продюсерских компаниях, куда он обратился с предложением снять этот документальный фильм, ему ответили отказом.

О да, на словах все встречали идею «К западу от Восьмой авеню: устная история Адской кухни» с восторгом и одобрением. Но ни одна из крупных студий не выделила ни доллара в поддержку этого проекта.

Расписывая свой замысел, Пеллэм объяснял, что этот район предлагает восхитительную смесь преступлений, героизма, коррупции и красоты.

— Пеллэм, это все красивые, высокие слова, — объяснил ему хороший приятель, вице-президент отдела развития компании «Уорнер

бразерс». — А сейчас красивые, высокие слова не превращаются в хорошие фильмы.

Один лишь Алан Лефтковиц проявил хоть какой-то интерес, но он не имел даже смутного представления, о чем будет фильм.

Тем не менее Пеллэм питал в отношении своей работы большие надежды и считал, что она заслужит номинации на премию «Оскар», — убежденность эта основывалась в значительной степени на одной встрече, произошедшей в прошлом июне на Тридцать шестой западной улице.

— Прощу прощения, — спросил Пеллэм, — вы живете в этом доме?

— Да, живу, молодой человек, — ответила пожилая чернокожая женщина.

В ее глазах блеснула спокойная уверенность, веселье. И ни тени тревоги.

Пеллэм посмотрел налево и направо.

— Похоже, это последний жилой дом в квартале.

— Когда-то здесь не было ничего кроме жилых домов. Вот здесь стоял дом, в котором я прожила сорок лет. Видите пустырь? Вот тут? А в этом доме я живу уже, так, дайте-ка сообразить, уже лет пять или около того. Как вам это нравится? Почти полвека в одном и том же квартале. Черт возьми, подумать страшно!

— Ваша семья прожила в этом районе всю жизнь?

Негритянка поставила на тротуар тонкий полиэтиленовый пакет с двумя консервными банками, двумя апельсинами и полгаллонной банкой вина.

— А то как же. Мой дед Ледбеттер приехал сюда из Роли в 1862 году. Его поезд прибыл на вокзал в десять часов вечера. Дед вышел в город, увидел на улице несколько десятков мальчишек и воскликнул: «Господи, почему вы не дома?» А они ответили: «О чем это ты? Это и есть наш дом. Ступай своей дорогой, старик.» Дед так переживал за этих мальчишек. Про тех, кто ночевал на улице, говорили: «они носят знамя». Так приходилось жить тысячам подростков. У них не было никакого дома.

Она говорила без тени акцента, низким, мелодичным голосом, — голосом профессиональной певицы, как впоследствии выяснил Пеллэм.

— Красивое было здание? — спросил Пеллэм, глядя на пустырь, заросший сорняком, где, судя по всему, стоял дом, в котором пожилая негритянка жила раньше.

— То, в котором я жила? Та старая лачуга? — Женщина рассмеялась. — Она просто разваливалась! Знаете, однако, я должна рассказать вам кое-что интересное. По крайней мере, мне это показалось интересным. Когда дом сносили, тут собралась большая толпа тех, кто жаловался. Понимаете, люди устроили митинг протеста. «Не отнимайте у нас дом! — кричали они. — Не отнимайте у нас дом!» Я хорошо знаю тех, кто живет в нашем районе, но этих людей я не узнала. Думаю, это были студенты из Ист-Вилледжа, потому что от них пахло хорошим протестом. Вы меня понимаете? Профессиональные горлодраны.

Так или иначе, только представьте себе, кого я там встретила? Одну женщину, с которой познакомилась давным-давно. Много-много лет назад. Ей было уже под девяносто. Она была замужем за мужчиной много старше ее, он содержал конюшни и поставлял лошадей в армию. Когда-то Адская кухня была конюшнями Нью-Йорка. Здесь до сих пор сохранились каретные сараи фиакров. В любом случае, эта женщина — она родилась в том самом доме, который сносили. Инида Джонс. Не Анита, как вы могли подумать. И-ни-да. Южное имя, из Каролины. Она прожила много лет в Гарлеме, затем вернулась назад в Адскую кухню. Всю жизнь была такой же бедной, как я. От колыбели до могилы, от колыбели до могилы. Послушайте, мистер, не подумайте, что я на вас обижаюсь, но все же почему вы улыбаетесь?

— Можно спросить, как вас зовут?

— Этти Вашингтон.

— Послушайте, миссис Вашингтон, меня зовут Джон Пеллэм. Как вы смотрите на то, чтобы сняться в кино?

— Я? В кино? Черт побери. Слушайте, а почему бы нам не подняться ко мне? Выпьем вина.

Интервью начались на следующей неделе. Пеллэм пешком поднимался на шестой этаж, включал видеокамеру и просто не мешал Этти Вашингтон говорить.

И она говорила. Рассказывала про свою семью, свое детство, свою жизнь.

В возрасте шести лет она сидела на обрывке украденного ковра у окна, слушая, как мама и бабушка по очереди рассказывают об Адской кухне начала века. Оуни Мэдден, «Крысы» — самая жестокая банда в городе.

— ...Мой дед Ледбеттер, он употреблял в своей речи много жаргона, который нахватался на улицах в молодости. Так, про полицейского он всегда говорил: «фараон». «Лохом» называли человека, которого легко обмануть, например, в карты. Джин именовался «голубой смертью». А «капуста» была деньгами. Мой брат Бен, бывало, смеялся и говорил: «Дед, сейчас такие слова уже никто не употребляет.» Но он ошибался. Дед всегда называл то место, где жил, «стойлом». Понимаешь, свой дом. И сейчас все говорят так же.

В десять лет Этти пошла работать: устроилась в мясную лавку подметать усыпанные опилками полы и заворачивать мясо.

Когда ей исполнилось четырнадцать, умерла бабушка Ледбеттер, которую Этти очень любила и страшно боялась. Она умерла летом, в жару, в воскресенье за неделю до своего девяностодевятiletия, сидя на кровати рядом с Этти.

В пятнадцать Этти наконец бросила школу и устроилась работать на целлюлозно-бумажную фабрику, затачивать ножи и резак на длинных кожаных ремнях за двадцать центов в час. Одни рабочие доплачивали ей за усердную работу. Другие зазывали ее на склад и щупали ей грудь, предупреждая никому не говорить об этом. Один попытался было сунуть руку Этти между ног, но прежде чем он успел предупредить ее никому не говорить об этом, ему в бедро глубоко вонзился его же собственный нож. Его перебинтовали и дали оплачиваемый выходной. Этти выгнали.

В семнадцать лет она по вечерам бегала по клубам на Пятьдесят второй улице, чтобы послушать, как поет Бесси Смит.

— ...В Адской кухне особых развлечений не было. Но если маме и папе удавалось откладывать доллар — другой, они отправлялись на улицу Бауэри в Ист-Сайд в один из так называемых «музеев», которые на самом деле были совсем не тем, что ты думаешь. Это были центры развлечений — варьете, паноптикумы, танцплощадки. Водевили. Если маме и папе хотелось чего-нибудь особенного, они шли в «Маршалл» на Пятьдесят третьей улице. Ты, наверное, никогда о таком не слышал — был такой ночной клуб для черных. Эх, какие были времена... В «Маршалле» пела Ада Овертон Уокер. И Уилли Диксон.

Когда Этти исполнилось тридцать восемь лет и за спиной у нее уже было целое десятилетие пения в кабаре, она оставила это занятие. Этти влюбилась в красивого ирландца Билли Дойла, дамского угодника, который, к тому же, судя по всему, имел криминальное прошлое (Пеллэм еще не потерял надежду услышать конец этой истории).

К тому времени, как Этти стукнуло сорок два, выяснилось, что ничего путного из брака не получится. Ей не сиделось на месте; она очень хотела петь. Билли тоже не сиделось на месте. Он хотел добиться успеха, найти свою нишу в жизни. В конце концов он заявил Этти, что отправляется искать лучшее место, а как только его найдет, сразу же позовет ее к себе. Разумеется, он так и не вернулся, и это разбило Этти сердце. Единственной весточкой, полученной от Билли, стала короткая записка, приложенная к свидетельству о разводе, полученному в штате Невада^[46].

В сорок четыре Этти вышла замуж за Гарольда Вашингтона, который через несколько лет пьяным утонул в Гудзоне. Во многих отношениях хороший мужчина, трудолюбивый и порядочный, он тем не менее все равно оставил слишком много долгов для человека, не игравшего на скачках.

Этими рассказами заполнялась одна видеокассета за другой. Пять часов, десять, двадцать.

— Не может быть, чтобы тебя интересовало все это, правда? — не раз спрашивала Пеллэма Этти.

— Продолжайте, Этти. Я снимаю.

Пеллэм уговаривал себя не заикливаться на ней и поговорить и другими обитателями этого печально знаменитого района. Он и говорил — с некоторыми. И все же сердцем «К западу от Восточной авеню» оставалась Этти Вашингтон. Билли Дойл, семейство Ледбеттеров, семейство Уилксов, семейство Вашингтонов, «сухой закон», профсоюзы, гангстеры, эпидемии, Великая депрессия, Вторая мировая война, портовые склады, океанские лайнеры, жилые дома, домовладельцы.

Он снимал Этти. И съемки продолжались бесконечно.

До того, как ее арестовали по обвинению в поджоге, а затем и в убийстве.

И вот, в этот знойный полдень охранник в форме протянул Джону Пеллэму пропуск и провел его по затхлым коридорам, где приторный запах моющего средства соседствовал со зловонием мочи. Пройдя под аркой металлодетектора, Пеллэм зашел в комнату свиданий и стал ждать.

Сегодня в центре предварительного содержания под стражей царил полный хаос. Где-то далеко слышались крики. Кто-то выл, кто-то орал благим матом.

— Me duele la garganta!^[47]

— Ах ты, сука...

— Estoy enfermo!^[48]

— Ах ты, сука! Сейчас я приду и заткну твою поганую пасть!

Пять минут спустя стальная дверь, выкрашенная зеленой краской, открылась с полифоническим скрипом. Вошедшая охранница взглянула на Пеллэма.

— Вы ждете Вашингтон? Ее здесь нет.

Пеллэм спросил, где она.

— Поднимитесь на второй этаж.

— С ней все в порядке?

— На второй этаж.

— Вы мне не ответили.

Однако охранница уже вышла.

Поблуждав по тускло освещенным коридорам, Пеллэм наконец нашел темный закуток, который ему указали. Там царила такая же грязь, но было чуть тише и прохладнее. Взглянув на пропуск, охранница пропустила Пеллэма в следующую дверь. Войдя внутрь, Пеллэм с удивлением увидел Этти, сидевшую за столом со стиснутыми руками. Ее лицо было забинтовано.

— Этти, что стряслось? Почему вы здесь?

— Это изолятор, — прошептала пожилая негритянка. — Меня пытались убить.

— Кто?

— Женщины из камеры внизу. Они прознали о смерти мальчишки Торреса. Меня здорово провели. Я принимала их за своих друзей, а они с самого начала собирались меня убить. Луис добился разрешения перевести меня сюда. Мне повезло, охранницы вбежали как раз тогда, когда эти женщины собрались меня поджечь. Джон, они облили меня какой-то горючей гадостью и хотели поджечь мне лицо. У меня обожжено лицо.

— Как вы себя сейчас чувствуете?

Этти не ответила на этот вопрос.

— О, я даже подумать не могла, что мальчишка умрет, — сказала она. — Бедняжка. Он был таким милым крошкой. Если бы маленький Хуан остался у своего деда, как и собирался, он был бы жив... Я за него молилась. Честное слово, молилась! А ты меня знаешь — я не трачу время на религиозный бред.

Пеллэм накрыл ладонью здоровую руку Этти. Он подумал было о том, чтобы сказать: «Мальчик совсем не мучился» или «Все кончилось быстро», но, конечно же, он не имел понятия, какие мучения выпали на долю маленького Хуана и как долго продолжалась агония.

Наконец Этти посмотрела в его угрюмое лицо.

— Я видела тебя в суде. Когда ты услышал о том, что один раз меня уже арестовывали... Уверена, ты хочешь услышать об этом.

— Что тогда случилось?

— Помнишь то время, когда мы с Присциллой Кабот работали на швейной фабрике?

— Вас уволили. Это было несколько лет назад.

— Тогда для меня настали трудные времена, Джон. Я была на грани отчаяния. Как раз в то время заболела моя сестра. А у меня совсем не было денег. Я не находила себе места. А тут тот мужчина, который работал вместе с нами с Присциллой — нас выставили за ворота всех троих — так вот, ему пришла в голову мысль запугать руководство фабрики, чтобы нам что-нибудь заплатили. Понимаешь, мы решили, что фабрика осталась перед нами в долгу. Проклятие, я послушалась этих дураков. И напрасно. Если честно, я не хотела, но они меня уговорили. Короче говоря, мы позвонили владельцу фабрики и сказали, что если он нам не заплатит, пострадают грузовики, которые перевозят товар. На самом деле мы ничего не собирались делать. По крайней мере, я не собиралась. И я даже не знала, что Присцилла с тем мужчиной угрожали сжечь грузовики. Звонила не я; это сделали они, Присцилла и тот мужчина.

Так или иначе, хозяин согласился заплатить, но сам сообщил в полицию. Нас арестовали, а те двое сказали, что это была моя затея. В общем, полиция все-таки не поверила, что заводилой была я, но тем не менее меня арестовали, и я провела какое-то время за решеткой. Я этим нисколько не горжусь. Напротив, мне стыдно... Извини, Джон. Я не рассказала тебе всей правды, а должна была бы.

— Непонятно, почему вы должны рассказывать мне о себе все.

— Нет, Джон, ведь мы с тобой были друзьями. Я не должна была лгать тебе. И Луису надо было признаться во всем. Глядишь, в суде было бы легче.

Где-то совсем рядом кто-то истерически расхохотался. Звук становился все выше и выше, пока не перешел в затихающий визг. Затем наступила тишина.

— У вас свои тайны, у меня — свои, — сказал Пеллэм. — Я тоже умолчал кое о чем.

Этти пристально посмотрела на него. Жизнь в большом городе делает человека очень внимательным.

— О чем это ты, Джон?

Он колебался.

— Ты хочешь открыться мне, да? — настаивала Этти.

Наконец Пеллэм решился:

— Убийство.

— Что?

— Я отбывал срок за убийство.

Этти не отрываясь смотрела на него. У Пеллэма не было ни малейшего желания рассказывать об этом, облегчать свою душу. Но он посчитал очень важным поделиться с Этти этой черной тайной. И он ей все рассказал — о своем последнем художественном фильме, так и оставшемся незавершенным, — четыре жестяные коробки с отснятым материалом до сих пор валялись на чердаке его дома в Калифорнии. «Центральное поясное время». В главной роли снимался Томми Бернстайн, любвеобильный, сумасшедший, не умеющий держать себя в руках. Оставалось доснять всего шесть сцен, всего четыре второсортных каскадерских трюка. Неделя съемок. Всего одна неделя. «Джон, достань мне совсем немного. Самую малость, чтобы я продержался.»

Но Пеллэм достал не самую малость. Он достал много, и Бернстайн двое суток подряд находился в сплошном кокаиновом угаре. Буянил, смеялся, пил, дрался. Он скончался от остановки сердца прямо на съемочной площадке. И окружной прокурор «Города ангелов»^[49] вздумал наказать по-крупному Пеллэма, обвинив его в том, что именно он достал

Бернстайну кокаин, который привел к его смерти. Прокурор обвинил Пеллэма в непреднамеренном убийстве, присяжные с ним согласились, и Пеллэм отбыл срок в тюрьме Сан-Квентин.

— Извини, Джон. — Этти рассмеялась. — Тебе не кажется, мы одним лыком шиты? Ты, я и Билли Дойл. Мы все трое сидели аз решеткой. — Она снова прищурилась. — Знаешь, кого ты мне напоминаешь? Моего сына Джеймса.

Пеллэм видел фотографии молодого мужчины. Старшего сына Этти, ее единственного ребенка от Дойла. На снимке, сделанном, когда Джеймсу было лет двадцать с небольшим, он выглядел очень светлокожим — у Дойла была совершенно белая кожа — и красивым. Стройным. Несколько лет назад Джеймс бросил школу и подался на запад делать деньги. В последней весточке, которую получила Этти, он сообщал матери, что нашел работу «в сфере защиты окружающей среды».

Это было больше десяти лет назад.

Охранница взглянула на часы. Пеллэм торопливо зашептал:

— У нас осталось мало времени. Мне нужно задать вам несколько вопросов. Во-первых, страховая компания утверждает, что вы, покупая страховку, назвали номер своего банковского счета. Откуда кто-либо мог его узнать?

— Номер моего банковского счета? Понятия не имею. Я не знаю никого, кому он был бы известен.

— Вы в последнее время не теряли чеки?

— Нет.

— Кому вы выписывали чеки?

— Точно не могу сказать... Я оплачиваю свои счета как и все. Это привила мне мать. Она всегда говорила, что не нужно доводить дело до крайности. Я всегда плачу вовремя. Если есть деньги.

— За последнее время вы не выписывали чеки кому-нибудь тому, кому прежде не выписывали?

— Не могу вспомнить. О, подождите. Несколько месяцев назад мне пришлось заплатить какие-то деньги государству. Мне по ошибке выдали слишком много в службе социального обеспечения. На три с лишним сотни больше, чем я должна была получить. Я сразу об этом поняла, но все равно решила оставить деньги. Потом это обнаружили и

попросили меня вернуть излишек. Вот для чего я наняла Луиса. Он занимался этим делом. В конце концов мне пришлось заплатить лишь половину того, что от меня требовали. Я выписала Луису чек, и он отослал его по почте вместе с запросом. Джон, а что если правительство вздумало со мной расправиться? Что если служба социального обеспечения и полиция действуют заодно?

Маниакальный разговор о заговорах встревожил Пеллэма. Однако он сделал для Этти небольшую скидку: в данных обстоятельствах пожилая негритянка должна была мучиться манией преследования.

— А как насчет образцов вашего почерка? Как они могли попасть в руки кого-либо постороннего?

— Не знаю.

— Вы в последнее время не писали писем кому-нибудь тому, кому прежде не писали?

— Письма? Не могу себе представить. Я переписываюсь только с Элизабет, да еще иногда посылаю открытки дочери сестры во Фресно. Присылаю им несколько долларов на дни рождения. Вот и все.

— К вам в квартиру никто не забирался?

— Нет. Я всегда запираю все окна и дверь. Это у меня на полном автомате. В Кухне приходится постоянно держать ухо востро. Этому учат с раннего детства.

Этти погладила гипсовую повязку, любуясь автографом Пеллэма. Все ответы были достаточно разумными, но они не приводили к однозначным выводам. Возможно, присяжные поверят Этти, а может быть, и не поверят. Впрочем, и сам Пеллэм, достаточно насмотревшийся на Адскую кухню, уже не знал, во что верить.

Убрав записную книжку в карман, Пеллэм сказал:

— Вы выполните одну мою просьбу?

— Все что угодно, Джон.

— Расскажите конец истории Билли Дойла.

— Какой истории? О том, как он сидел в тюрьме?

— Да.

— Ну хорошо. Бедный мой Билли. А случилось с ним вот что. Я тебе уже не раз говорила о том, что главной его целью в жизни было обзавестись собственным клочком земли. Представь себе, этот человек, одержимый тягой к странствиям, не мог пройти мимо здания или участка земли с объявлением о продаже без того, чтобы не разыскать владельца и не начать задавать ему разные вопросы.

У Этти загорелись глаза. Пеллэм подумал, что она полностью отдается этому: взвешивает воспоминания и сплетает на их основе свой рассказ. Он знал, как захватывающее повествование увлекает самого рассказчика: в конце концов, он снял несколько фильмов в качестве режиссера. Но только рассказы Этти не были вымыслом, и она не рассчитывала ничего с них получить. Ни похвалы критиков. Ни процента от прибыли.

— Помнишь, я рассказывала тебе о своем брате Бене? Они с Билли были приблизительно одних лет; Бен был на год или два моложе. Однажды Бен поделился с Билли планом, как можно раздобыть деньги, достаточные для того, чтобы заплатить за участок земли, но только для этого ему был нужен партнер. Ну, на самом деле никакой это был не план. А чистой воды мошенничество. У Бена были знакомые в руководстве профсоюза, он состряпал какие-то липовые контракты и подсунул их, когда начальства не было на месте. Бен наслушался рассказов дедушки Ледбеттера о «Крысах» и гангстерах. Он сам очень хотел стать гангстером, хотя в Адской кухне никогда не было чернокожих банд — ни тогда, ни сейчас. Но Бен очень гордился своей выдумкой.

Однако он не посвятил моего Билли в суть дела. Билли полагал, что это настоящие контракты на транспортировку и строительные работы, а они с Беном лишь получают посреднический процент. Он ходил по самому краю, мой Билли, но глупым он не был. Возможно, кого-то он и обманывал, но с профсоюзами он никогда не связывался. Не прошло много времени, как Лемми Коллинс, вице-президент профсоюза портовых грузчиков и рабочих, обнаружил пропажу денег. Он сразу же заподозрил Бена. Лемми знал, что Бен дружит с Билли, но он был уверен, что ни один ирландец никогда не украдет у своих, а вот негр обчистит ирландца без раздумий. Поэтому Лемми наведился к моему брату вместе с двумя людьми из профсоюза и бейсбольной битой.

Но в тот самый момент, когда они уже собрались избить Бена до смерти, им позвонили из штаб-квартиры профсоюза. Звонила полиция. Как оказалось, Билли сознался во всем. Якобы это была его затея. Поскольку в деле оказалась замешана полиция, Лемми уже не смог убить Бена, хотя ему очень это хотелось. Профсоюз получил деньги назад, а Билли провел год в тюрьме. Понимаешь, он был ирландцем, то есть, белым, и его

жизни ничего не угрожало. А если бы попался Бен, его бы точно убили. Если не в Кухне, то в «Синг-синге»^[50].

— Он взял на себя чужую вину, — заметил Пеллэм.

— Билли сделал это ради моего брата, — сказала Этти.

— Вы же понимаете, что он сделал это ради вас, — тихо возразил Пеллэм.

— Понимаю, — печально подтвердила Этти. — Однако, наверное, год за решеткой изменил Билли. Я спасла своего брата, но, вероятно, потеряла мужа. Где-то через год после того, как Билли вышел на свободу, я однажды вечером вернулась домой и обнаружила записку.

— Прощу прощения, сэр, — учтиво вмешалась охранница. — Боюсь, время свидания подошло к концу.

Пеллэм кивнул.

— Да-да, уже ухожу. Еще только одно слово. Эй, миссис Вашингтон, поднимите голову.

Послышался щелчок, тихо зажуужал маленький моторчик.

Этти заморгала, приходя в себя от яркой фотовспышки. Пеллэм убрал «Поляроид».

— Джон, что ты делаешь? Неужели ты хочешь запомнить меня такой? Дай мне хотя бы причесаться!

— Я сделал этот снимок не для себя, Этти. И не беспокойтесь, прическа у вас просто замечательная.

15

Наконец объявился Лефти.

Пеллэм сидел на кухне, сняв ботинки. Переоборудовав с помощью листа толстой фанеры мойку в письменный стол, он прослушивал сообщения, оставленные на автоответчике. Кто-то положил трубку, не дожидаясь приглашения автомата, один раз, другой. Наконец Алан Лефтковитц своим голосом, несущимся со скоростью миля в минуту, рассказал о приеме, который устраивает Роджер Маккенна, добавив, что Пеллэму будет достаточно лишь упомянуть фамилию Лефти, и его пустят в «святая святых делового Нью-Йорка» — знаменитый продюсер произнес эту фразу без тени иронии. Пеллэм же, услышав ее, закатил глаза и

стукнул ногой по стене, пытаясь спугнуть наглого голубя, устроившегося на подоконнике.

Длинное сообщение продолжилось описанием всех сколько-нибудь значимых подробностей и завершилось строгим предписанием одеться подобающим образом.

Час спустя Пеллэм, одевшись «подобающим образом» (новые черные джинсы и начищенные до блеска ковбойские сапоги), вышел на удушливый зной и доехал на метро до станции «Ситикорп-билдинг» в Нижнем Манхэттене. Оттуда он прошел пешком до указанного адреса по Пятой авеню и нырнул в крутящиеся двери. Как только Пеллэм оказался внутри, уже никто не смог бы заподозрить, что он, в отличие от большинства приглашенных, прибыл не в «Бентли», «Роллс-Ройсе» или — это относилось к самым бедным — в длинной и худой сухопутной яхте «Линкольн континентал».

— Смотрите, еще один!

Женщина произнесла эти слова запыхавшись. Многочисленные гости, столпившиеся за триплексным стеклом верхнего этажа небоскреба, заговорили разом, но в их голосах слышался не столько ужас, сколько восхищение.

— О господи, только посмотрите! Пламя видно отсюда!

— Где?

— Вон там. Видите?

— Ронни, узнай, не захватил ли кто-нибудь с собой фотоаппарат. Джоанна, посмотри!

Пеллэм пробрался ближе к окну, взметнувшись на шестьсот футов над авеню, вдоль которой выстроились бутики «Картье», «Тиффани» и «Ив Сен-Лоран». Он посмотрел на запад и со щемящим сердцем понял, что речь идет еще об одном пожаре. Горело здание в Адской кухне, чуть севернее квартала, где находилась контора Луиса Бейли. Время от времени сквозь облако густого черного дыма прорывались языки пламени. Поднявшись в молочно-белое небо на высоту тысяча футов, дым распустился зловещим грибком ядерного взрыва.

— О боже, — прошептала какая-то женщина. — Это же больница! Манхэттенский госпиталь!

Та самая больница, где лечили Этти и его самого, вдруг подумал Пеллэм. Где умер маленький Хуан Торрес.

— Вы полагаете, это он? Ну где же фотоаппарат? Я хочу заснять пожар. Вы поняли, кого я имею в виду? Того психопата, о котором сегодня утром было напечатано в «Таймс».

— Кажется, это уже пятый пожар, который он устроил. Или даже шестой.

Пожар разрастался. Теперь пламя уже было хорошо видно.

Фотоаппарат никто так и не принес, и через пять минут пожар превратился просто в еще один элемент пейзажа. Гости по двое — трое вернулись в зал.

Пеллэм задержался у окна еще на какое-то время, глядя на пожар. Молчаливый танец языков пламени, облако серого дыма, поднимающееся высоко над Манхэттеном.

— Привет, как поживаете? — Прозвучавший за спиной мужской голос обладал сильным лонг-айлендским акцентом, напоминающим речь человека, у которого сломана нижняя челюсть. — Судя по вашей одежде, вы художник. Вы художник?

Обернувшись, Пеллэм увидел перед собой мясистого молодого мужчину в смокинге, изрядно подвыпившего.

— Нет.

— А. Отличное местечко, вы не находите? — Мужчина пьяно потрянул головой, показывая двухуровневую гостиную в пентхаусе небоскреба на Пятой авеню. — Маленькая хижина Роджера на небесах.

— Убогой ее никак не назовешь.

Как раз в этот момент Пеллэм заметил в противоположном конце зала того человека, который был ему нужен. Роджера Маккенну. Но магнат от недвижимости тотчас же снова затерялся в толпе.

— Хотите услышать анекдот? — пьяно расхохотался новый знакомый Пеллэма, проливая на себя коктейль.

— Какой анекдот? — спросил Пеллэм.

Пьяный молодой человек с воодушевлением затряс головой, но больше ничего не сказал.

— О священнике, раввине и монашке? — подсказал Пеллэм.

Нахмурившись, пьяный покачал головой, после чего начал заплетающимся языком объяснять, что весь верхний этаж небоскреба разбит словно крольчатник на клетушки, которые Маккенна называет «логовами», «гостинными», «музыкальными салонами» и «центрами развлечений».

— Угу, — неопределенно произнес Пеллэм, тщетно высматривая в толпе Маккенну.

— А на самом деле это лишь спальни, понимаете? — продолжал молодой мужчина, обливая водкой с мартини свой смокинг. — Но все дело в том, что спален пятнадцать, а у Роджера Маккенны нет ни одного друга — не говоря уж о пятнадцати — который способен терпеть его настолько, чтобы остаться у него в гостях на ночь.

Молодой мужчина затрясся от хохота, проливая остатки коктейля на свои лакированные штиблеты. Как раз в этот момент мимо проходила блондинка в красном платье с глубоким вырезом. Пеллэм и молодой мужчина разом обернулись на нее, и вдруг молодой мужчина исчез так стремительно, словно он был хвостом, а блондинка в красном платье — собакой.

Пеллэм снова посмотрел в окно на разрастающееся облако дыма.

За час, проведенный здесь, Пеллэм успел немало услышать о Роджере Маккенне — в основном, язвительные мелочи, вроде той, которую ему только что рассказал пьяный молодой мужчина. Полезного для себя он услышал мало. Подрядчику сорок четыре года. Довольно крупный мужчина, но в хорошей форме. Внешне похож на актера Роберта Редфорда, только чуть помоложе и порыхлее. По слухам, его империя оценивается в два миллиарда долларов. Пеллэм наблюдал на лице Маккенны калейдоскоп выражений: за долю секунды оно менялось от детски-наивного до дьявольски алчного и, наконец, затягивалось ледяным безразличием.

На самом деле, самым существенным, что выяснил о Роджере Маккенне Пеллэм, было то, что на самом деле никто ничего по-настоящему о нем не знал. За весь вечер Пеллэм вынес единственное заключение: подрядчик обладает каким-то не поддающимся описанию качеством, заставляющим таких людей как те, что собрались сейчас здесь, — красивых и могущественных, или тянущихся к красоте и могуществу, — всеми правдами и неправдами добиваться приглашения к нему на приемы, где они, напиваясь за счет Маккенны, изощряются, оскорбляя хозяина за его спиной.

Пеллэм начал пробираться поближе к Маккенне, который медленно продвигался сквозь плотную толпу гостей, заполнившую зал.

Его опередила молодая пара, перехватившая подрядчика у стола с рыбными закусками.

— Как мило, Роджер, — заметил муж, оглядываясь по сторонам. — Даже очень мило. Знаете, что мне напомнил этот зал? Тот особняк на Антибах. Знаете, да, на самом мысу? «Эрмитаж». Мы с Бет всегда там останавливаемся.

— Вы его знаете? — подхватила женщина, судя по всему, Бет. — Там так чудесно!

Маккенна надул губы.

— Боюсь, я там не бывал, — сказал он к огромному удовольствию молодой пары. И тотчас же добавил томным голосом: — Когда я бываю там, то обычно останавливаюсь у князя Монако. Видите ли, так значительно проще.

— Понимаю, — пробормотал муж, хотя на самом деле он ничего не понимал.

Муж и жена натянули на лица застывшие улыбки, свидетельство того, как розовощекий Роджер Маккенна поразил их в самое сердце.

Гости оживленно суетились около столиков с закусками, на которых хлопьями черной пороши лежала икра и крупными жемчужинами белела суши. Пианист в смокинге играл блюзы Фэтса Уоллера.

— Но сам он не учился в «Чоуте», — случайно услышал Пеллэм чей-то шепот. — Прочитайте внимательно. Он дает этой престижной школе щедрые пожертвования, читает там лекции, но сам он в ней не учился. Маккенна закончил приходскую школу в Вест-Сайде. Он ведь родом оттуда.

— Из Адской кухни? — уточнил Пеллэм, присоединяясь к разговору.

— Да-да, именно, — ответила женщина, чье лицо явно перенесло несколько успешных пластических операций.

Значит, Роджер Маккенна — выходец с Адской кухни. Судя по всему, ему потребовались долгие годы, чтобы скруглить все свои шероховатости.

Внезапно сам Пеллэм превратился в добычу. Толпа на мгновение расступилась, словно Красное море перед Моисеем, и Маккенна,

стоявший футах в пятидесяти от Пеллэма, пристально посмотрел на него. У Пеллэма промелькнуло воспоминание — лимузин перед сгоревшим домом, в котором жила Этти. Вероятно, в этой машине находился Маккенна.

Но подрядчик никак не показал, что узнал Пеллэма. Толпа снова сомкнулась, и Маккенна обернулся к горстке гостей, полностью переключив на них свое внимание, словно софит на съемочной площадке. Затем подрядчик опять пришел в движение, перемещаясь по сцене, задавая вопросы, шутя, кивая.

Честолюбие — скверная штука, не так ли?

Пеллэм собирался было последовать за Маккенной, когда у него за спиной женский голос произнес с очень сильным северо-восточным акцентом:

— Привет, коллега.

Обернувшись, Пеллэм увидел привлекательную блондинку лет сорока с небольшим с бокалом шампанского в руке. Ее глаза были затуманены, но не алкоголем, а усталостью. Блондинка постучала своей расшитой блестками туфлей по ковбойскому сапогу Пеллэма, объясняя, почему назвала его коллегой.

— Привет.

Блондинка посмотрела вслед удаляющемуся Маккенне. Пеллэм проследил за ее взглядом.

— Которая? — спросила она.

— Прошу прощения? — не понял Пеллэм.

— Вы любите держать пари?

— Перефразируя Марка Твена, — ответил тот, — человек не должен спорить только в двух случаях. Во-первых, когда он не может позволить себе потерять деньги. И, во-вторых, когда может.

— Вы не ответили на мой вопрос.

— Да, я люблю держать пари, — признался Пеллэм.

— Видите тех двух женщин? Брюнетку и рыжую?

Пеллэм быстро нашел взглядом тех, кого она имела в виду. Две молодые женщины стояли у лестницы, беседуя с Маккенной. Обеим лет под тридцать, обе привлекательные, с хорошей фигурой. Рыжая выглядела значительно более сексуальной и сладострастной. Брюнетка держалась холодно, рассеянно; казалось, подрядчик навевал на нее скуку.

— Минут через пять Роджер поднимется наверх. Там находятся спальни. Еще через пять минут одна из этих двух женщин последует за ним. Как вы думаете, какая?

— Он с ними знаком?

— Скорее всего, нет. Итак, вы в игре?

Пеллэм еще раз внимательно посмотрел на рыжеволосую. Откровенное декольте, открывающее верхний край пышного бюста. Длинные волосы, ниспадающие волнами до плеч. Соблазнительная улыбка. И веснушки. Пеллэму очень нравились веснушки.

— Рыжая, — сказал он, пытаясь прогнать назойливую мысль: «Восемь месцев, восемь месяцев, восемь месяцев, черт побери.»

Женщина рассмеялась.

— Вы ошибаетесь.

— На что спорим?

— На бокал шампанского, которым нас угостит хозяин. Опять же, повторяя слова Марка Твена, спорить всегда лучше на чужие деньги, а не на собственные.

Они чокнулись.

Пеллэм выяснил, что женщину звали Джоли и она, судя по всему, была здесь без пары. Он прошел следом за ней к окну в углу зала, где было чуть тише.

— А вы — Джон Пеллэм.

Пеллэм озадаченно улыбнулся.

— Я слышала, как кто-то упомянул вашу фамилию.

У него тотчас же мелькнула мысль: кто? Маловероятно, чтобы слухи с улиц Адской кухни могли подняться в эту стратосферу.

— Я видела один ваш фильм, — продолжала Джоли. — Про одного алхимика. Он мне очень понравился. Не могу сказать, что я все в нем поняла. Но считайте это комплиментом.

— Вот как? — спросил Пеллэм, пристально глядя в ее неподвижные зеленые глаза.

— Вспомните фильм Кубрика «2001-й год», — пояснила Джоли. — Фильм не слишком хороший. Так чем же объясняется его долгоживучесть? Голубой Дунай и космический корабль? Это могло прийти в голову кому угодно. Дерущиеся друг с другом обезьяны? Нет. Спецэффекты? Конечно же, нет. Все дело в конце. Зрители так и не могут понять, чем все закончилось, черт побери. Люди забывают очевидное. Но надолго запоминают неопределенное.

Пеллэм рассмеялся.

— Да, я действительно люблю некоторую недосказанность, — сказал он, не отрывая взгляда от Маккенны. — Ладно, уговорили, буду считать ваши слова комплиментом.

— Вы здесь снимаете фильм?

— Да.

В противоположном конце зала Роджер Маккенна посмотрел с непринужденным видом по сторонам и стал подниматься по лестнице.

У Пеллэма мелькнула мысль, что он, быть может, просто захотел сходить в туалет. В споре с Джоли они не предусмотрели возможность ничейного исхода. Впрочем, Пеллэму было все равно; он наслаждался ее обществом. Глубокий вырез платья Джоли ничем не уступал декольте рыжеволосой. Пеллэму даже показалось, что он разглядел несколько веснушек там, где белая кожа скрывалась под тканью с блестками.

— О чем он? — спросила Джоли. — Ваш новый фильм?

— Это не художественная лента. Документальная. Об Адской кухне.

— Этот пожар — любопытная метафора, вы не находите? — Она кивнула на открывающийся из окна вид, и у нее на лице заиграла едва заметная усмешка. — Она могла бы стать хорошим лейтмотивом вашего фильма. Помолчав, Джоли загадочно добавила: — О чем бы он ни был на самом деле.

— Насколько хорошо вы знакомы с Маккенной? — спросил Пеллэм.

И лишь потом до него дошел смысл ее слов: «о чем на самом деле ваш фильм.» Неулыбчивая брюнетка в противоположном конце зала загасила сигарету и, приподняв подол длинной юбки, осторожно огляделась по сторонам. Затем она начала подниматься по лестнице, на которой только что скрылся подрядчик.

— Отличная догадка, — заметил Пеллэм.

— Это была не догадка, — ответила Джоли. — Просто я достаточно хорошо знаю своего мужа. А теперь несите мне шампанское, которое вы проспорили. И себе захватите тоже. Мы пройдем вон туда и выпьем его там.

Указав на небольшую комнатку, примыкающую к главному залу, она улыбнулась. Пианист начал играть «Непогоду».

— Знаете, одна из уборщиц, которые работают у нас, продает все, что находит у нас в мусоре, правительству. Налоговой инспекции, Комиссии по ценным бумагам и биржевым операциям. Уверена, также и конкурентам. Роджер смеха ради постоянно подбрасывает в мусорные корзины вместе с упаковками из-под гигиенических прокладок и использованными презервативами всякую чушь.

— И налоговая инспекция за это платит? — спросил Пеллэм.

— Да.

— Значит, вот какое применение находят доллары, которые я плачу в качестве налогов!

— Только не говорите, что вы действительно платите налоги! Неужели вы не шутите? — Джоли изобразила искреннее изумление. — Если это правда, я обязательно сведу вас со своим личным бухгалтером.

Они удалились в уютную комнатку, обитую тиковыми досками. Гул голосов и звуки музыки проникали сквозь стены приятным, ненавязчивым фоном. Пеллэм с удивлением посмотрел на фотографию Маккенны, стоящего в обнимку с большим Микки-Маусом.

— Несколько лет назад, — произнесла Джоли, зачарованная сумасшедшим бурлением пузырьков в бокале шампанского, — Роджер связался с европейским «Диснейлендом». Эта затея кончилась полным провалом. Я с самого начала говорила ему, что из этого ничего не выйдет. Я просто не могла представить себе французов с большими черными накладными ушами.

— Почему вы так спокойно отнеслись к тому, что только что произошло? Я имею в виду вашего мужа и брюнетку?

— Вы же из Голливуда. Я полагала, вы должны понимать, что относиться спокойно и разыгрывать спокойствие — это две совершенно разные вещи.

— Положили на обе лопатки. Но как вы определили, что это будет брюнетка?

— Из них двоих она была менее податливой. То есть, победа над ней более ценна. Роджер никогда не ищет легких путей. Его кабинет находится в этом здании на семидесятом этаже. Роджер каждое утро поднимается к себе на работу пешком.

— Вид отсюда открывается фантастический, — заметил Пеллэм, подходя к окну от потолка до пола.

Он обвел взглядом погружающийся в сумерки Манхэттен. Джоли указала ему несколько новых зданий, выстроенных Маккенной, и еще несколько более старых, управляемых или принадлежащих его компаниям.

Подняв руки, Пеллэм прижался пальцами к холодному стеклу. Поскольку в маленькой комнате горел неяркий свет, за окном появилось отражение Пеллэма, похожее на ангела, парящего в воздухе, прикасающегося своими руками к его рукам.

— Ваш фильм, он ведь про Роджера, так?

— Нет. Мой фильм про старый Вест-Сайд.

— Тогда почему вы шпионите за Роджером?

Пеллэм промолчал.

— Мы с Роджером собираемся разводиться, — сказала Джоли.

Пеллэм продолжал разглядывать огни вечернего города. Это подстроенная ловушка? Джоли шпионит за ним? Пожив в Голливуде, начинаешь опасаться за свою работу; пожив в Адской кухне — за свою жизнь.

Но у Пеллэма возникло смутное ощущение того, что Джоли можно верить. Он вспомнил выражение ее глаз, когда она увидела, как брюнетка подобрала юбку и стала подниматься по лестнице. Пеллэму довелось работать со многими актрисами, в том числе, и с

выдающимися, но лишь очень немногие из них владели собой настолько хорошо, что могли изобразить подобную боль.

— Роджер говорил о вас, — сказала Джоли Маккенна.

Вдалеке пожар в Вест-Сайде уже был в основном потушен. Однако до сих пор там мигали проблесковые маячки машин чрезвычайных служб, похожие на цветомузыку дешевой дискотеки.

— И что он обо мне говорил?

Поколебавшись, прилично ли будет кивнуть на потолок, где Роджер Маккенна развлекался с неуступчивой брюнеткой, Пеллэм все же решил воздержаться.

— Почти ничего. Но ему все о вас известно. Он за вами следит.

— В таком случае, почему мы здесь? Выкладывайте все начистоту.

Пригубив шампанское, Джоли грустно усмехнулась.

— У нас с Роджером никогда не было друг от друга никаких секретов. Абсолютно никаких. Дошло даже до того, что я знала размеры бюстгалтеров всех его любовниц. Но затем что-то произошло.

— Ваши отношения стерлись?

— Совершенно верно, Пеллэм. В самую точку. Постепенно они износились, увяли. Мы с Роджером уже давно не любим друг друга. О, много лет. Но мы оставались близки, мы были хорошими друзьями. Но затем этому пришел конец. Нашей дружбе. Роджер начал мне лгать. Это стало нарушением правил. И мы решили развестись.

Она имела в виду: «Он решил развестись.»

— И у вас такое ощущение, будто вас предали.

Джоли хотела было отрицать это, но передумала и сказала:

— Да, у меня такое ощущение, будто Роджер меня предал.

Пеллэм смотрел в окно сквозь свое отражение.

— Вы слышали о пожаре в жилом доме на Тридцать шестой улице? Непосредственно перед его началом поблизости от загоревшегося дома видели людей, которые работают в строительной компании вашего мужа.

Этими словами он полностью овладел вниманием Джоли.

— Значит, вы крестоносец, пришедший отвоевывать Гроб Господень, да?

— Едва ли. Я просто хочу выяснить, кто стоит за всем этим.

— Я не думаю, что Роджер способен пойти на такое.

— Вы не думаете.

Пеллэм видел, что твердой уверенности у Джоли нет. Она поднесла бокал с шампанским к носу и принялась.

— Как, по вашему, я привлекательна?

— Да.

Этот ответ был искренним и не имел никакого отношения к восьми месяцам ледяного воздержания.

— Вы хотите лечь со мной в постель?

— В другое время и в другом месте — да, с огромным наслаждением.

Эти слова удовлетворили Джоли. Каким же хрупким является наше тщеславие и как беззаботно мы к нему относимся, позволяя кому попало разбивать его вдребезги!

— Скажите, за чем именно вы охотитесь, и, быть может, я смогу вам помочь.

«А может быть, она перережет мне жилы.»

— Ага, вижу, вы колеблетесь, — заметила Джоли. — Боитесь, что я передам наш разговор Роджеру. Вы полагаете я за вами шпионю?

— Не исключено.

— А мне показалось, вы не боитесь идти на риск.

— Ставки слишком высоки.

— Насколько высоки? Миллиард? Два миллиарда?

— Десять лет жизни пожилой женщины.

Джоли ответила не сразу.

— Теперь у меня не осталось никакой власти над Роджером. По крайней мере, такой, какой была раньше. — Она неопределенно кивнула в сторону веселящихся гостей, но этот жест был выстрелом из снайперской винтовки нацелен на всех брюнеток, рыжих и блондинок, присутствующих в зале. — И я ее больше не верну. На этом поле боя — в спальне, в нашем доме, — Роджер одержал полную победу. Поэтому я должна причинить ему как можно более сильную боль там, где еще могу. В его бизнесе.

— Та пожилая женщина, о которой я говорил, — продолжал Пеллэм. — Она жила в сгоревшем доме. Ее обвиняют в том, что она устроила поджог, но она к этому непричастна.

— Кажется, ее фамилия Вашингтон, — заметила Джоли. — Я читала об этом в газете. Какая-то махинация со страховкой.

Пеллэм кивнул.

— Это ваш муж сжег то здание?

Джоли задумалась, разглядывая крошечные пузырьки.

— Только не старый Роджер. Нет, тот на такое никогда бы не пошел. А что касается нового Роджера... я могу сказать о нем только то, что он превратился в совершенно чужого и незнакомого человека. Он больше совсем не разговаривает со мной. Это совсем не тот Роджер, за которого я выходила замуж. А вот что я точно могу вам сказать: он стал уезжать из дома на всю ночь — каждую неделю. Раньше Роджер никогда так не поступал — я имею в виду, не пропадал, не предупредив меня. И никогда не лгал мне по этому поводу. А сейчас кто-то звонит ему вечером, он быстро собирается и уезжает.

— Вы знаете, кто ему звонит?

— Я попробовала набрать номер последнего звонившего. Попала на юридическую контору. О такой я никогда раньше не слышала.

— Как она называется?

— «Пилсбери, Миллбанк и Хог».

Пеллэм уловил в голосе Джоли надрыв.

Она продолжала:

— Шофер отвозит Роджера на пересечение Девятой авеню и Пятидесятой улицы. Там он с кем-то встречается. Эти встречи происходят в обстановке строжайшей секретности.

— А шофера никак нельзя расспросить более подробно? — осторожно намекнул Пеллэм.

— Он и рад был бы помочь, — грустно усмехнулась Джоли, — но Роджер тщательно следит за тем, чтобы он, высадив его, сразу же уезжал.

Пеллэм записал название юридической конторы и адрес.

— Знаете, у Роджера есть и хорошие черты, — вдруг сказала Джоли. — Он жертвует деньги благотворительным организациям.

Как, говорят, и некоторые серийные убийцы. По крайней мере, те, кому требуется полное списание со счетов.

Взяв со столика бокал Пеллэма, Джоли отпила из него. Ее собственный уже был пустой.

— То, что вы только что мне рассказали, может дорого обойтись вашему мужу, — заметил Пеллэм. — Впрочем, как и вам.

— Мне?

— Я имею в виду развод. Разве вы не собираетесь получить от вашего мужа какое-то содержание, алименты?

Смех.

— Дорогой мой Джон Пеллэм, а вы ведь действительно платите налоги, признайтесь! Скажем так: я о себе позаботилась. Что бы ни произошло с Роджером, меня в финансовом плане это никак не затронет.

Пеллэм посмотрел на ее упругую, загорелую кожу. Восемь месяцев. Чертовски долгий срок.

— Выпьем за другое время и другое место, — сказала Джоли, поднимая бокал.

Пеллэм постоял у окна, глядя на ярко освещенные здания Манхэттена, затем шагнул к двери; а за стеклом его ангел также развернулся и, опустив призрачные руки, растаял в ночной темноте над городом.

Пламя взлетает вниз, а не вверх.

Пламя поднимается, а не опускается.

Сынок долго смотрел на план города.

Пожар в госпитале получился хорошим, но не отличным. Поблизости от места возгорания оказалось слишком много бдительных добропорядочных граждан. Слишком много полицейских, слишком много пожарных. Повсюду сующих свой нос. Готовых позвонить в службу спасения. Готовых направить на огонь пену двуокиси углерода из огнетушителей.

Все отнеслись к пожару слишком серьезно, мать их.

Кроме того, Сынок был рассеян — его мысли были поглощены этим Пеллэмом, антихристом в обличье ковбоя. Ему казалось, он видит его повсюду. В темных переулках, в укромных закутках. Он пришел, чтобы забрать Сынка с собой...

«Вот почему я потею. Вот почему у меня трясутся руки.»

Сынок взмок от пота, катившегося по лбу градинами. Его длинные волосы, обычно светло-лимонные, потемнели от скопившейся в них влаги. Дыхание вырывалось учащенно, с трудом, и время от времени изо рта розовым угрем высывался язык, облизывавший пересохший пергамент губ.

Следующим в списке стоял кинотеатр. Сынок долго колебался, какой ему сжечь: заведение для извращенцев, в котором крутят порнофильмы, или обычный кинотеатр. В конце концов он остановился на обычном.

Однако, первым делом ему надо было пополнить запасы. Поджигателям приходится гораздо легче, чем террористам, взрывающим бомбы и отстреливающим прохожих из снайперской винтовки, поскольку орудия их ремесла совершенно законны. И, тем не менее, им приходится соблюдать осторожность. Поэтому Сынок постоянно менял места, где закупал составляющие части своих зажигательных бомб, и никогда не показывался на одной и той же заправочной станции чаще одного раза в месяц. Но в Манхэттене на удивление мало заправок — они находятся по большей части в Нью-Джерси или на Лонг-Айленде — а, поскольку у него не было машины, он мог покупать бензин только на тех станциях, до которых можно было дойти пешком от его квартиры.

Сейчас Сынок направлялся в Ист-Вилледж, на бензозаправку, которой уже не пользовался больше года. Дорога была дальняя, а обратно она станет еще более тяжелой, потому что ему придется тащить пять

галлонов бензина. Но Сынок опасался искушать судьбу, покупая горючее ближе к дому.

По пути он прикидывал, сколько банок его фирменного состава потребуется на кинотеатр.

Вероятно, всего одна.

Иногда Сынок часами бродил вокруг здания, пытаясь решить, как сжечь его наиболее эффективно. Он был очень худой, нездорово худой, и когда он садился на корточки перед зданием центрального железнодорожного вокзала, играя в игру «сколько банок», прохожие бросали ему под ноги монетки, принимая его за бездомного попрошайку, больного СПИДом, или просто думая: «Этот парень чертовски отощал», а при этом у него в кармане лежала тысяча долларов наличными, он находился в пике физической формы и просто сидел на бордюре, давая волю своей фантазии и с наслаждением подсчитывая, как спалить это вычурное здание, устроив минимальное количество поджогов.

В конце концов Сынок пришел к выводу, что на центральный вокзал потребуется семь банок.

На Рокфеллеровский центр^[51] — шестнадцать. На небоскреб «Эмпайр-стейт билдинг» хватит всего четырех. На башни-близнецы Всемирного торгового центра потребовалось бы по пять банок на каждую (но эти сумасшедшие арабы все испортили).

Поравнявшись с заправочной станцией, Сынок с беззаботным видом прошел мимо, тщательно высматривая, нет ли поблизости полицейских или пожарных. В последнее время улицы рядом с заправками стали патрулировать полицейские машины. Но здесь все было спокойно. Сынок вернулся к станции и прошел к самой дальней от кассира бензоколонке. Отвинтив крышку, он начал наполнять канистру.

Сладковатый запах бензина вызвал у него много восхитительных воспоминаний.

В первый же час своего самого первого приезда в Нью-Йорк Сынок понял, что в этом городе он будет жить и здесь умрет. Нью-Йорк! Разве можно жить где-либо в другом месте? Асфальтовое покрытие улиц раскалялось под солнцем, испарения словно дым поднимались над тысячами люков, здания сгорали ежедневно, и никто, похоже, не придавал этому особого значения. Это был единственный город в мире, где можно было поджечь мусорные контейнеры, машины или брошенные дома, а прохожие только мельком глядели на пожар и шли

своей дорогой, как будто пламя являлось лишь естественной составляющей городского ландшафта.

Сынок приехал в Нью-Йорк после того, как освободился из подростковой колонии. Некоторое время он работал в офисах — курьером, рассыльным, секретарем. Но на каждый час, проведенный на работе или в кабинете сотрудника полиции, осуществляющего надзор за условно-досрочно освобожденными, Сынок тратил два часа, оттачивая свое ремесло, выполняя заказы домовладельцев, подрядчиков и иногда даже мафии. Солярка, природный газ, нитраты, лигроин, ацетон. И его собственная смесь, изобретенная самим Сынком, виртуально запатентованная, которую он обожал так, как Бах любил клавиши своего органа.

Адская смесь. Огонь, который целует человеческую кожу и не отпускает ее.

В первые годы жизни в Нью-Йорке, когда Сынок обосновался в Вест-Сайде, он не был таким одиноким, как сейчас. Он встречался с людьми на работе и даже назначал свидания девушкам. Но вскоре люди ему надоели. Свидания быстро становились скучными, и уже через несколько часов обе стороны объединяло лишь настойчивое стремление поскорее избавиться друг от друга. Во время посещений ресторанов Сынок смотрел не столько в глаза своим спутницам, сколько на пламя свечей.

В конце концов он пришел к выводу, что сам является своим лучшим другом. Сынок жил один в небольшой, опрятной квартире. Он тщательно наглаживал одежду, аккуратно вел учет приходам и расходам, посещал лекции по истории Нью-Йорка девятнадцатого столетия и смотрел образовательные и познавательные передачи по каналам кабельного телевидения.

Сынок жил для того, чтобы наблюдать, как предметы сгорают, превращаясь в невесомый пепел.

Пока розоватая жидкость плавно струилась из заправочного пистолета в канистру, Сынок размышлял о Пеллэме. Высоком, облаченном во все черное ангеле смерти. Антихристе. Мошке, сгорающей от прикосновения к раскаленному стеклу лампы, которое ее так привлекало.

Ага, Пеллэм... Разве не странно, как причудливо порой переплетаются людские судьбы? Подобно прядям фитиля. Просто поразительно, почему порой судьба складывается именно так? Ты ищешь меня, а я ищу тебя... Станешь ли ты навечно моей парой? Мы ляжем вместе на огненное ложе, мы превратимся в чистый свет, мы станем бессмертными...

Три галлона. Взглянув на счетчик бензоколонки, Сынок краем глаза увидел кассира, поспешно нырнувшего за кассу.

Три с половиной галлона...

Оставив пистолет в канистре, Сынок подошел ближе к будке и увидел, что кассир возбужденно говорит по телефону. Он вернулся к колонке. Гм. Так, кажется, у нас возникли проблемы. У нас возникли проблемы.

И что мы будем делать?

Когда три патрульные машины бесшумно свернули на заправку, полицейские застали Сынка стоящим у колонки с заправочным пистолетом в руке, растерянно смотрящим на кассира.

У нас проблемы...

— Прощу прощения, сэр, — окликнул его один из полицейских, — извините, вы не могли бы повесить пистолет и подойти к нам?

Полицейские вылезли из машин.

Пятеро или шестеро, руки на кобурах.

— В чем дело, офицер?

— Просто повесьте пистолет на колонку. Хорошо? Давайте, не тяните.

— Конечно, офицер. Конечно.

Сынок вставил пистолет высокооктанового горючего в колонку.

— Сэр, у вас есть при себе какие-нибудь документы, удостоверяющие личность?

— Я ничего не нарушал. У меня даже нет машины. За что вы собираетесь выписать мне штраф?

Он принялся рыться в карманах.

— Сэр, просто подойдите к нам. Мы хотим взглянуть на ваши документы.

— Ну хорошо, конечно. Я в чем-то провинился?

Сынок не двигался с места.

— Сэр, пожалуйста, подойдите сюда.

— Да, сэр, с радостью.

— О господи, нет! — слышался за спиной Сынка взволнованный голос с сильным акцентом.

Сынок был удивлен тем, как же много времени потребовалось кассиру заправки, чтобы обнаружить его маленькую проделку.

— Бензин! Включен другой пистолет!

Сынок усмехнулся. Как только он увидел в блестящей хромированной поверхности бензоколонки отражение подъехавших полицейских машин, он бросил включенный пистолет на землю и быстро схватил пистолет высокооктанового горючего — тот самый, который затем послушно вставил в колонку, как ему и было приказано. Тем временем из открытого пистолета успели вытечь по меньшей мере двадцать галлонов бензина, устремившегося к полицейским и их машинам, невидимого на черном асфальте.

За долю секунды, прежде чем кто-либо из полицейских успел выхватить оружие, Сынок достал из кармана зажигалку. Щелкнул кремнем. На кончике зажигалки заплясал маленький огонек. Сынок присел на корточки.

— Ну хорошо, хорошо, мистер, — пробормотал один из полицейских, поднимая руки. — Погасите зажигалку, и никто вам ничего не сделает.

Какое-то мгновение никто не шевелился. Но затем полицейские вдруг все разом почувствовали неизбежность катастрофы. Вероятно, все дело было в глазах Сынка, в его улыбке... а может быть, его выдало что-то другое. Все шестеро полицейских развернулись и побежали из смертоносной лужицы.

Сам Сынок стоял на сухой полоске асфальта, но, прикоснувшись огоньком к бензиновой реке, он поспешно отскочил назад, словно таракан. Пламя огромной кометой метнулось к полицейским машинам. Схватив канистру, Сынок бросился бежать.

Огонь с оглушительным шипением ворвался под машины, и те тотчас же вспыхнули. Огненная река устремилась дальше, вытекая с ревом на Хьюстон-стрит, и в небо поднялось черное мечущееся облако. Крики, сигналы клаксонов, шум столкновений — машины резко тормозили, пытаясь объехать пламя.

Сынок к этому времени успел отойти от заправки уже на полквартила, но он не смог удержаться. Остановившись, он обернулся, удовлетворенно

оглядывая хаос. Сперва Сынок испытал разочарование, увидев, что главная цистерна не взорвалась, но затем он взглянул на вещи философски, решив насладиться тем, что есть.

Размышляя:

Огонь — это не сгусток энергии, а живое существо, которое растет, питается и размножается; оно рождается и умирает. И еще оно способно перехитрить любого человека.

Огонь является посланником перемен.

Солнце — это огонь, но его нельзя назвать особенно жарким.

Огонь пожирает грязь, оставленную человечеством. Огонь является самым беспристрастным судьей.

Огонь ведет к познанию Господа.

16

— Эй, мистер, на вас работает самый знаменитый адвокат. Он подал иск против администрации порта Нью-Йорка и выиграл. Вы когда-нибудь слышали, чтобы кому-то удавалось выиграть иск против города?

Человек, сидевший за столом в конторе Луиса Бейли, вскочил с места, как только Пеллэм появился в дверях. Это был тот самый любитель скачек в зеленой куртке, которого Пеллэм уже видел вчера. Человек с монеткой в ухе.

— О, пожалуйста, не надо, — с деланным смущением произнес Бейли.

— А ты расскажи ему о том деле, когда ты подал иск против Рокфеллера.

— Клегг, не надо!

Долговязый парень, похоже, уже простил Пеллэму то, что тот не послушался его наводки относительно скачек. Он продолжал:

— Рокфеллер стащил у одного типа его изобретение, и Луис притянул его к суду. Рокфеллер пошел наопятную. Луис нагнал на него страха. Эй, сэр, а вы похожи на ковбоя. Вам это никто не говорил? Вам приходилось когда-нибудь ездить верхом на мустангах? Кстати, а кто такие мустанги? Я знаю только «Форд-мустанг».

— Это одичавшая, неприрученная лошадь, — объяснил Пеллэм.

— Вот те на, а я и не знал, — пробормотал пораженный Клегг — любитель скачек, только что открывший для себя новую разновидность лошадей.

Забрав конверты со смазкой для шестеренок, которые приготовил для него Бейли, он вышел из конторы.

— Колоритная личность, — только и смог сказать Пеллэм.

— Вы не знаете и половины, — двусмысленно заметил Бейли. Развернув утреннюю газету, он похлопал по странице. — Главной темой номера был пожар на бензозаправке в Ист-Вилледже. — Это дело рук нашего малыша.

— Пироманьяка? — уточнил Пеллэм.

— Полиция уверена в этом практически на все сто. Он уже был почти у них в руках, но ему удалось скрыться. Seriously пострадали двое полицейских и трое случайных прохожих. Общая сумма ущерба около миллиона долларов.

Пеллэм взглянул на фотографии пожарища.

Бейли отпил изрядный глоток вина.

— Это становится настоящим кошмаром. Общественность начинает роптать. Управление полиции и генеральная прокуратура штата ощущают на себе невероятное давление. От них требуют немедленно схватить поджигателя. Появились опасения, что он окончательно спятил. Вроде как Этти его включила, а теперь он никак не желает выключиться. Весь город объявил крестовый поход, чтобы его остановить.

Пеллэм снова склонился над газетой. На врезке был приведен план Адской кухни. Крошечные изображения пламени отмечали места пожаров. Пеллэму показалось, что они не случайно разбросаны по всему району, а выстроились дугой к северу от дома, в котором жила Этти.

Порывшись на столе, Бейли отыскал клочок бумаги и протянул его Пеллэму.

— Это страховое агентство, в котором Этти оформила страховку. Сотрудницу, которая ее обслуживала, зовут Флоренс Эпштейн.

— И что она говорит?

Бейли бросил на Пеллэма многозначительный взгляд, который тот никак не смог истолковать.

— Прощу прощения? — смущенно произнес Пеллэм.

— Я не могу с ней разговаривать. Я официально представляю интересы Этти.

— А, теперь понял. Но я-то могу.

Бейли вздохнул.

— В общем-то, да, но...

— Но что?

— Понимаете, иногда... в общем, в своем черном наряде вы выглядите довольно устрашающе. И вы очень редко улыбаетесь.

— Хорошо, я буду само обаяние, — успокоил его Пеллэм. — Если только эта Эпштейн не станет мне лгать.

— Если появится хоть намек на то, что вы пытались запугать свидетеля...

— Я похож на человека, который может кого-либо запугать?

Бейли внезапно стало очень неудобно, и он поспешил переменить предмет разговора.

— Вот. Я сходил в библиотеку.

Он разложил перед Пеллэмом газетные вырезки.

— Вы сами ходили в библиотеку? А не заплатили одной из библиотекарейш, чтобы она принесла все это вам на дом?

— Ха! — Бейли был полностью поглощен откупориванием новой бутылки вина, чтобы улыбнуться. — Вот вам кое-что о прошлом Роджера Маккенны.

Пеллэм быстро пробежал взглядом вырезки.

Журнал «Бизнес уик» писал:

Лучшей порой для Маккенны явился конец восьмидесятых — когда рынок обратился в пепел, экономический рост резко завершился и по Уолл-стрит прокатилась волна «пошедших ко дну карьер» (знаменитое выражение самого Маккенны). Однако именно в этот период его звезда засияла в полную силу.

Журнал «Нью-Йорк»:

...Роджер Маккенна, по собственному признанию страдающий манией величия, победным маршем вошел в трущобные районы Нью-Йорка и застроил их доступным (и прибыльным) жильем. Ему в заслугу также ставят возрождение финансовых трестов, занимающихся инвестициями в недвижимость, и то, что он вырвал солидную часть Среднего Манхэттена из рук иностранцев и вернул ее местным подрядчикам. Острый на язык, знаменитый своим экстравагантным образом жизни, отличающийся деловой хваткой, именно Маккенна в свое время ввел в обиход термин «гиенизм» — метод деятельности, состоящий в том, чтобы выискивать загнивающие предприятия и вырывать их из рук собственников и акционеров.

Вырезка из вычурной, метафорической статьи в журнале «Пипл»:

На гребне волны процветания может плыть кто угодно — Трамп, Зекендорф, Хелмсли^[52]. Но только такой гений как Маккенна осмеливается ответить на тревожное штормовое предостережение, когда остальные пловцы предпочитают оставаться на берегу.

Пеллэм отложил вырезки в сторону.

— Судя по тому, что здесь написано о Маккенне, он алчный и хитрый делец, но никак не поджигатель, — заметил Бейли.

— В таком случае, я лучше расскажу вам о том свидании, которое состоялось у меня вчера вечером.

— Вы имеете в виду прием у него в небоскребе?

— Черную икру подали чересчур теплой. Но зато я пил шампанское вместе с женой Маккенны.

Адвокат обрадовался. Судя по всему, братание с врагом является важной тактикой забивать шестеренки песком.

— И?

— Она хочет пустить своего мужа на дно, как «Титаник».

Пеллэм рассказал Бейли о тайных свиданиях Маккенны и о звонках в юридическую контору.

— «Пилсбери, Миллбанк и Хог»? — переспросил Бейли.

— По-моему, Джоли Маккенна сказала именно так.

Достав с полки толстый справочник юридических и адвокатских контор, Бейли открыл его на нужной странице. Прочитав короткую справку о деятельности фирмы, он кивнул.

— Кажется, я смогу раздобыть одного человечка оттуда.

Смогу раздобыть.

Пеллэм достал бумажник.

— Нет, на этот раз можно будет обойтись без этого. О, и у меня есть для вас еще хорошие новости. Чуть было не забыл. У одного моего знакомого есть знакомый, который играет в карты со старшим брандмейстером. Сегодня вечером как раз состоится партия в покер, и мой приятель собирается попросить своего приятеля проиграть по крупному, щедро наливая виски «Макаллан». Мы получим возможность заглянуть в дело изнутри.

— Старое?

— Что старое? — переспросил Бейли.

— Виски «Макаллан»?

— Не знаю. Думаю, двенадцатилетней выдержки. А может быть, старше.

— Знаете что, Луис, — задумчиво произнес Пеллэм, — быть может, я сниму документальный фильм и о вас. Я назову его «Смазывать шестеренки». Скажите, а вы действительно судились с Рокфеллером?

— О да, судился. — Бейли скромно опустил взгляд на стол. Помолчав, он пожал плечами. — Но он был не из тех самых Рокфеллеров.

Шаги у него за спиной приближались.

Резко обернувшись, Пеллэм сунул руку сзади за пояс, где к пояснице прижимался «кольт», тяжелый и горячий.

Ему пришлось опустить взгляд вниз.

— Привет, дружище. Где ты пропадал?

Исмаил ухмылялся, подоткнув руками тощие бедра. Обливаясь потом, он тем не менее и не подумал снять свою любимую ветровку с эмблемой Африканского национального конгресса.

— Так, дела. А ты чем занимался?

— О, а у тебя есть пушка. Ты ходишь с «железом».

— Нет.

— Ого, не ври! Ты как раз за ней потянулся. Пеллэм, дай посмотреть. Что у тебя? «Глок», «браунинг»? Или дамский пугач калибра пять и семь? Знаешь, а я хочу раздобыть где-нибудь «дезерт игл». Разнесет всю задницу так, что потом не соберешь. Пятидесятый калибр, твою мать!

— Я протянул руку за бумажником. Я принял тебя за уличного грабителя.

— Ты что, я тебя не трону!

Казалось, Исмаил был искренне оскорблен.

— Так все же где ты был? — спросил Пеллэм.

— Да так, болтался. Ну, сам знаешь.

Пеллэм рассмеялся.

— Дружок, у тебя джинсы не достают до колен. И я дам тебе десять долларов, если ты покажешь мне какие-нибудь отличительные знаки банд.

Однако мальчишка тотчас же что-то изобразил. Пеллэм понятия не имел, что означают эти жесты, но выглядели они вполне правдоподобно. В Лос-Анджелесе Исмаил бы запросто сошел за члена подростковой банды. Пеллэм протянул ему десятку, искренне надеясь, что Исмаил потратит ее на еду.

— Спасибо, приятель.

— Как дела у твоей матери?

— Понятия не имею. Она смылась. И сестра тоже.

— Смылась? Что ты хочешь сказать?

Исмаил пожал плечами.

— Смылись, и все тут. В приюте их больше нет.

— А ты где обосновался?

— Пока что ничего себе не подыскал. Эй, Пеллэм, куда это ты пялишься? Что ты задумал?

— Пошли. Я хочу познакомить тебя с одним человеком.

— Да? И с кем?

— С одной женщиной.

— Она клевая телка?

— Лично я так думаю. Как отнесешься к ней ты, я не знаю.

— Пеллэм, с чего это ты вздумал знакомить меня со своей шлюхой?

— Следи за своим языком.

— И не подумаю.

— Исмаил!

— И не подумаю, твою мать! — проворчал мальчишка.

Схватив Исмаила за руку, Пеллэм потащил его в Центр помощи нуждающимся подросткам.

— Исмаил, прекрати сквернословить.

— Слушай, приятель, я наперед знаю, что хочет эта сучка. Клянусь, она попытается затащить меня к себе в постель...

— Как его зовут? — спросила Кэрол Вайандотт, невозмутимо глядя на маленький сгусток ярости, бушующий перед ней.

— Исмаил.

— Привет, Исмаил. Меня зовут Кэрол. Я здесь хозяйка.

— Ты грязная стерва, и я не останусь здесь ни минуты...

— Исмаил, заткнись! — строго рявкнул Пеллэм.

Его окрик несколько не подействовал на мальчишку.

— Убери от меня эту белую шлюху!

Пеллэм решил переменить подход.

— Послушай, Исмаил, — спокойно произнес он, — воспитанные люди считают, что произносить это слово вслух очень неприлично.

— Ну хорошо, хорошо, — поморщился мальчишка. — Я больше не буду говорить слово «белая».

— Очень смешно!

— О, он употребляет слово «шлюха» не в буквальном смысле, — небрежным тоном заметила Кэрол, откидываясь на спинку стула и внимательно оглядывая молодого негритенка. — Это просто словесная шелуха.

— Эй ты, шлюха, не учи меня, что и как употреблять!

— Ты хочешь оставаться моим другом или нет? — взорвался Пеллэм. — Следи за своим языком!

Плюхнувшись на подоконник, мальчишка угрюмо скрестил руки на груди.

— Его мать и сестра исчезли, — объяснил Пеллэм.

— Исчезли? — переспросила Кэрол.

— Покинули приют, — уточнил Пеллэм.

— Исмаил, расскажи, что произошло?

— Не знаю. Я вернулся туда, а они уже смылись. Куда — не знаю.

Заметив в углу стопку комиксов, Исмаил жадно схватил потрепанный экземпляр «Человека-паука» и принялся увлеченно его листать.

— Вы ему можете чем-нибудь помочь? — спросил Пеллэм.

Кэрол пожала плечами.

— Конечно, можно связаться со Специальной детской службой. Мальчишку поместят на двадцать четыре часа в особый приют. На двадцать пятый час он сбежит. Предлагаю оставить его здесь на несколько дней, подождать, не объявится ли его мать... Исмаил!

Мальчишка оторвался от комикса.

— А бабушка у тебя есть?

— Слушай, а ты ни хрена в жизни не понимаешь. Бабушки есть у всех.

— Я имела в виду, в живых есть?

Мальчишка молча пожал плечами.

— Где живут твои бабушки?

— Не знаю.

— Хотя бы одна? Или тетки? Вообще у тебя еще есть родные?

— Не знаю.

Пеллэма резанула острая боль, когда он понял, что мальчишка не знает своих ближайших родственников. Но Кэрол спокойно произнесла:

— Тебе понравились эти книжки? У нас таких много.

Презрительно фыркнув, Исмаил с вызовом ответил:

— Дерьмо! Если я захочу, я натырю себе тысячу комиксов, твою мать!

Подойдя к мальчишке, Пеллэм присел перед ним на корточки.

— Мы с тобой ведь друзья, верно?

— Я так думал. А сейчас не знаю.

— Ты останешься здесь на некоторое время? И не будешь поднимать много шума?

— Мы поможем тебе отыскать мать, — добавила Кэрол.

— Мне она не нужна. Она потаскуха и ширяется. Все время сидит на игле. Водит к себе всех мужиков подряд, лишь бы раздобыть деньги. Они трахают мою мать, вы это понимаете?

Помолчав, Пеллэм сказал:

— Ладно, останься здесь на некоторое время. Ради меня, хорошо?

Исмаил отложил книжку.

— Ладно, ради тебя, Пеллэм, останусь. — Он смерил взглядом Кэрол. — Но ты, шлюха, послушай меня внимательно...

— Исмаил! — крикнул Пеллэм. — Еще одно грубое слово — и я тебя выдеру!

Мальчишка заморгал, удивленный этой вспышкой. Он неуверенно кивнул.

— Нам бы хотелось, чтобы ты остался здесь надолго, — сказала Кэрол. — У нас есть ребята, с которыми ты сможешь подружиться. Пройди внутрь. Спроси мисс Санчес. Она покажет тебе кровать в палате для мальчиков.

Исмаил нерешительно посмотрел на Пеллэма.

— Я смогу проводить тебя?

— Здесь у нас не тюрьма, — объяснила Кэрол. — Ты сможешь приходить и уходить когда вздумается.

Не обращая на нее внимания, Исмаил продолжал:

— Пеллэм, мы с тобой еще побродим по Кухне?

— С удовольствием.

Исмаил хмуро обвел взглядом тускло освещенное помещение.

— Ну хорошо, — пробормотал он, — но только чтобы никто здесь не лез ко мне, слышите?

— Никто тебя пальцем не тронет, — заверила его Кэрол.

Посмотрев на Пеллэма удивительно взрослыми глазами, мальчишка сказал:

— До встречи, приятель.

— До встречи.

Исмаил ушел, резко распахнув дверь, ведущую в соседнее помещение, словно ковбой из вестерна.

Кэрол рассмеялась.

— Значит, вот чем ты занимаешься в этих трущобах? Помимо того, что разыгрываешь из себя социального работника?

Взглянув на свою футболку, она пухлым пальцем смахнула с нее какую-то соринку. Этот жест подчеркнул одновременно ее силу и уязвимость.

— Да нет, я просто брожу по району. Ищу ракурсы для съемки. Ищу людей, с которыми можно поговорить. Ты об Алексе ничего не слышала?

— Ничего. Извини. Сюда он не возвращался, никто его не видел. Я поспрашивала у наших.

Некоторое время оба молчали. В комнату вошла молоденькая девчушка на последнем месяце беременности, нянча плюшевого динозавра.

Поправив очки, Кэрол обменялась с ней парой слов. Когда девчушка ушла, Пеллэм спросил:

— Как ты смотришь еще на одну политически некорректную чашку кофе?

Минутное колебание. Пеллэму показалось, Кэрол была приятно удивлена. Но, возможно, дело было в чем-то другом.

— Ну да, конечно.

— Если ты занята...

— Нет, только дай мне переодеться. Подождешь пару минут? Я весь день таскала коробки, — виновато добавила она, снова стряхивая с рукава соринку.

— Без проблем.

Кэрол исчезла в соседней комнате. Вышедшая оттуда молодая женщина-латиноамериканка кивнула Пеллэму и заняла место за столом.

Кэрол вернулась через несколько минут: свободная зеленая блузка сменила футболку, а черные брюки стрейч — джинсы. На ногах у нее вместо кроссовок появились короткие черные сапожки.

Латиноамериканка с удивлением взглянула на этот наряд и пробормотала что-то невнятное в ответ на слова Кэрол о том, что она вернется попозже.

Когда они вышли на улицу, Кэрол спросила:

— Ты ничего не имеешь против того, чтобы заглянуть ко мне домой? Это всего в четырех кварталах отсюда. Я сегодня утром забыла покормить Гомера.

— Кота, боа-констриктора или возлюбленного?

— Сиамского кота. Я назвала его Гомером Симпсоном. Нет-нет, не подумай, эти Симпсоны тут ни при чем.

— На самом деле, я вспомнил одного героя «Дня саранчи», — ответил Пеллэм.

— Вот как? — удивленно спросила Кэрол. — Ты его знаешь?

Пеллэм кивнул.

— Так или иначе, сначала я завела кота, и только потом появился телесериал о Симпсонах. Тогда я пожалела о том, что назвала Гомера так.

Пеллэм ощутил тот самый огонек в груди, который испытываешь, столкнувшись с человеком, разделяющим твоё увлечение каким-либо шедевром, известным лишь узкому кругу специалистов. Пеллэм смотрел «День саранчи» двенадцать раз и готов был посмотреть его еще двенадцать. Значит, в Кэрол он нашел родственную душу.

— В этой роли снялся Дональд Сазерленд. Замечательный фильм. Сценарий написал Уолдо Солт.

— Вот как? — удивилась Кэрол. — Оказывается, есть и фильм? А я только читала книгу.

Пеллэм так и не смог осилить книгу. Что ж, получается, у них с Кэрол души — лишь двоюродные родственники. Но и это тоже неплохо.

Они повернули на юг. Улицы были запружены транспортным потоком часа пик. Между старыми грузовичками и легковыми машинами желтели застрявшие такси. Постоянно гудели клаксоны. Жара приводила к тому, что эмоции выплескивались бурлящими гейзерами, и разъяренные водители то и дело показывали друг другу непристойные жесты. Однако, к счастью, ни у кого не было сил, чтобы перейти к делу.

Несмотря на испепеляющий зной, небо оставалось чистым, и перед Пеллэмом и Кэрол бежали их отчетливые тени. В двух кварталах впереди небоскреб Маккенны, поймавший последние лучи заходящего солнца, светился маслянистым столбом из черного дерева. На верхних этажах тут и там рассыпались снопы искр электрической сварки, и казалось, это солнечный свет разбивается о панели черного стекла.

— Тебе удалось отыскать Коркорана? — спросила Кэрол.

— Мы с ним немного потрепались, как любила говорить моя мать.

— И ты остался жив.

— В глубине души Джимми Коркоран очень чувственный и ранимый человек. Просто окружающие его не понимают.

Кэрол рассмеялась.

— Мне кажется, он не имеет к этому никакого отношения, — продолжал Пеллэм. — Я имею в виду, к поджогу.

— Ты действительно считаешь, что старуха-негритянка невиновна?

— Да.

— К несчастью, работая здесь, я успела уяснить, что невинность еще не гарантирует оправдания. По крайней мере, в Адской кухне.

— Я тоже прихожу к такому же выводу.

Они медленно продвигались по забитой народом Девятой авеню, обходя толпы работников, выплескивающих на улицу из центрального почтового отделения, универмагов, торгующих уцененными товарами, магазинов комиссионной одежды и дешевых ресторанов. В Лос-Анджелесе в час пик невозможно проехать по улицам; здесь непроходимыми были тротуары.

— А он мне показался сметливым мальчишкой, этот Исмаил, — помолчав, заметила Кэрол. — В нем что-то есть. Какая жалость, что его уже слишком поздно спасать.

— Слишком поздно? — рассмеялся Пеллэм. — Да ему всего десять лет.

— Слишком, слишком, слишком поздно.

— Разве вы не можете найти ему какое-нибудь занятие?

Кэрол, судя по всему, решила, что он шутит, и громко расхохоталась.

— Занятие? Нет, Пеллэм. Никаких занятий, ничего.

Они остановились перед витриной магазина, торгующего экзотическими цыганскими нарядами. Кэрол, облаченная в свободную одежду, скрывающую ее полноту, с тоской посмотрела на тощие манекены. Они пошли дальше.

— Его отец умер или бросил семью, так?

— Умер.

— Ну а мать? Исмаил сказал, что она ширяется. То есть, она принимает «крэк». Других родственников у мальчишки нет. Кроме тебя, его судьба никого не волнует. Вот почему он так к тебе привязался. Но ты не можешь дать ему то, в чем он нуждается. И никто не может. Сейчас уже никто не может. Это невозможно. Исмаил пытается завязать контакты с бандами. Через три года он уже станет мальчиком на побегушках. Через пять будет торговать наркотиками на улицах. Через десять отправится в «Аттику».

Ее цинизм разозлил Пеллэма.

— Не думаю, что его будущее столь беспросветно.

— Я понимаю твои чувства. Ты хотел, чтобы мальчишка остался с тобой, так?

Пеллэм кивнул.

— Я раньше тоже была оптимисткой. Но всех все равно к себе не возьмешь. Так что даже не пытайся. Только сойдешь с ума. Спасать надо тех, кого еще можно спасти — трех-, четырехлетних. Остальных списывай со счетов. Это печально, но тут ничего не поделаешь. Неподвластные нам силы. Расовые проблемы приведут Нью-Йорк к катастрофе.

— Я бы так не сказал, — возразил Пеллэм. — Работая над своим фильмом, я повидал много гнева. Но не разгневанных белых или негров. Разгневанных людей. Людей, которые не могут оплатить счета или найти хорошую работу. Вот почему они бесятся от злости.

Кэрол выразительно покачала головой.

— Нет, ты ошибаешься. Ирландцы, итальянцы, поляки, латиноамериканцы, пуэрториканцы... все они в то или другое время были презируемыми национальными меньшинствами. Но есть одно принципиальное отличие — хоть и в каютах третьего класса, но их предки сами, по своей воле приплыли в Новый Свет. Их не привезли насильно на кораблях работорговцев.

Ее слова так и не убедили Пеллэма. Однако он решил не продолжать спор. В конце концов, это ее стихия, а не его.

«Я его друг...»

Пеллэм с удивлением поймал себя на том, как сильно задела его судьба мальчишки.

— Мне приходится выслушивать так много риторики, — сердито продолжала Кэрол. — «Геттоцентризм». «Неполные семейные ячейки». Ты даже не представляешь, сколько такого бреда нам приходится слушать. Но нам не нужны заумные речи. Нам нужны те, кто отправится в трущобы и будет рядом с детьми. А это значит, что с ними надо начинать работать еще с ясельного возраста. Когда они достигают возраста Исмаила, они уже затвердевают в своих пороках, словно застывший бетон.

Она посмотрела на Пеллэма, и ее глаза, ставшие ледяными, немного оттаяли.

— Извини, извини... Бедный ты и несчастный. Еще одно нравоучение. Все дело в том, что ты посторонний. Так что ты должен проявлять определенный оптимизм.

— Уверен, что и у тебя немного осталось. В противном случае ты не смогла бы и дальше оставаться на своем месте. Заниматься тем, чем занимаешься.

— На самом деле я не думаю, что от моей работы есть какой-либо толк.

— О, местные жители с тобой не согласятся.

— Что? — рассмеялась Кэрол.

Пеллэм порылся в памяти. Всплыло имя.

— Ты знаешь Хосе Гарсию-Альвареса?

Кэрол покачала головой.

— Я снимал его для своего фильма. Не далее как на прошлой неделе. Хосе каждый день гуляет в Клинтон-парке. Делит хлеб с тысячами голубей. Он упомянул про тебя.

— Вероятно, назвал меня полоумной шлюхой.

— На самом деле он очень тебе благодарен. Ты спасла его сына.

— Я?

Пеллэм пересказал слова Хосе. Кэрол обнаружила шестнадцатилетнего мальчишку, наглотавшегося наркотиков и потерявшего сознание, в

пустующем доме, который должны были вот-вот снести, чтобы расчистить место для строительства небоскреба Маккенны. Если бы она не вызвала полицию и скорую помощь, мальчишка наверняка погиб бы под ножом бульдозера.

— А, тот парень? Ну да, помню. Только, по-моему, на героический поступок это никак не тянет.

Похоже, Кэрол была смущена. Однако Пеллэм почувствовал, что к смущению примешивается некоторая доля радости. Внезапно схватив Пеллэма за руку, Кэрол остановила его перед витриной обувного магазина. Дорогие фирменные модели. Полное отсутствие покупателей. Одна пара стоит приблизительно столько же, сколько большинство тех, кто проходит мимо, не зарабатывает за целую неделю. Владелец рассчитывал на то, что район станет престижным. Долго магазин вряд ли продержится.

— В своей следующей жизни, — сказала Кэрол.

Пеллэм так и не смог определить, что она имела в виду: то, что сможет позволить себе изящные черные туфли на высоком каблуке, униженные искусственными бриллиантами, или то, что влезет в платье, которое можно будет надеть с такими туфлями.

Когда они уже прошли половину пути, Кэрол вдруг спросила:

— Ты женат?

— Разведен.

— Дети?

— Нет.

— Встречаешься с кем-нибудь?

— Какое-то время у меня никого не было.

Если точнее, восемь месяцев.

Если можно назвать сладострастную ночь в занесенном снегом фургоне «встречаться с кем-нибудь».

— А ты?

Пеллэм не знал, следовало ли и ему задать этот вопрос. Не знал, хотел ли он его задавать.

— Я тоже разведена.

Они обошли зазывалу, стоявшего перед входом в магазин уцененной косметики.

— Краса-авица, не проходите мимо, мы сделаем вас еще краси-ивее!

Рассмеявшись, Кэрол вспыхнула и поспешно прошла мимо.

За следующим перекрестком она кивнула на неказистый жилой дом, похожий на тот, в котором остановился Пеллэм.

— А вот мой дом.

Она дала четвертак попрошайке, назвав его по имени. Зайдя в магазин полуфабрикатов, они обменялись парой слов с кассиром и прошли в зал. Показав на банку растворимого кофе и упаковку пива, Кэрол задала губами немой вопрос:

— Тебе что?

Пеллэм указал на пиво и по выражению ее лица понял, что она обрадовалась этому выбору.

Их души не слишком далекие родственники...

Квартира Кэрол находилась в соседнем подъезде. Убогая лестничная клетка со стенами, выкрашенными грязно-коричневой краской, нанесенной прямо на десятки предыдущих поколений краски. Пеллэм вслед за хозяйкой поднялся пешком наверх. Его чуткое обоняние уловило запахи старого дерева, нагретых на солнце обоев, масла и чеснока. «Еще один потенциальный факел,» — подумал он.

Дойдя до своей площадки, Кэрол резко остановилась, вынудив Пеллэма остаться на ступеньке ниже. Короткая пауза. Кэрол колебалась в раздумье. Затем она обернулась. Их лица оказались на одном уровне. Кэрол поцеловала Пеллэма в губы. Его руки скользнули по ее плечам, спине, и он ощутил разгорающееся внутри пламя. Привлек молодую женщину к себе.

— Turiam rog, — прошептала Кэрол, снова целуя его взасос.

Рассмеявшись, Пеллэм вопросительно поднял брови.

— Это по-гэльски. Догадайся сам, что это значит.

— Лучше не буду.

— «Поцелуй меня», — перевела она.

— Хорошо, — сказал он, выполняя ее просьбу. — Ну а теперь, что же это все-таки значит?

— Нет-нет, — рассмеялась Кэрол. — Именно это и значит.

Хихикнув словно школьница, она шагнула к двери, ближайшей к лестнице. Они снова поцеловались. Кэрол достала ключи.

Пеллэм поймал себя на том, что критически присматривается к ней. Когда она нагнулась вперед, без очков, прищурившись, чтобы разглядеть замочную скважину, он увидел Кэрол Вайандотт, совсем не похожую на каменного, деловитого работника службы социального обеспечения с Таймс-сквер. Пеллэм увидел ожерелье из искусственного жемчуга, блузку с темными пятнами пота под мышками, дешевый хлопчатобумажный бюстгальтер, складки жира на шее, которые не рассосет никакой «гербалайф». Вечера молодой женщины заполнены сиденьем перед телевизором, ее комната завалена гламурными журналами и пустыми банками из-под диетической «Пепси-колы», а в гардеробе у нее больше хлопчатобумажных носков, чем черных трусиков. А приглашая гостей на кухню, Кэрол машинально убирает с глаз упаковки сдобных булочек — инстинкт полной женщины.

«Не делай этого исключительно из чувства жалости,» — подумал Пеллэм.

Но, как выяснилось, жалость тут была ни при чем. Абсолютно ни при чем.

В конце концов, восемь месяцев — это восемь месяцев.

Пеллэм жадно поцеловал Кэрол в губы и, когда наконец щелкнул засов последнего замка, с нетерпением распахнул входную дверь обутой в черный сапог ногой.

17

На западной стороне Манхэттена у самой реки стоит на отшибе одинокий крошечный жилой квартал, состоящий из семи или восьми старых зданий.

К западу, там, куда сейчас заходило солнце, расположены пустынные автостоянки, заросшие сорняком, шоссе, а за ним бурые воды Гудзона. К востоку, за мощенной булыжником улочкой начинаются невысокие домики, среди них приютились бар для голубых и испанский ресторанчик, в витрине которого выставлены грязные пирожные с

заварным кремом и нарезанная ломтиками свинина. Это Челси, учтивый, безобидный кузен Адской кухни, которая начинается к северу от него.

Угловое здание на северо-восточном краю квартала оканчивалось острым выступом. Унылое и убогое место, приют самых обездоленных. Однако обитатели дома почти не жаловались на свое жилье. Впрочем, они даже не подозревали о главной проблеме своего дома: грубом нарушении одного параграфа кодекса жилых зданий. В подвале хранились галлоны солярки, бензина, лигроина и ацетона. Взрывной силы этих легковоспламеняющихся жидкостей было достаточно для того, чтобы сровнять здание с землей, причем сделать это особенно отвратительным способом.

Одна из квартир этого дома представляла собой образчик сурового спартанского жилища. Обстановка в ней была минимальной: стул, койка, два кухонных стола и один письменный, старый и обшарпанный, заваленный инструментом и тряпьем. Ни кондиционера, ни даже вентилятора. Зато телевизор — огромный «Сони тринитрон» с экраном тридцать четыре дюйма по диагонали и пультом дистанционного управления длиной целых десять дюймов. Сейчас телевизор был настроен на канал Эм-ти-ви, но музыкальный клип шел с выключенным звуком.

Сынок сидел прямо перед мерцающим экраном, не обращая на него никакого внимания, и медленно расплетал свои длинные светлые волосы. В отсутствии зеркала работа продвигалась очень медленно. «Это все из-за проклятого зеркала,» — мысленно ругался Сынок. Хотя на самом деле все было в его трясущихся руках. В потных, трясущихся руках, черт бы их побрал.

Встрепенувшись, Сынок поднял взгляд — в сторону телевизора, но не на экран, — и застыл. Нагнувшись к пятидесятипятигаллонной канистре с ацетоном, он несколько раз постучал по ней костяшками пальцев, прислушиваясь к гулким отголоскам. Это его несколько успокоило.

Но все же не до конца.

Никто не хочет помогать!

Происшедшее на заправочной станции напугало Сынка, а он совершенно не привык к этому чувству. Поджог — самый безопасный вид преступления. Анонимный, скрытый, а от большей части улик избавляются помогают подручные самого господа бога — законы физики. Но теперь всем известно, как выглядит поджигатель. И, кроме того, Сынок прослышал, что Алекс, тот малолетний педик из сгоревшего

здания на Тридцать шестой улице, видел его и собирается сдать его фараонам.

А Сынку нужно совершить еще три поджога перед главным, великим пожаром.

Он достал из заднего кармана план города, успевший помяться и порваться, и рассеянно уставился на него.

Да, на заправке случился полный облом. Но больше всего Сынка беспокоил пожар в больнице. Потому что он не доставил ему никакого удовлетворения. Огонь всегда его успокаивал. Но в данном случае этого не произошло. Совсем не произошло. Сынок стоял, склонив голову набок, и слушал крики, смешивающиеся с шелестящим ревом языков пламени, но руки его при этом тряслись, а широкий лоб оставался покрыт испариной. Почему? Быть может, все дело было в том, что пожар получился маленьким. Быть может, в том, что по-настоящему его сейчас волновал только один пожар, тот, которому суждено будет прославить самого Сынка и педераста Джо Пеллэма. Быть может, в том, что сейчас уже все охотятся за ним.

Но Сынка не покидало предчувствие, что причина чрезмерного потения и возбуждения не только в этом.

У него защемило сердце при мысли, что отныне ему придется тратить еще больше времени на то, чтобы запутывать преследователей, — сейчас, когда он мог бы готовиться к великому пожару. К последнему, решающему столкновению с антихристом.

Тук, пинг. Тук, пинг. Как гидролокатор в кино про подводные лодки.

Сонни опустил расчесанную наполовину голову на большую канистру и снова постучал согнутым пальцем по стенке.

Тук, пинг.

Ну как, теперь он хоть чуть успокоился? Сынок решил, что успокоился. Может быть. Да.

Закончив расплетать волосы, Сынок потратил полчаса на то, чтобы смешать в нужной пропорции стиральный порошок, бензин и солянку. Ядовитые испарения были очень сильными, — не менее опасными, чем огонь, который разгорится с помощью этого «сиропа», — и ему приходилось готовить смесь маленькими порциями, чтобы не потерять сознание. Закончив, Сынок взял несколько ламп накаливания и разложил их на столе. Пилкой с алмазным напылением он осторожно

подпилил металлический цоколь в том месте, где тот соединяется со стеклянной колбой. Послышалось шипение воздуха, врывающегося в вакуум. Сынок расширил пропил — достаточно для того, чтобы можно было налить внутрь волшебный состав. Ни в коем случае нельзя заливать колбу полностью. Это ошибка, которую совершают многие начинающие поджигатели. Необходимо оставить в колбе немного воздуха. Горение — это окисление; подобно живому существу, огню для жизни обязательно требуется воздух. Напоследок Сынок заклеил пропил суперклеем. Всего он приготовил три специальные лампочки.

Любовно погладил ровное стекло, гладкое, словно кожа на ягодицах маленького мальчика...

У него снова задрожали руки, а лицо покрылось крупными капельками пота, словно его облили из душа.

Вскочив со стула, Сынок принялся беспокойно расхаживать по комнате.

«Ну почему я не могу успокоиться? Почему, почему, почему-почему?» Его мысли закружились вихрем. За ним охотятся. Его хотят убить, остановить, отобрать у него огонь! Алекс, брандмейстер Ломакс, тот старый педераст адвокат, который вертится вокруг Пеллэма. И сам Пеллэм, антихрист.

Ну почему в жизни ничего не бывает простым?

Сынок вынужден был лечь на койку и заставить себя вообразить, на что будет похож последний пожар. Великий пожар. Похоже, теперь только это видение могло его успокоить, дать ему радость.

Он представил себе: огромное пространство, заполненное людьми. Десять, двадцать тысяч человек. Это будет самый страшный пожар в истории этого огненного города. Страшнее, чем пожар на швейной фабрике «Трайэнгл уэст»^[53] на Вашингтон-сквер, когда молодые швеи оказались заперты в огне, потому что хозяйева не хотели, чтобы они в рабочее время ходили в туалет. Страшнее, чем пожар в Хрустальном дворце^[54]. Страшнее пожара на экскурсионном корабле «Дженерал Слокум», сгоревшего на Ист-ривер, когда погибло свыше тысячи женщин и детей иммигрантов; после этой трагедии все немецкоязычное население города, не в силах оставаться среди горестных воспоминаний, перебралось в район Йорквилль в Верхнем Ист-Сайде.

Сынок намеревался превзойти все это.

Он представил себе пламя, которое разливается вокруг неудержимым сияющим прибоем, окружает людей, лижет им ноги.

Языки пламени поднимаются до щиколоток. Затем до лодыжек.

О, вы способны видеть красоту огня? Способны чувствовать ее?

Вдруг Сынок поймал себя на том, что не может успокоиться, даже несмотря на эти мысли. Он понял, что больше никогда не сможет обрести спокойствие.

Конец гораздо ближе, чем он думал.

Сынок прополз в гостиную и прижался ухом к канистре.

Тук, пинг. Тук, пинг.

Он остался на ночь.

Пеллэма обработали согласно хорошо отработанному расписанию. Это означало, что когда они с Кэрл проснулись вчера в десять вечера, умирающие от голода и жажды, они отправились ужинать омлетами в ресторан «Эмпайр» на Десятую авеню, после чего Пеллэм проводил молодую женщину обратно до дома, где они снова занялись любовью, а потом долго лежали в кровати, слушая звуки ночного Нью-Йорка: завывания сирен, крики, выстрелы — то ли из неотрегулированного карбюратора, то ли из пистолета, которые по мере того, как ночь двигалась к утру, казалось, становились все более и более настойчивыми.

Пеллэм даже не думал о том, чтобы уйти, не попрощавшись.

Правила нарушила Кэрл.

Когда Пеллэм проснулся — разбуженный громкими завываниями Гомера Симпсона, сиамского кота, — ее дома уже не было. Через мгновение зазвонил телефон, и через крошечный динамик автоответчика послышался голос Кэрл, которая поинтересовалась, дома ли еще Пеллэм, и объяснила, что ей надо было с раннего утра быть на работе. Она пообещала вечером перезвонить Пеллэму домой. Он, отыскав телефон, поспешно схватил трубку, но было уже поздно.

Босой, в одних джинсах Пеллэм прошлепал по крашеному деревянному полу в ванную, опасаясь занозить ногу. Размышляя о том, что по телефону Кэрл разговаривала довольно резко. Впрочем, кто может знать, что у нее на уме? Последствия того, что произошло прошлой ночью, совершенно непредсказуемы. Быть может, Кэрл уже убедила себя, что Пеллэм больше никогда ей не позвонит. Быть может, она, ревностная католичка, сгорает от стыда за свое прегрешение. А может быть, она звонила, а напротив нее сидел здоровенный

восемнадцатилетний детина, только что признавшийся в совершенном убийстве.

Пеллэм сунулся было в душ, но вода оказалась ледяной. Придется обойтись без этого. Одевшись, Пеллэм вышел на солнечную загазованную улицу, поймал такси и доехал до своей квартиры на Двадцатой улице. Поднялся на крыльцо дома, провожая взглядом двух энергичных подростков с выбритыми на головах именами, носящихся по тротуару на скейтбордах.

Пеллэм решил, что больше всего на свете ему хочется принять ванну и выпить чашку обжигающего черного кофе. Просто поваляться в горячей воде, забыв про поджоги, пироманьяков, бандитов-латиноамериканцев, бандитов-ирландцев и загадочных любовниц.

Медленно подняться по тускло освещенной лестнице. Думая о ванне, думая о мыльной воде. Заклинание сработало. Пеллэм поймал себя на том, что забыл все — начисто стер в памяти всю Адскую кухню. Ну, точнее, почти всю. Всю, за исключением Этти Вашингтон.

Он размышлял о том, сколько лестничных пролетов пришлось преодолеть Этти за долгие годы. Она никогда не жила в домах с лифтом и всегда вынуждена была подниматься пешком. Семь десятилетий она поднималась по лестницам пешком. Нося на руках свою младшую сестру Элизабет. Помогая бабушке Ледбеттер подниматься и спускаться по темным лестничным пролетам. Таская сумки с едой сначала для своих мужей, пока один из них ее не бросил, а второй не утонул по-пьяному в грязных водах Гудзона, затем для своих детей, пока их у нее не отбирали или они не бежали от нее сами, и, наконец, для себя самой.

"...Для нас, живущих в Кухне, есть особое выражение. «Те, кого не замечают». Господи, гораздо больше подходит выражение «те, кто никому не нужен». На нас больше никто не обращает внимания. Возьмем хотя бы Эла Шарптона^[55]. Если он приедет, положим, в Бенсонхурст, приедет в Краун-Хейтс или какую-нибудь другую трущобу, и поднимает громкую шумиху, все будут его слушать. Но к нам в Кухню никто никогда не приезжает. Несмотря на то, что здесь живет столько ирландцев, парад в День Святого Пэдди^[56] никогда к нам не заглядывает. Меня-то это нисколько не трогает. Я люблю, чтобы все было тихо и по-домашнему. Чтобы окружающий мир меня не трогал. Что он сделал для меня, окружающий мир? Ответь мне."

Этти Вашингтон рассказывала стеклянному глазу видеокамеры Пеллэма о том, что она мечтала побывать в других городах. Мечтала о том, чтобы иметь модные шляпки, золотые кольца и шелковые платья. Мечтала о

том, чтобы стать певицей в кабаре. Быть богатой женой Билли Дойла, напыщенного землевладельца.

Но Этти понимала, что эти мечты — лишь пустые иллюзии, которые можно время от времени перебирать, с наслаждением, печалью или презрением, после чего снова прятать подальше. Она не ждала перемен в своей жизни. Этти была вполне довольна жизнью здесь, в Кухне, где большинство людей подрезали мечты, подгоняя их под свою жизнь. И какая же несправедливость, что под конец жизни этой женщине суждено было потерять даже тот крохотный уголок, в который она втиснулась.

Учащенно дыша, Пеллэм поднялся на четвертый этаж.

Ванна. Да, сэр. Когда ты прожил большую часть жизни на колесах, ванны приобретают особый смысл. Предпочтительно, джакузи, но эту тайну Пеллэм держал при себе.

Ванна и чашка кофе.

Рай.

Выудив из кармана джинсов ключи, Пеллэм подошел к двери. Прищурившись, посмотрел на замок. Он был вывернут вбок.

Пеллэм толкнул дверь. Она оказалась незапертой.

Выломана. У Пеллэма мелькнула мысль, что ему следует поджечь хвост и, воспользовавшись телефоном кого-нибудь из соседей, позвонить в полицию. Но затем его охватила ярость. Он пинком распахнул дверь. Его встретили зияющие проемы пустых комнат. Рука Пеллэма метнулась к выключателю в коридоре.

«О черт, — успел подумать он, — не надо! Нельзя зажигать свет!»

Но по инерции Пеллэм все же щелкнул выключателем.

18

«Какая глупость,» — подумал он.

Вывхватив из-за пояса «кольт», Пеллэм припал на колено.

Зажженный свет предупредил грабителя о том, что хозяин вернулся домой. Этого делать было не надо.

Пеллэм долго стоял неподвижно в прихожей. Вслушиваясь в тишину, пытаясь обнаружить в ней звуки крадущихся шагов, щелчок взведенного курка. Но он так ничего и не услышал.

Наконец Пеллэм медленно прошел по разворошенной квартире, открыл двери гардероба, заглянул под кровать. Поискал везде, где только можно было спрятаться. Грабителя в квартире не было.

Переходя из комнаты в комнату, Пеллэм оценил нанесенный урон. Уцененные видеомэгнитофон и телевизор были на месте. Видеокамера тоже, на столе, на самом виду. Даже самый глупый и неопытный воришка должен был бы сразу же догадаться, что видеокамера стоит больших денег.

Но, увидев камеру, Пеллэм наконец понял, что произошло. Потрясение и отчаяние ударили его словно поток раскаленного воздуха от пожара, который уничтожил дом Этти. Опустившись на четвереньки, Пеллэм открыл холщовую сумку, в которой хранились оригиналы видеокассет с материалом для «К западу от Восьмой авеню».

Нет...

Он перерыл всю сумку, открыл кассетоприемник видеокамеры. Только теперь он понял истинные размеры ущерба. Недоставало двух кассет. Самых последних — той, что оставалась в камере, и той, на которой был материал, отснятый на прошлой и позапрошлой неделях.

Кассеты... Кому о них было известно? Ну, практически всем, с кем Пеллэм говорил об исчезновении Этти, и кто видел его с видеокамерой. Рамиресу, неуловимому Алексу, Маккенне, Коркорану. Черт побери, о них знали даже Исмаил и его мать, Кэрол и Луис Бейли. Раз уж об этом зашла речь, Ломакс и вся пожарная часть. Вероятно, весь Вест-Сайд.

Слухи, которые улица разносит быстрее, чем Интернет.

Первый вопрос был: кто? Но не менее интересно было и: зачем? Быть может, Пеллэм, сам того не зная, случайно заснял самого поджигателя? Или того, кто его нанял? А может быть, он зафиксировал на кассету улики, ускользнувшие от внимания Ломакса и следователей?

У Пеллэма не было ответа на эти вопросы; и, какими бы значительными они ни были для дела Этти, пропавшие кассеты означали еще одно. При съемках художественных фильмов вся отснятая киноплёнка застраховывается — и не на стоимость только целлулоида, но также на стоимость самих съемок, так что общая сумма может достигать тысяч долларов за один фут. Если рабочий материал, результат дня съемок

будет уничтожен в огне, музы, возможно, и прольют слезу, но продюсер, по крайней мере, вернет назад затраченные деньги. Пеллэм, однако, не мог позволить себе полностью застраховать работу над «К западу от Восьмой авеню». Он не смог сразу вспомнить, что было на тех двадцати с лишним часах похищенных кассет, но, вполне вероятно, именно эти интервью и должны были стать сердцем фильма.

Некоторое время Пеллэм долго сидел на скрипящем стуле, уставившись в окно. Наконец лениво набрал 911. Но по тону диспетчера он сразу же понял, что преступления подобного рода имеют один из самых низких приоритетов в местном управлении полиции. Диспетчер спросила, хочет ли потерпевший вызвать следователей.

Пеллэм удивился. А разве полиция не должны была сама предложить свою помощь? Но вслух он сказал:

— Все в порядке. Я не хочу никого беспокоить.

Диспетчер не уловила в его словах иронию.

— Я хочу сказать, если надо, следователи приедут, — объяснила она.

— Знаете что, — сказал Пеллэм, — если грабитель вернется, я дам вам знать.

— Да, обязательно. Всего хорошего.

— Да, что-нибудь хорошее мне сейчас совсем не помешает.

Это оказалась пыльная маленькая контора в районе Пятидесятых улиц, в Вест-Сайде, недалеко от той больницы, где Пеллэм сидел у изголовья кровати Отиса Балма и слушал, как стодвухлетний старик рассказывал ему о далеком прошлом Адской кухни.

«...Самые веселые времена наступили в Кухне с принятием „сухого закона“. Мне довелось много раз видеть Оуни Мэддена, знаменитого гангстера. Он был родом из Англии. Об этом мало кто знает. Так вот, мы ходили за Оуни по улицам. И знаете, почему? Нас несколько не интересовало то, что он гангстер. Просто мы ждали, когда он заговорит, чтобы услышать, как говорят англичане. Глупо, правда? Потому что его не зря прозвали Оуни-убийцей, так как многие из его окружения были убиты. Но мы тогда были совсем молодыми. Знаете, надо прожить на свете лет двадцать — тридцать, и только потом смерть начинает для тебя что-нибудь значить.»

Пеллэм отыскал нужную контору, мысленно повторил заготовленный сценарий и толкнул дверь. Внутри спертый воздух был пропитан

горьковатым запахом бумаги. Жирная муха отчаянно колотилась в грязное оконное стекло, пытаясь бежать от жары; кондиционер, судя по всему, был братом-близнецом того, что стоял в конторе Луиса Бейли.

— Мне нужна Фло Эпштейн, — сказал Пеллэм.

К перегородке подошла женщина с лицом, изрезанным зеленоватыми прожилками, с туго затянутыми назад волосами.

— Это я.

Определить ее возраст не было никакой возможности.

— Как поживаете? — спросил Пеллэм.

— Спасибо, хорошо.

Джон Пеллэм — одетый в свой единственный десятилетний костюм от Армани, реликвию минувших дней, — протянул потрепанный бумажник с позолоченным полицейским значком, купленным в сувенирной лавке на Сорок второй улице, и позволил женщине изучать его столько, сколько ее душе было угодно. То есть, как выяснилось, совсем недолго. Фло Эпштейн жадно посмотрела на Пеллэма, и он понял, что перед ним человек, получающий наслаждение от дачи свидетельских показаний.

— Последний раз сюда приходил детектив Ломакс. Он мне очень нравится. Он такой трезвый. Нет, я хотела сказать, серьезный.

— Ломакс брандмейстер, — поправил Пеллэм. — Брандмейстеры не имеют к полиции никакого отношения.

Хотя они обладают полным правом производить задержание, носят огромные пистолеты и выбивают из человека душу свертками монет, отчеканенных в монетном дворе министерства финансов Соединенных Штатов.

— Да-да, вы совершенно правы.

Фло Эпштейн наморщила лоб, злясь на себя за свою ошибку.

— Когда мы с брандмейстером Ломаксом кого-либо допрашиваем, я играю роль доброго полицейского. А он играет роль злого полицейского. Точнее, брандмейстера. Так вот, сейчас я пришел к вам, чтобы продолжить разговор. Вы опознали подозреваемую, не так ли?

— Нет, вы чересчур торопитесь.

— То есть?

— Я разбираюсь в законах так, что сама могла бы стать окружным прокурором, — самодовольно заявила Фло Эпштейн. — Я рассказала брандмейстеру Ломаксу следующее: к нам сюда пришла чернокожая женщина, на вид лет семидесяти, и попросила оформить страховку на свою квартиру. Я подтвердила, что на фотографии, которую мне показали, была заснята именно она. Я не опознавала никаких подозреваемых. Я уже не в первый раз даю свидетельские показания и знаю, что к чему.

— Не сомневаюсь, — кивнул Пеллэм. — Нам всегда очень приятно иметь дело с такими умными свидетелями, как вы. Итак, сколько времени пробыла здесь эта женщина?

— Три минуты.

— И все?

Фло Эпштейн пожала плечами.

— Она пробыла здесь три минуты. Когда ты занимаешься сексом, это ничто, когда рождаешь ребенка — это целая вечность.

— Наверное, все зависит от партнера и от ребенка. — Пеллэм черкнул в блокноте бессмысленные каракули. — Эта женщина выписала вам чек.

— Совершенно верно. Мы отослали чек в центральное управление нашей компании, и там оформили страховку.

— Женщина больше ничего не говорила?

— Нет.

Пеллэм захлопнул блокнот.

— Вы нам очень помогли. Извините за то, что отнял у вас время. — Он быстро достал квадратик, снятый «Поляроидом». — Я хочу еще раз проверить, что именно эта женщина приходила сюда.

— Но это не тот снимок, что показывал мне брандмейстер Ломакс.

— Совершенно верно. Этот был сделан в женском отделении центра предварительно содержания под стражей.

Мельком взглянув на фотографию, Фло Эпштейн собралась отвечать.

Пеллэм остановил ее, поднимая руку.

— Не торопитесь. Отвечайте только тогда, когда будете уверены наверняка.

Женщина всмотрелась в спокойное чернокожее лицо, в тюремное платье, в сложенные на груди руки. В тронутые сединой волосы.

— Да, это она.

— Вы абсолютно уверены в этом.

— Абсолютно. — Она замялась, затем вдруг рассмеялась. — Я чуть было не сказала, что готова поклясться в суде. Но, наверное, именно это мне и придется сделать: дать показания под присягой, да?

— Наверное, придется, — подтвердил Пеллэм.

Стараясь сохранить на лице непроницаемую маску. Чему учатся все сотрудники правоохранительных органов.

Вечером — когда на город опустились душные, туманные сумерки, — Пеллэм стоял в переулке напротив здания из бурого известняка со свежим номером «Нью-Йорк пост» в руках.

На газету он почти не обращал внимания. Его занимала одна только мысль: герани?

Бледное, убогое жилое здание было похоже на тысячи других таких же. Посаженные перед ним цветы, огненно-оранжевые и красные, прекрасно смотрелись бы в любом другом месте.

Но здесь?

Пеллэм простоял в переулке около часа, пока наконец не открылась входная дверь. Молодой парень, внимательно осмотрев улицу в обе стороны, вышел из подъезда и стал спускаться по лестнице. В руке у него была большая коробка из-под обуви. Выбросив газету, Пеллэм как можно бесшумнее двинулся следом за ним по раскаленному асфальту. Наконец ему удалось догнать парня.

Не оборачиваясь, Рамирес сказал:

— Ты проторчал в переулке целых пятьдесят минут. Сейчас тебе в спину нацелены два пистолета. Так что не делай никаких глупостей.

— Благодарю за совет, Гектор.

— Какого хрена ты тут делаешь? Ты что, спятил?

— Что в коробке?

— Это коробка из-под обуви, так? Как, по-твоему, что в ней? Обувь.

Пеллэм поровнялся с Рамиресом. Ему приходилось шагать очень быстро, чтобы не отстать от него.

— Итак, что тебе нужно? — спросил парень.

— Я хочу узнать, почему ты мне солгал.

— Я никогда не лгу, приятель. Я не белый. И не журналист, как ты. Ты лжив, как и все белые.

Пеллэм рассмеялся.

— Что за чепуху ты сейчас мелешь? Это что, молитва «Кубинских лордов»? Которую нужно читать наизусть, чтобы быть принятым в вашу банду?

— Не выводите меня из себя. День выдался тяжелый.

Они вышли на авеню, идущую с севера на юг. Рамирес, посмотрев в обе стороны, повернул на север. Через минуту он сказал:

— Я тебе не верю. Ты перегибаешь палку, твою мать.

— Что?

— Торчишь перед нашей базой. Этого не делает никто. Даже фараоны.

— Это ты посадил герань?

— Ступай к такой-то матери. Ты при железе?

— Ты имеешь в виду пистолет? — переспросил Пеллэм. — Нет, у меня его нет.

— Слушай, да ты просто спятил, твою мать. Заявился к нашей базе без пушки. Вот так люди и получают пулю в лоб. А что ты имел в виду, когда сказал, что я тебе солгал?

— Гектор, расскажи мне про свою тетку. Про ту, которую выкурили из дома номер четыреста пятьдесят восемь. Насколько я слышал, она переехала на новое место.

Рамирес ухмыльнулся.

— Я же тебе говорил, что забочусь о своих родственниках.

— Когда она переехала?

— Понятия не имею.

— Но до пожара?

— Где-то в то самое время. Точно я не помню.

— Забыл?

— Да, забыл, твою мать. Послушай, я занят. Почему бы тебе не поговорить с Коркораном, твою мать?

— Уже говорил.

Рамирес поднял брови, пытаясь не выдать свое изумление.

Пеллэм продолжал:

— Ты также забыл сказать мне о том, что твоя тетка была лишь одной из — сколько же их всего было? — из восьмисот свидетелей, видевших, тот парень из команды Коркорана убил какого-то типа.

— Ты имеешь в виду Спира Дриско и Бобби Финка?

— Значит, ты согласен, что Коркоран не сжигал то здание из-за твоей тетки? Теперь это уже не ложь белого человека, так?

— Слушай, шел бы ты своей дорогой, приятель. У меня нет времени.

— В каких ты отношениях с неким О'Нилом?

— Не знаю я никаких О'Нилов.

— Вот как? А он тебя знает.

— Какого хрена ты с ним разговаривал? — резко бросил Рамирес.

Еще минуту назад парень лишь изображал раздражение. Сейчас же он был по-настоящему взбешен.

— А кто сказал, что я с ним разговаривал? — Пеллэм потрогал себя за ухо. — Я тоже кое-что слышу. Я слышал, что у него, кажется, было несколько пистолетов. Кажется, он торговал оружием.

Резко остановившись на месте, Рамирес схватил его за руку.

— Что ты слышал?

Пеллэм выдернул руку.

— То, что на прошлой неделе ты его хорошенько прижал. За то, что он продавал железо Коркорану.

Рамирес недоуменно заморгал. Затем расхохотался.

— О черт!

— Так это правда или нет?

— И то, и другое.

— Что ты хочешь сказать?

— И правда, и неправда. — Рамирес двинулся дальше. — Послушай, я тебе все объясню, но тебе придется держать это при себе. В противном случае я буду вынужден тебя убить.

— Говори.

— Понимаешь, — начал Рамирес, — я и О'Нил, у нас с ним дела. Он поставляет мне товар. Качественный. «Глоки», МАС-10, «штейры».

— И ты прилюдно избил своего поставщика?

— Ну да, твою мать. Это была идея О'Нила. Он ирландец, я латинос. Знаешь, сколько он проживет после того, как Джимми узнает про то, что он поставляет мне товар? Кое у кого из ребят Коркорана возникли какие-то подозрения, поэтому мы устроили спарринг на людях. О'Нил притворился, будто получил по первое число.

Рамирес оглядел Пеллэма с ног до головы и расхохотался.

— Что тут такого смешного?

— По лицу твоему вижу, что ты мне почти веришь. — Помолчав, парень добавил: — Я могу все доказать. Да, в здании были пистолеты. Я заплатил за них, и О'Нил оставил их, предложив забрать в любое удобное время. Вот только я не успел никого прислать за ними, и здание сгорело. Там были «глоки», «браунинги» и несколько милых маленьких «торесов», которые я люблю больше всего на свете. Двенадцать или тринадцать стволов. Поговори со своими источниками. Выясни, что

полиция обнаружила на пожарище. Если стволы действительно были в здании, ты убедишься, что я его не поджигал.

Пеллэм достал из заднего кармана листок бумаги.

— Три «глока», четыре «тореса» и шесть «браунингов».

— Приятель, а ты знаешь свое дело.

Они прошли мимо Сорок второй улицы, в прошлом самого злочного места Нью-Йорка, а теперь не более опасной — и интересной — чем торговый центр в богатом пригороде.

— Я иду в одно место по делу. И я не хочу, чтобы ты был рядом.

— Это дело твоей банды?

— Приятель, никакой банды нет. У нас клуб.

— Какое у тебя дело?

Сняв с коробки крышку, Рамирес показал пару новых баскетбольных кроссовок.

— У меня таких целый трейлер.

— Ты их покупаешь, а потом продаешь, так? — скептическим тоном спросил Пеллэм.

— Да, я покупаю и продаю. В этом и состоит мой бизнес.

— А как насчет первой части? Ты правда «покупаешь»? С накладными, ордерами и так далее?

— Да, я их купил! — грубо бросил Рамирес. — Так же, как вы, журналисты, мать вашу, платите людям за их рассказы. Ты платишь? Ты платишь кому-нибудь за то, что тебе рассказывают?

— Нет, но...

— «Нет, но.» Твою мать! Ты берешь жизнь какого-нибудь человека, описываешь ее и никому ничего не платишь! — Он добавил с издевкой:

— «О боже, ну кто способен на такую низость?»

Они прошли еще квартал. Пеллэм сказал:

— Мне нужна одна услуга.

— Да?

— Вчера вечером кто-то побывал у меня в квартире. Ты можешь узнать, кто это сделал?

— Почему ты обращаешься ко мне? Ты считаешь, это тоже моих рук дело?

— Если бы я так считал, я бы к тебе не обратился.

Рамирес задумался.

— Знаешь, по-настоящему хороших связей в Ист-Вилладже у меня нет.

— Откуда тебе известно, что я живу в Ист-Вилледже?

— Я сказал, что у меня нет «по-настоящему хороших» связей. Я не говорил, что у меня нет никаких.

— Поспрашивай.

— Лады.

— Gracias^[57].

— Nada^[58].

Они прошли на север по Девятой авеню почти до самого конца Адской кухни. Пеллэм остался ждать на углу, прислонившись к фонарному столбу, а Рамирес скрылся в маленьком мексиканском ресторанчике. Когда он снова появился на улице, у него в руках был пухлый конверт, который он сунул в карман своих узких джинсов.

В соседнем переулке что-то мелькнуло.

— Черт!

Резко развернувшись, Рамирес сунул руку за пазуху куртки.

Пеллэм, присев на корточки, укрылся за припаркованной машиной.

— Кто ты такой, твою мать? — сказал Рамирес.

Прищурившись, Пеллэм всмотрелся в полумрак переуллка. Неизвестный оказался Исмаилом.

— Здорово, приятель, — бросил мальчишка, с опаской глядя на латиноамериканца.

Он неуверенно вышел из переулка.

Рамирес посмотрел на него так, словно перед ним был таракан.

— Слушай, будешь так пугать людей... Надо бы хорошенько надрать тебе задницу.

Исмаил беспокойно огляделся по сторонам.

Рамирес повернулся к Пеллэму.

— Ты его знаешь?

— Да. Это мой друг.

По лицу мальчишки промелькнула тень улыбки.

— Твой друг? — презрительно бросил Рамирес. — Почему ты водишь дружбу с таким маленьким *toyeto*?

— Он отличный парень.

— Отличный парень? — пробормотал Рамирес. — Еще раз так подкрадется ко мне — и станет мертвым отличным парнем.

— Слушай, Исмаил, почему ты не в подростковом центре?

— Не знаю. Так получилось.

— О матери и сестре что-нибудь слышал?

Мальчишка покачал головой, переводя взгляд с хмурого лица Рамиреса на улыбающегося Пеллэма. На мгновение он показался Пеллэму совершенно обычным ребенком. Смущенным, неуверенным, разрывающимся между страхом и желанием. Увидев эту ранимость, Пеллэм ощутил боль. Почему-то гораздо легче было видеть в ребенке дерзость, оставленную улицей. Ему вспомнилось категорическое утверждение Кэрол Вайандотт. Нет, она неправа. Для Исмаила еще не все потеряно. У него есть надежда.

Пеллэм опустил на корточки.

— Сделай мне одно одолжение. Возвращайся в подростковый центр. Выспись хорошенько. Ты чего-нибудь ел?

Исмаил пожал плечами.

— Ел? — не отставал от него Пеллэм.

— Мы с одним парнем стащили несколько банок пива, — с гордостью заявил мальчишка. — И всё выпили.

Однако в его дыхании не чувствовался запах спиртного. Ребяческое бахвальство.

Пеллэм протянул Исмаилу пять долларов.

— Сходи в «Макдональдс».

— Ага! Слушай, Пеллэм, ты зайдешь меня проведать? Я покажу тебе такое! Мы сыграем в баскетбол, я знаю все движения!

— Да, обязательно зайду.

Мальчишка развернулся, собираясь уйти.

Рамирес его окликнул:

— Эй, щенок!

Остановившись, Исмаил с опаской оглянулся.

— У тебя ноги большие?

Круглое чернокожее лицо недоуменно смотрело на Рамиреса.

— Я задал тебе вопрос: у тебя ноги большие?

— Не знаю.

Исмаил опустил взгляд на свои стоптанные кроссовки.

— На, держи.

Рамирес бросил мальчишке коробку с баскетбольными кроссовками. Тот неуклюже ее поймал. Заглянул внутрь.

Его глаза расширились от изумления.

— Ух ты! «Адидас торшон»! В таких играет сам Майкл Джордан! Ух ты!

— Пока что они тебе велики, так что никакого толка от них не будет, — сказал Рамирес. — Но, если ты не будешь подкрадываться незаметно к людям, ты дорастешь до того, что они тебе станут впору. А теперь делай

то, что тебе сказал вот он. — Рамирес кивнул на Пеллэма. — Убирайся отсюда к такой-то матери!

Когда мальчишка скрылся, Рамирес предложил Пеллэму:

— Пойдем обмоем мою сделку. — Он похлопал по карману, в котором лежал пухлый белый конверт. — Ты текилу пьешь?

— Мескаль пью. Саузу пью. Но маргарита^[59] — отвратительное пойло.

Рамирес презрительно ухмыльнулся, как, похоже, он делал всегда, когда при нем говорили о чем-то очевидном, и пошел вперед, нетерпеливым жестом предложив Пеллэму следовать за собой. Судя по всему, план на вечер был составлен.

Червя^[60] они разделили пополам.

Они устроились в прокуренном кубинско-китайском ресторанчике неподалеку от Колумбус-серкл. Рамирес разрубил бедное существо пополам ножом с выкидным лезвием в стиле «Вест-сайдской истории».

Пеллэм рассказал ему о натурных съемках в Мексике, где ему приходилось часами сидеть в обществе свободных от работы осветителей, костюмеров и каскадеров, которые похвалялись своими психоделическими опытами, поглощая жирных белых червей из мескаля.

— Однако, лично я ничего не чувствовал.

— Ты совершенно прав, — заметил Рамирес. — Эти ребята просто пудрили тебе мозги.

И с этими словами он проглотил свою половину червя.

Съев по две тарелки тамалы^[61] каждый, они вышли на улицу. Задержавшись у стойки, Рамирес купил еще одну бутылку мескаля.

По дороге в центр города Рамирес пожаловался:

— Слушай, на дворе суббота, а я без женщины. Задница какая-то!

— А та официантка в ресторане, по-моему, она пыталась с тобой заигрывать.

— Которая?

— Испанка.

— Эта? — презрительно фыркнул Рамирес. Помолчав, он нахмурился. — Слушай, Пеллэм, позволь дать тебе хороший совет. Никогда не говори слово «испанцы».

— Вот как?

— Это плохое слово.

— Ну тогда скажи мне, как будет политкорректно? Мне будет очень любопытно услышать это от человека, который спокойно употребляет такие слова, как «ирландишка» и «ниггер».

— Это совершенно другое дело.

— Неужели.

— Да.

— Это почему?

— Потому, — сказал Рамирес. Затем все же решил объяснить: — Понимаешь, надо называть человека по той стране, откуда он приехал. Доминиканец. Пуэрториканец. Вот я — я кубинец. Если хочешь называть всех одинаково, говори «латиноамериканцы». — Отхлебнув из горлышка, Рамирес начал декларировать: — "Apostol de la independencia de Cuba guia de los pueblos... Americanos y paladin de la dignidad humana.^[62]" Ты испанским владеешь?

— Совсем чуть-чуть. Недостаточно для того, чтобы понять ту чертовщину, которую ты только что сказал.

— Эти слова высечены на памятнике Хосе Марти на Шестой авеню. В Центральном парке. Ты его никогда не видел?

— Нет.

— Ха! — презрительно усмехнулся Рамирес. — Как ты мог его пропустить? Он в высоту тридцать футов. Его лошадь стоит на двух ногах, а сам Марти взирает на Шестую авеню. А лицо у него какое-то странное, как будто он никому не доверяет.

— А кто такой этот Марти?

— Ты не знаешь?

Если не брать в счет фильмы по искусству, история в Голливуде ограничивается вестернами, не имеющими ничего общего с исторической правдой, и фильмами о войне.

— Хосе Марти воевал с испанцами, чтобы изгнать их с Кубы. Он был поэтом. Когда ему было пятнадцать или шестнадцать лет, его выслали из страны. Он объездил весь мир, сражаясь за независимость Кубы. Долгое время Марти жил здесь, в Нью-Йорке. Это был великий человек.

— А ты когда-нибудь возвращался на Кубу?

— Возвращался? Да я там никогда не бывал.

— Никогда? Ты шутишь.

— Не шучу. Зачем мне туда ехать? В Гаване транспортные пробки, трущобы и грязь, там есть *las muchachas*^[63] и *las cerveza*^[64]. Там есть *hombres embalados* в *ganja*^[65]. Сейчас, наверное, там есть и «крэк». Гавана стала совсем как Нью-Йорк. Когда мне хочется отдохнуть, я отправляюсь в Нассо, на Багамы, с красивой девочкой. И играю там в казино «Клуб Мед».

— Но ведь Куба — это твоя родина.

— Куба не моя родина, — строго поправил его Рамирес. — Она была родиной моего деда. А не моя... На складе, которым я время от времени пользуюсь, есть один тип... сеньор... — Рамирес растянул это слово, наполняя свой голос презрением. — Сеньор Буньелло. Этот *viejo*, он *luso*^[66]. Только посмотрите на него — он хочет, чтобы все обращались к нему «сеньор». "Я временно вынужден жить в *Estados Unidos*^[67], — говорит он. — Но сердцем я *cubano*. Меня выслали, и мне пришлось покинуть родину." Знаешь, Пеллэм, если он еще раз это повторит, я дам ему в морду. Он твердит как заведенный: «Мы обязательно вернемся домой. Получим назад свои плантации сахарного тростника и снова станем богатыми. *Los moyetos* — ну, черные, будут на нас работать.» *Puto*^[68]. Черт побери, мой отец думал только о том, как бы поскорее смыться оттуда.

— Твой отец, он был революционером?

— *Mi padre*^[69]? Нет. Он приехал сюда еще в пятьдесят четвертом. Знаешь, как тогда нас здесь называли? Латиноамериканцев, приехавших в Америку? Нас называли «летними людьми в зимней одежде». Отец покинул Кубу еще ребенком. Его родители поселились в Бронксе. Отец тоже был в банде.

— Ты хотел сказать, в клубе?

— В те времена банды были совсем другими. Когда парень попадал в новый район, ему приходилось сойтись в поединке с местным вожаком. Понимаешь, удары выше пояса — драться можно было только одними кулаками. До тех пор парень оставался никем. Так что пока fidelistos^[70] жгли плантации и расстреливали batistianos^[71], мой отец на Сто восемьдесят шестой улице в кругу таких же парней дрался со здоровенным puto. Ему тогда здорово досталось. Но после этого все отправились пить cerveza и ром. А отцу дали прозвище. Его прозвали «Manomuerto»^[72]. В этот день он доказал свою храбрость. Тогда это называлось: «показал свое сердце». Доказал su corazon^[73].

— Где сейчас твой отец?

— Пропал лет шесть — семь назад. Однажды утром ушел на работу, прислал домой моего брата Пири с конвертом, в котором лежала половина зарплаты, и попросил передать, что когда-нибудь позвонит. Но он так и не позвонил. — Гектор Рамирес громко рассмеялся. — Как знать, быть может, отец сейчас в Гаване.

У Пеллэма в голове копошилась стайка крошечных червячков. Странно, ведь он выпил не так уж и много — рюмок пять или шесть.

Ну хорошо, быть может, больше.

И, наверное, в этих маленьких тварях действительно есть что-то психоделическое.

Они углубились в мрачное сердце Адской кухни. Вдруг до Пеллэма дошло, что Рамирес что-то ему говорит.

— Что?

— Я спросил, какого хрена ты тут делаешь? Только начистоту.

— Какого хрена я тут делаю? Пью текилу с преступником.

— Эй, послушай, ты считаешь меня преступником? Думаешь, что у меня есть судимость?

— Мне рассказали, чем ты занимаешься.

Рамирес задумался.

— И кто же тебе это рассказал?

— Слухами улица полнится, — зловещим тоном пробормотал Пеллэм.

— Ты не ответил на мой вопрос. Что ты здесь делаешь?

— Ищу своего отца, — ответил Пеллэм, сам удивляясь своей откровенности.

— Ищешь своего отца? И где же он? Он здесь живет?

— Больше не живет. — Пеллэм обратил взгляд на север, где мерцало не меньше миллиона огоньков, ярких и не очень. Он забрал у Рамиреса бутылку. — Несколько лет назад я работал над одним фильмом. Он назывался «Сон в неглубокой могиле».

— Никогда о таком не слышал.

— Этот фильм был об одной женщине, которая возвращается домой и узнаёт, что ее отец, возможно, вовсе не ее отец. Сначала я только искал места для натурных съемок, но затем также переписал часть сценария.

— А мать этой женщины, она что, была путаной?

— Нет, просто завела связь на стороне. Ей было одиноко.

Забрав бутылку, Рамирес отпил большой глоток и кивнул, приглашая Пеллэма продолжать.

— Моя мать живет в противоположном конце штата. В маленьком городке, который называется Симмонс. Нет, ты о таком никогда не слышал. Я приехал ее навестить — это случилось два года назад, на Рождество.

— Ты купил ей подарок?

— Конечно, купил. Дай договорить.

— Очень хорошо, что ты не забываешь свою мать. Так держать, парень!

— Дай я закончу. Мы поехали на кладбище на могилу отца, как делаем всегда, когда я приезжаю к матери. — Еще один глоток. И еще. — Мы пришли на могилу, и мать расплакалась.

Они успели углубиться в Кухню и теперь шли по переулку, вымощенному вонючим от нечистот булыжником, который вел к базе Рамиреса.

— Вдруг мать говорит, что должна сделать одно признание, — продолжал Пеллэм. — Как оказалось, она думает, что мой отец мне вовсе не родной отец.

— Ого, вот так сюрприз, твою мать!

— Бенджамин — муж матери, человек, которого я считал своим отцом, — постоянно отсутствовал. Он все время был в разъездах. Они с матерью поругались по этому поводу. Бен снова уехал. Мать завела любовника. Потом они расстались. Бен вернулся домой. Они с матерью помирились. Она к этому времени уже была беременна, но не могла сказать, когда именно это произошло. Сам знаешь, как это бывает. Однако мать сильно сомневалась в том, что это был ребенок Бена. Она ломала голову над этим с тех самых пор, как Бен умер. Я хочу сказать над тем, говорить или не говорить мне. В конце концов мать не выдержала и во всем призналась.

— Представляю, как хреново тебе было, когда ты все это услышал. Но зачем ты все-таки приехал сюда?

— Мне хотелось разузнать больше об этом мужчине. О своем родном отце. Я не собирался с ним встречаться. Но мне хотелось узнать, кто он такой, чем занимается, может быть, раздобыть его фотографию.

— Он до сих пор живет здесь?

— Нет. Уехал давным-давно.

Пеллэм рассказал о том, как ему удалось раздобыть последний адрес этого человека, но, как выяснилось, тот уехал из того дома много лет назад и не оставил никаких следов. Пеллэм связался с архивами всех пяти районов Нью-Йорка, а также всех близлежащих округов штатов Нью-Йорк, Нью-Джерси и Коннектикут. Безрезультатно.

— Значит, смылся? Как и мой папаша.

Пеллэм кивнул.

— Так зачем ты здесь остался?

— Я решил снять фильм об Адской кухне. Том районе, где жил мой отец. Он прожил здесь довольно долго. — Пеллэм забрал бутылку. — Что ж, выпьем за твоего папашу, сукиного сына.

Он отхлебнул из горлышка.

— Выпьем за обоих наших папаш. Где бы они сейчас ни были, мать их.

Не успев передать бутылку, Пеллэм второй раз за последние несколько дней ощутил затылком прикосновение холодного металла. И на этот раз это тоже было дуло пистолета.

Рамирес удостоился трех громил, Пеллэм — лишь одного.

— Твою мать, — только и бросил молодой латиноамериканец, пока двое держали его за руки, а третий тщательно обыскал, забрав пистолет и нож.

Потом он вырвал у него бутылку с мескалем и зашвырнул ее в переулок.

— Только педерасты-латиносы пьют эту мочу!

Бутылка разбилась, упав на булыжник.

Ухмыльнувшись, Рамирес обратился к Пеллэму, кивнув на громилу, сказавшего эти слова:

— Это Шон Маккрей. Понятия не имею, почему он здесь. По субботам вечером он обычно направляется на свидание — к себе домой, со своим членом.

Чем заслужил удар. Кулак врезался ему в челюсть. Рамирес мотнул головой.

Пеллэм вспомнил Маккрея. Он был тогда в баре вместе с Коркораном. Сидел рядом с Джеко Дрю.

— Я его помню, — сказал Пеллэм.

Чем, по какой-то причине, тоже заслужил удар, но только уже в живот. Пеллэм согнулся пополам, задыхаясь. Державший его парень, здоровенный верзила в черном кожаном плаще, как у Дрю, оттащил его вглубь переулка и, швырнув на мостовую, повернулся к Рамиресу.

Молодой латиноамериканец вырвался, попытался ударить одного из нападавших ногой. Но те просто начали методично его избивать. Когда они наконец остановились, Рамирес выдавил:

— Ах вы долбаные ирландские собаки, вашу мать!

Казалось, своим поведением нападавшие вывели его из себя.

— Заткнись!

Маккрей склонился к Рамиресу.

— У меня был небольшой разговор с О'Нилом. Он мне признался, что у вас с ним были дела. Не могу сказать, что это меня сильно удивило.

Второй ирландец сказал:

— Расскажи ему, что с ним произошло, с этим О'Нилом.

— А, про то, как он отправился купаться? — спросил тот, что присматривал за Пеллэмом.

— Да.

— О'Нил решил искупаться в Гудзоне, мать его, — ухмыльнулся Маккрей. — Неподалеку от второго причала. И до сих пор не всплыл.

Рамирес покачал головой.

— О, просто замечательно. Вы замочили единственного торговца оружием в Кухне... А ведь Джимми тоже покупал у него товар. А теперь всем нам придется покупать разное дерьмо в Гарлеме и в Восточном Нью-Йорке у черномазых, которые будут стараться обчистить нас до нитки. О, ребята, как же мудро вы поступили! Готов поспорить, Джимми еще не знает о ваших подвигах. Твою мать, здорово же вы напортачили.

Он харкнул кровью.

Громилы растерянно застыли. Один из них с тревогой посмотрел на Маккрея.

— Твою мать, — выругался Рамирес, — вы знаете, что будет, если вы меня прикончите? Мое место займет Санчес, и вас выметут отсюда, мать вашу. У нас есть автоматы МАК-10 и «узи». У нас есть «дезерт иглы», такими воюет спецназ.

— О, нам уже страшно, твою мать.

— А когда Коркоран прознает о том, что именно вы развязали войну, — если к тому времени вас еще не пришьет Санчес, это обязательно сделает Джонни. Так что убирайтесь отсюда к такой-то матери, пока ноги целы!

— Слушай, Рамирес, мать твою, полегче на поворотах!

— Ступай к такой-то...

Маккрей выбросил с размаха кулак и попал Рамиресу в скулу. Пеллэм попытался встать, но получил в живот удар ногой в массивном ботинке. Зажимая руками пах, он с громким стоном упал на землю.

Ирландцы презрительно рассмеялись.

— Гектор, твоя подружка — ей стало плохо.

Тот громила, что присматривал за Пеллэмом, крепко схватил его за шиворот. Остальные трое потащили Рамиреса в темноту переулка.

— Почему бы нам на него не помочиться? — предложил кто-то.

— Заткнись! — рявкнул Маккрей. — Мы не в игрушки играем.

Пеллэм, пытаясь откашляться, поднялся на четвереньки.

— Сейчас он сблюет, — со смехом бросил громила, присматривающий за ним.

Однако остальные, потеряв к Пеллэму всяческий интерес, принялись сосредоточенно избивать Рамиреса. Тот дрался отчаянно, но справиться с тремя здоровенными ирландцами ему было не под силу, и в конце концов молодой латиноамериканец повалился на колени. Осмотревшись по сторонам, Маккрей кивнул своему подручному, и тот, взведя курок, направил пистолет на Рамиреса. Остальные двое отступили назад. Стрелок прищурился, целясь.

Вздохнув, Рамирес прекратил сопротивляться. Спокойно взглянув на убийцу, он покачал головой.

— Мать божья... Ладно, не тяни, кончай.

Презрительно усмехнувшись, Рамирес посмотрел на Маккрея.

«Выбора нет, — подумал Пеллэм, успокаивая себя. — Выбора совсем нет.» Перестав притворяться, что его тошнит, он стряхнул с себя руку громилы и поднялся на ноги, выхватывая сзади из-за пояса «кольт» и взводя курок большим пальцем. Пеллэм выстрелил громиле с пистолетом в ногу. От удара массивной пули тот не устоял и, выронив оружие, повалился на брусчатку, корчась и вопя от боли.

Громила, державший Пеллэма, потянулся за своим пистолетом, но рукоятка «кольта» с громким хрустом врезалась ему в переносицу. Пеллэм выдернул из пальцев завопившего ирландца «глок», а тот, подняв руки, попятился назад, испуганно причитая: «Не надо, пожалуйста, не надо!»

Маккрей, молниеносно оглянувшись по сторонам в поисках укрытия, нырнул за мусорный бак. Четвертый ирландец, стоявший рядом с Рамиресом, начал было разворачиваться, но молодой латиноамериканец

расправился с ним своими мощными кулаками: три быстрых удара в солнечное сплетение. Сдавленно вскрикнув, громила повалился навзничь, жадно ловя ртом воздух. Его тотчас же вырвало.

Отскочив за угол, Пеллэм выстрелил еще раз — в сторону Маккрея, но не в него самого, целясь в булыжник под ногами ирландца, обеспокоенный тем, сколько бед может наделать в таком густонаселенном районе отрикошетившая пуля. Маккрей забился еще дальше за мусорные баки.

Раненый громила продолжал вопить:

— О господи, о черт, моя нога, моя нога!

Никто не обращал на него внимание. Громила, присматривавший за Пеллэмом, юркнул в какой-то закуток. Маккрей и четвертый ирландец палили вслепую в Рамиреса, а тот, прижатый к земле, пытался как мог укрыться за кучей мешков с мусором.

— Эй! — окликнул его Пеллэм.

Как раз в этот момент совсем рядом просвистела пуля, выпущенная Маккреем. Пеллэм швырнул отобранный пистолет Рамиресу. Тот поймал его одной рукой, передернул затвор и быстро выстрелил навскидку. Раненый, не переставая всхлипывать, закрывал лицо руками и дюйм за дюймом переползал к своим приятелям.

Издав торжествующий клич, Рамирес громко расхохотался. Он оказался великолепным стрелком, и ирландцам оставалось лишь высовываться на пару секунд, палить наугад и тотчас же снова нырять за укрытие.

Перестрелка продолжалась не больше тридцати секунд. Пеллэм больше не сделал ни выстрела. Он был уверен, что вот-вот ночь разорвет вой полицейских сирен и красно-синие мигалки. Такая пальба соберет не меньше сотни фараонов. Однако на соседних улицах царила полная тишина.

Разумеется, это была Адская кухня. Подумаешь, кто-то немного пострелял?

Появившаяся из-за кирпичной стены рука схватила раненого и утащила его. Через пару минут двое ирландцев выбежали из переулочка, таща третьего. Взыл двигатель, машина рванула с места.

Пеллэм поднялся с брусчатки, все еще не в силах отдышаться. Рамирес тоже встал, смеясь. Проверив обойму чужого «глока», он сунул пистолет в карман, затем подобрал с земли свой пистолет.

— Сукин сын, — пробормотал Рамирес.

— Давай...

Выстрел прозвучал оглушительно громко. Пеллэм почувствовал щекой жаркую, обжигающую боль.

Стремительно развернувшись, Рамирес выстрелил с бедра — три, четыре раза, попав в громилу — того, который присматривал за Пеллэмом, а затем вернулся и выстрелил, укрываясь в тени. Ирландец отлетел назад.

Подергавшись немного на земле, он застыл. Пеллэм поймал себя на том, что у него трясутся руки.

— Господи, с тобой все в порядке? — встревоженно спросил Рамирес.

Пеллэм поднес ладонь к щеке. Нащупал обнажившиеся ткани. Отняв руку, увидел на пальцах кровь.

Рана жгла адским огнем. Но это было хорошо. По своей работе каскадером Пеллэм помнил, что боль это хорошо, а вот онемение — это плохо. Если трюк заканчивался неудачно и каскадер начинал жаловаться на онемение, постановщик трюков пугался не на шутку.

Вдалеке наконец завывла первая сирена.

— Слушай, — в отчаянии произнес Пеллэм, — нельзя, чтобы меня застали здесь.

— Черт побери, это же была самооборона.

— Нет, ты не понял. Нельзя, чтобы меня застали с оружием.

Нахмурившись, Рамирес понимающе кивнул. Затем посмотрел в сторону Девятой авеню.

— Сейчас ты сделаешь вот что. Просто выходи на улицу и иди медленно. Как будто ты собираешься за покупками. Только закрой это. — Рамирес указал на окровавленную щеку. — Перевяжи, зажми чем-нибудь. Оставайся на Восьмой или Девятой авеню и иди на север. Запомни: ты должен идти не спеша. Будешь идти медленно — останешься невидимым. Давай свой ствол. Я его припрячу. У нас есть надежное место.

Пеллэм протянул ему «кольт».

— Кажется, ты говорил, что не носишь с собой «железо», — усмехнулся Рамирес.

— Ложь белого человека, — прошептал Пеллэм, скрываясь в переулке.

19

— Луис, — начал Пеллэм, не успев войти в контору, — у меня есть кое-что такое, что вам обязательно понравится.

Было всего около десяти часов утра, и Бейли еще не успел превратиться в скорее трезвого, чем пьяного адвоката, оставаясь скорее пьяным, чем трезвым жильцом квартиры. В помещении, служившем конторой, свет не горел; Бейли вышел, шаркая, из спальни в халате и непарных шлепанцах на босу ногу.

— Что у вас с лицом?

— Обрезался, когда брился, — ответил Пеллэм.

— В следующий раз попробуйте воспользоваться бритвой. С ней получается лучше, чем с мачете.

Помолчав, адвокат добавил:

— Я слышал, вчера вечером у нас была перестрелка. Убили одного парня из банды Джимми Коркорана.

— Вот как?

— Пеллэм...

— Луис, я об этом ничего не знаю.

— Говорят, в этом были замешаны двое. Один белый, один испанец.

— Латиноамериканец, — поправил его Пеллэм. — Не употребляйте слово «испанец». — Он бросил на стол снимок, сделанный «Поляроидом». — Взгляните.

Адвокат задержал взгляд на его лице.

— Вчера я показал этот снимок Фло Эпштейн. Сотруднице страховой фирмы. — Пеллэм поднял руки. — Не запугивал, не упрашивал. Просто показал снимок.

Бейли перевел взгляд на фотокарточку.

— Вина хотите? Нет? Точно не хотите?

Пеллэм продолжал:

— Я сфотографировал Этти в центре предварительного содержания под стражей. Показал снимок этой Эпштейн и спросил, узнаёт ли она ту женщину, которая оформляла у нее страховку.

— И?

— Она ответила, что узнаёт.

— Так. Бейли внимательно посмотрел на фотографию. Прищурился. Взял ее в руки и рассмеялся. — Слушайте, отлично сработано. Как вам это удалось?

— Чудеса компьютерной графики.

Это был тот самый снимок, который Пеллэм сделал в центре предварительного содержания под стражей, — тело, волосы, руки, одежда. Однако лицо было позаимствовано у Эллы Фитцджеральд. Пеллэм совместил два изображения на компьютере и результат сфотографировал на «Поляроид».

— Обнадеживающее известие, — заметил адвокат.

Однако Пеллэму показалось, что Бейли отнесся к истории с фотографией без особого энтузиазма.

Пеллэм открыл крохотный холодильник. Бутыли с вином. Ни минеральной воды, ни газированных напитков, ни соков. Он поднял взгляд.

— Луис, что вас гложет?

— Помните про игру в покер, о которой я вам говорил? С брандмейстером?

— Она не состоялась?

— О нет, состоялась.

Пеллэм взял листок бумаги, который протянул ему трясущейся рукой Бейли.

Дорогой Луис!

Я сделал то, о чем мы говорили, и сыграл в карты со Стэном, Соби, Фредом и Мышонком, ты его помнишь? Мы с ним столько лет не виделись. Я проиграл твои шестьдесят долларов, но Стэн разрешил мне забрать бутылку «Дьюара», почти полную, так что я как-нибудь занесу ее тебе, когда она станет уже не такой полной.

Вот что мне удалось выяснить, и, думаю, тебе это не понравится. Ломакс отыскал банковскую расчетную книжку Вашингтон, о которой та не говорила ни душе. Общая сумма свыше десяти тысяч. И знаешь еще что? Две «штуки» старушка сняла со счета за день до пожара. Так что тебя обозвали нехорошим словом за то, что ты не указал эти доллары в заявлении о финансовом положении своей подзащитной, когда подавал ходатайство об освобождении под залог. Но в остальном все только рады, поскольку это еще больше подкрепляет обвинение.

Твой Джои.

Десять тысяч?

Пеллэм был ошарашен. Во имя всего святого, где Этти раздобыла такую огромную сумму? В разговорах с ним она ни словом не обмолвилась о том, что у нее есть какие-то сбережения. На вопрос Бейли о том, сколько она может заплатить поручителю, Этти ответила: восемьсот, максимум, девятьсот долларов, но это уже предел. Она утверждала, что не могла купить страховку у Фло Эпштейн просто потому, что у нее не было на это денег.

Выглянув в окно, Пеллэм увидел, как бульдозер разрушает то, что осталось от здания, в котором жила Этти. Рабочий зубилом и кувалдой пытался расколоть на куски перепачканного копотью каменного бульдога.

Пеллэм услышал голос Этти:

«...Я пытаюсь вспомнить, сколько же зданий было в этом квартале. Точно не могу сказать. Все они были жилые дома, как вот это. Но сейчас от них почти ничего не осталось. Вот этот дом построил в 1876 году один иммигрант. Генрих Дейтер. Немец. Ты обратил внимание на каменных бульдогов у подъезда? На тех, что стоят по обе стороны от парадной лестницы? Этот Дейтер специально пригласил резчика по камню, чтобы тот высек этих бульдогов, потому что когда он еще маленьким ребенком жил в Германии, у него был бульдог. Многие жалеют о том, что эти старые здания рушат и на их месте строят новые. А знаешь, что я на это скажу? Сто лет назад рушили другие старые здания, чтобы построить вот эти, так? Все приходит и уходит. Как и люди, с которыми мы общаемся. Так устроен мир.»

Пеллэм долго молчал. Взяв с письменного стола старый латунный ключ, он некоторое время разглядывал его, затем положил на место.

— Как полиция узнала об этом счете?

— Понятия не имею.

— Кассир в банке опознал в Этти ту самую женщину, которая снимала наличные?

— Чтобы это выяснить, мне надо будет связаться с одним человеком в управлении полиции. А пока что счет заморожен.

— Все это очень плохо, да?

— Да, хуже некуда.

Зазвонил телефон. Старинный, с настоящим звонком, пронзительным и громким. Бейли снял трубку.

Пеллэм проводил взглядом машину, медленно проехавшую мимо окна. Он снова услышал буханье басов рэп-песни. Судя по всему, в хит-парадах она занимала первую строчку.

«...у него есть словечко для тебя, он замочит твоих братьев и сестер...»

Музыка затихла вдали. Отвернувшись от окна, Пеллэм увидел, что Бейли застыл, рассеянно сжимая в руке трубку. Наконец, словно очнувшись, он попытался положить ее на аппарат. Ему удалось попасть на рычажки только со второй попытки.

— О господи, — прошептал адвокат. — О господи...

— В чем дело, Луис? Что-нибудь с Этти?

— Полчаса назад в Верхнем Вест-Сайде произошел еще один пожар. — Бейли шумно вздохнул. — В страховом агентстве. Две сотрудницы погибли. Одна из них — Фло Эпштейн. Это был он, Пеллэм. Его узнали. Это был тот самый молодой парень с заправочной станции. Он снова использовал свой самодельный напалм. Сжег обеих женщин живьем. Господи Иисусе...

Потрясенный Пеллэм ахнул. У него мелькнула мысль: поджигатель проследил за ним до страхового агентства. Сначала он проник к Пеллэму в квартиру и похитил видеокассеты. А затем отправился следом за ним. Вероятно, вот почему он не стал убивать Пеллэма у него в квартире. Он решил использовать его для того, чтобы найти свидетелей.

«Она пробыла здесь три минуты. Когда ты занимаешься сексом, это ничто, когда рождаешь ребенка — это целая вечность.»

А если ты горишь заживо...

— Эпштейн подписала протокол допроса, в котором подтвердила, что опознала Этти, — продолжал Бейли. — Это можно представить в суд в качестве доказательства. А то, что она сказала вам про сострепанную фотографию — нельзя. Это лишь ваши слова, ничем не подкрепленные.

Пеллэм выглянул в окно на прямоугольный пустырь, на котором еще совсем недавно стоял дом Этти, залитый ярким красноватым светом солнца, застывшего на безоблачном небе. Он почему-то подумал о том, что теперь, когда здание разрушено, солнечные лучи попадают туда, куда не проникали больше ста лет. Ему показалось, что это возрожденное сияние воздействует и на прошлое, и на настоящее, словно призраки тысяч обитателей Адской кухни, давным-давно ставшие жертвами пуль, болезней и суровой жизни, возвратились назад.

— Вы хотите, чтобы Этти признала свою вину, не так ли? — спросил он адвоката.

Тот кивнул.

— Вы с самого начала хотели этого, разве не так? — продолжал Пеллэм.

Бейли сплел пальцы. При этом его бледные запястья вылезли из-под грязных белых манжет.

— Здесь, в Кухне, соглашение о признании вины^[74] считается победой.

— А как же невиновные?

— Это не имеет никакого отношения ни к вине, ни к невиновности, черт побери. Это все равно что социальная страховка или продажа собственной крови за деньги, на которые можно купить еду или выпивку. Признать свою вину и получить меньший срок — подобные мелочи делают жизнь в Кухне чуть легче.

— Если бы я не вмешался во все это, — сказал Пеллэм, — вы бы не стали тянуть время, да? И заставили бы Этти признать себя виновной?

— В первые же полчаса после ареста, — подтвердил Бейли.

Пеллэм кивнул. Не сказав больше ни слова, он вышел из конторы и пошел по улице. Экскаватор зачерпнул ковшем строительный мусор, оставшийся от дома Этти, — в основном, осколки каменного бульдога

ручной работы, — и бесцеремонно высыпал их в стоящий рядом контейнер.

«Все приходит и уходит. Так устроен мир.»

Ему не оставалось ничего другого, кроме как спросить. Напрямую.

Этти неуверенно вошла в комнату для свиданий центра предварительного содержания под стражей. Как только она увидела Пеллэма, ее тусклая улыбка сразу же погасла.

— В чем дело, Джон? — Прищурившись, Этти посмотрела на его хмурое лицо. — Что случилось...

Она осеклась.

— Полиция обнаружила банковский счет.

— Счет?

— В банке Гарлема. Сберегательный счет, на котором лежат десять тысяч.

Яростно тряхнув головой, пожилая негритянка прикоснулась к виску здоровой рукой, безымянный палец на которой был сломан много лет назад и плохо сросся. На мгновение ее лицо озарилось искренним раскаянием, но она тотчас же опомнилась и выпалила:

— Я не говорила о своих сбережениях ни одной живой душе! Твою мать, как полиции удалось о них пронюхать?

Теперь Этти уже была замкнутой и настороженной.

— Вы никому не говорили об этом. Не заявили на суде, не предупредили поручителя. Не сказали Луису. Со стороны это выглядит очень нехорошо.

— Совершенно непонятно, почему весь мир должен знать все о жизни бедной, простой женщины, — отрезала Этти. — Муж ее обобрал, дети обобрали, все только и делают, что обирают, обирают и обирают ее! Каким образом полиция разузнала о моих сбережениях?

— Не знаю.

Этти с горечью спросила:

— И что с того, что я отложила кое-какие деньги?

— Этти...

— Это мое дело, черт побери, и никого кроме меня не касается.

— Утверждается, что вы — или еще кто-то снял деньги со счета как раз за день до пожара.

— Что? Я ничего не снимала.

Этти широко раскрыла глаза, полная тревоги и гнева.

— Две тысячи.

Вскочив с места, пожилая женщина, хромая, описала круг по комнате, словно намереваясь вырваться на улицу в поисках пропавших денег.

— Меня ограбили? Украли мои деньги? Кто-то проведал о том, что я отложила на черный день! Какой-то Иуда лишил меня всего!

Эта напыщенная тирада показалась Пеллэму составленной заранее, словно Этти наперед подготовила оправдание на тот случай, если деньги будут обнаружены. Он нахмурился. Опять какие-то тайны! Чувствуя на себе взгляд потрясенной Этти, Пеллэм отвернулся и уставился в окно. У него мелькнула мысль, не обвиняет ли Этти в пропаже денег его. Не он ли тот самый Иуда?

Наконец Пеллэм спросил:

— Где лежала расчетная книжка?

— В квартире. Полагаю, она сгорела. Ну как кто-то мог просто забрать мои деньги? Что мне теперь делать?

— Полиция заморозила банковский счет.

— Что? — воскликнула Этти.

— Теперь больше никто не сможет снять с него деньги.

— Я не смогу взять свои деньги? — прошептала она. — Они мне очень нужны. Нужны все до последнего цента.

«Зачем? — подумал Пеллэм. — Для какой цели?»

Вслух он спросил:

— Вы не воспользовались этими деньгами для того, чтобы внести залог. И не смотрите на меня так, Этти. Я просто повторяю чужие слова. Это все выглядит очень подозрительно.

— Полиция считает, этими деньгами я расплатилась с поджигателем? — горько усмехнулась Этти.

— Полагаю, да, — помолчав, подтвердил Пеллэм.

— И ты тоже так считаешь?

— Нет.

Этти подошла к окну.

— Кто-то меня предал. Кто-то меня подло предал.

Эти слова были пронизаны бесконечной горечью. Пеллэм не выдержал и отвернулся. Этти застыла словно каменное изваяние. Затем чуть подняла голову, чтобы взглянуть поверх тускло освещенного подоконника.

— Пожалуйста, оставь меня одну. Мне сейчас никого не хочется видеть. Нет, Джон, ничего не говори. Пожалуйста, просто уйди.

На этот раз его обыскали тщательно.

«О нет, только не сейчас! Сейчас мне это совсем ни к чему!»

Пеллэм не успел войти в подъезд своего дома в Ист-Вилледже, погруженный в невеселые размышления по поводу Этти и ее тайного счета, как шесть рук схватили его сзади и грубо впечатали лицом в стену.

В прошлый раз, когда Пеллэм был вдвоем с Рамиресом, ирландцы удовлетворились одним хорошим ударом и не стали искать у него оружие. Теперь они вывернули ему все карманы, старательно всего ощупали и, только убедившись, что на этот раз герой Дикого Запада безоружен, развернули его.

Коротышка Джеко Дрю был в обществе высокого парня, внешне чем-то напоминающего Джимми Коркорана, и еще одного, рыжеволосого. Хотя в вестибюле было довольно тесно, троем ирландцам хватило бы пространства, чтобы хорошенько отметелить Пеллэма.

Выражение лица Дрю говорило, что он тут помимо воли, и Пеллэм проникся к коротышке сочувствием.

Так, посмотрим. На что будет похожа следующая сцена? Финал второго действия незамысловатого голливудского боевика. Благородного ковбоя подкараулили подручные нехорошего скотопромышленника. Героического журналиста отловили телохранители владельца нефтяной компании. Коммандос попал в засаду, устроенную врагом.

Очко, заработанное плохими ребятами, лишь добавляет зрелищности окончательному триумфу главного героя. А зрители обожают, когда любимчик попадает в переделку.

— Я бы пригласил вас к себе, — сказал Пеллэм, морщась от боли, так как руки ему словно стиснули стальными клещами, — но, если честно, мне этого не хочется.

Самый высокий из троих ирландцев, вероятно, брат Коркорана, занес было кулак, но Дрю покачал головой.

Он повернулся к Пеллэму.

— Джимми прослышал о том, что произошло вчера вечером. Шонни Маккрей решил замочить Рамиреса на свой страх и риск. А тебе вздумалось разыграть секунданта латиноса... Так или иначе, наверное, ты уже слышал, что Джимми не хочет поднимать лишнего шума: сейчас к Кухне и так приковано слишком много внимания. Поэтому он не будет убивать ни тебя, ни Рамиреса, хотя, вероятно, следовало бы. Но вы уложили одного из наших ребят, так что мы не можем оставить это без последствий. Как ты понимаешь, тебе придется заплатить.

— Подожди, а почему мне? — воскликнул Пеллэм. — Что насчет Рамиреса?

— А то, что Джимми не хочет никакого продолжения, не хочет начинать войну, поэтому он рассудил, что все будут счастливы, если мы поиграем в Майка Тайсона с тобой.

— Не все, — пробормотал Пеллэм. — Лично меня эта затея несколько не радует.

— Ну, понимаешь, тут уж ничего не попишешь, ты согласен? Правила устанавливает не Джеко.

«А я только что заплатил этому проходимцу пять сотен. Проклятие!»

— Послушайте, если вам нужно, чтобы я принес свои извинения, я с радостью. Извините.

Заговорил рыжий:

— Твои извинения нам на хрен не нужны.

Он шагнул вперед. Пеллэм повернулся к нему лицом, но Дрю поднял руку, останавливая приятеля.

— Постой. Этот парень принадлежит Джеко, так?

Джеко Дрю, в котором не было и пяти футов двух дюймов, решительно двинулся на Пеллэма.

Тот облегченно вздохнул. Теперь ему все стало понятно. Вот почему Джеко вызвался на это дело. Сейчас произойдет то же самое, что было у О'Нила с Рамиресом. Видимость драки. Дрю потычет кулаками, Пеллэм картинно упадет, и все будет кончено за три минуты. Со времен работы каскадером Пеллэм знал, как изображать драки. Стряхнув с себя двоих ирландцев, он тоже шагнул вперед.

— Ну хорошо, ты сам напросился, так что пеняй на себя.

Пеллэм поднял руки, сжимая кулаки.

Первым же ударом Дрю едва не отправил его в нокаут. Костлявый кулак со страшной силой врезался Пеллэму в подбородок. Заморгав, Пеллэм мотнул головой, налетев затылком на латунные почтовые ящики. Дрю продолжил хуком левой в солнечное сплетение. Пеллэм повалился на колени, судорожно глотая воздух.

— Какого черта...

— Заткнись, твою мать! — пробормотал Дрю.

Сплетя пальцы, он с силой обрушил обе руки Пеллэму на шею. Через две секунды тот распластался на грязных плитках пола.

Дрю добил его ударом обутой в тяжелый башмак ноги по почкам. Господи...

— Сейчас у тебя нет с собой ствола, козел, — продекламировал Дрю, словно он репетировал эту фразу весь день. Актер из него оказался совсем никудышный. — Ты перешел дорогу опасным людям!

Поднявшись на колени, Пеллэм бросился на коротышку, промахнулся и получил три жестоких удара в живот.

Нагнувшись, Дрю шепнул ему на ухо:

— Ну, как у меня получается?

Пеллэм не смог вымолвить ни слова. Он подумал, что его вот-вот стошнит.

— И ты тоже ударь меня, — прошептал Дрю. — А то это сильно смахивает на лажу.

Пеллэм отполз в сторону и с трудом поднялся на ноги. Развернувшись, он что есть силы выбросил кулак. На этот раз его удар, если там можно сказать, достиг цели: безобидно скользнул Дрю по щеке.

Коротышка, недоуменно заморгав, завопил:

— Ах ты долбаный член, твою мать!

Рыжий и третий ирландец схватили Пеллэма за руки, а Дрю осыпал градом ударов ему лицо и живот. Когда Пеллэма наконец отпустили, он просто закрыл лицо руками и снова рухнул на пол.

— Ну, теперь спеси у него поубавилось, — со смехом заметил рыжеволосый.

— Джеко, пора сматываться.

Достав пистолет, Дрю прижал дуло Пеллэму к лицу. Тот вдруг подумал, что всегда относился с недоверием к спусковым механизмам пистолетов. Они такие ненадежные, могут сработать от простого дуновения... Нагнувшись к нему, задиристый ирландский петушок прошептал:

— Вот видишь, если ты достанешь мне роль в фильме, я смогу сам драться и все остальное. Дублеры мне не нужны. И пушка у меня есть своя.

Пеллэм застонал.

— Джеко, прострели ему ногу или колено.

— Точно, долбани ему в руку. Бух, бух!

Казалось, Дрю в раздумье.

— Нет, с него и так достаточно. Эти долбанные голливудские гомики, у них кишка тонка.

Снова наклонившись к Пеллэму, Дрю шепнул:

— Помнишь насчет того парня Алекса, о котором ты спрашивал? Он остановился в гостинице «Иглтон» на Девятой авеню. Номер 434.

Пеллэм пробормотал что-то такое, что Дрю принял за «спасибо», хотя на самом деле фраза, которую произнес Пеллэм, не имела ничего общего с этим выражением благодарности.

На прощание дружески пнув его ногой под ребро, Дрю исчез вслед за остальными ирландцами.

— Эй, Томми, — заговорил он, обращаясь к рыжеволосому, — помнишь то место из фильма, о котором я тебе рассказывал?... А ты как думаешь, твою мать, какой фильм я имел в виду?...

Входная дверь захлопнулась. Пеллэм выплюнул выбитый зуб. Тот, казалось, несколько минут громыхал по выложенному плиткой полу, пока наконец не крутанулся в последний раз на месте, после чего окончательно застыл.

20

Кабина лифта спустилась вниз, откликнувшись на вызов, как раз в тот момент, когда шумная орда туристов из Франции заселялась в помпезную гостиницу в Вест-Сайде. Двери открылись.

— Mon dieu!^[75]

Пылающая жидкость расплавила пластмассовую канистру и выплеснулась огненной волной из кабины лифта в вестибюль.

— Господи Иисусе! — крикнул кто-то.

— А, черт...

Пламя распространялось словно по волшебству. Горящая жидкость разлилась по полу, воспламеняя ковер, кресла, тисненные золотом обои, искусственные каучуковые деревья, столики.

Пронзительным баритоном затрезвонила пожарная сигнализация — старинные механические звонки, сразу же заставившие подумать о том, что система пожаротушения бесконечно устарела. Просторные коридоры наполнились криками. Люди бросились к выходу.

Еще страшнее огня был дым, мгновенно заполнивший все этажи гостиницы, словно его закачали под повышенным давлением. Подача электричества просто прекратилась, и в вестибюле и коридорах, заполненных осязаемым на ощупь дымом, мгновенно наступила ночная темнота.

И, перекрывая отчаянные крики, пронзительный звон сигнализации и топот ног, зазвучал зловецкий рев огня.

Гостиница «Иглтон» корчилась в предсмертных мучениях.

Пламя пожирало дешевые ковровые покрытия, за считанные мгновения превращая их из зеленых в черные. Огонь плавил пластмассу с такой же легкостью, с какой он морщил и высушивал кожу. Пламя стремительно поднималось вверх по стенам и плавало лепнину так легко, будто это было сливочное масло. Огонь выплевывал дым, густой, словно мутная вода, и такой же удушливый. С десятков зарубежных туристов задохнулись, загнанные в глухой альков.

Пламя ласково лизало, пламя убивало.

— Merde! Mon dieu! Allez, allez! Giselle, ou es-tu?^[76]

Внизу, в банкетном зале, где попытались укрыться три официанта в белых смокингах, произошла внезапная яркая вспышка — все помещение раскалилось настолько сильно, что вспыхнуло, словно одна огромная спичечная головка.

На одном из верхних этажей молодой мужчина, полностью одетый, прыгнул в наполненную до краев ванну, мудро рассудив, что вода его защитит. Два часа спустя пожарные, вымотанные до предела, обнаружили то, что осталось от его тела, в воде чуть ниже температуры кипения.

Одна женщина, объятая паникой, распахнула настежь дверь своего номера, и хлынувший поток кислорода мгновенно привел к взрыву, поглотившему ее. Последний предсмертный крик несчастной, вырвавшийся языком пламени у нее изо рта, не имел ничего общего со звуками, которые издает человек.

Один мужчина, спасаясь от неудержимо надвигающейся стены огня, выпрыгнул из окна пятого этажа. В полной тишине он элегантно упал на крышу стоявшего перед подъездом желтого такси. Все шесть стекол машины мгновенно стали матовыми, словно покрылись изморозью.

Еще один мужчина выскочил на пожарную лестницу, которая успела так нагреться в пожаре, что металлические прутья ступеней за считанные секунды прожгли подошвы кроссовок. Дико вопя от боли, мужчина взбежал на обожженных, окровавленных ступнях на крышу.

Некоторые постояльцы из номеров на верхних этажах решили, что собственно пожар им ничем не угрожает; о катастрофе говорила лишь

слабая дымка. Спокойно ознакомившись с памятками действий при пожаре, они, в соответствии с обнадеживающими наставлениями, закрыли лица тряпками, смоченными водой. После чего эти люди безмятежно уселись на пол в ожидании помощи и мирно умерли во сне, отравившись угарным газом.

В вестибюле произошла еще одна яркая вспышка. В облаке оранжевого пламени взорвался диванчик. И тело постояльца, распростертое на ковре. Бедняга сжался в боксерскую позу: подобрал колени, стиснул кулаки, согнул руки в локтях. Рядом с ним автомат с газированной водой, расплавившись, начал плевать по всему вестибюлю банками с «Пепси-колой». Банки взрывались в воздухе; содержимое закипало еще до того, как тонкая алюминиевая оболочка успевала достичь пола.

Сынок успел мельком взглянуть на все эти зарисовки, потому что он, оставив канистру с зажженным «сиропом» в кабине лифта на шестом этаже, сам неторопливо спустился по пожарной лестнице. Не спеша, глядя во все глаза. Сынок попытался заставить себя поторопиться, быть очень осторожным. Но, естественно, он просто не смог удержаться. Руки у него больше не тряслись, он больше не потел.

К объятой пламенем гостинице со всех сторон начали подкатываться пожарные машины. Укрывшись в одном из близлежащих переулков, Сынок продолжал наблюдать за творением рук своих, с удовлетворением отметив, что пожару присвоена высшая категория. Давно уже ему не удавались подобные шедевры. Пожарные машины, помпы и лестницы приехали со всех соседних участков. Господи, этот пожар собрал целый батальон! Включив радиосканер, Сынок выяснил, что этот пожар получил код один.

Есть человеческие жертвы.

Впрочем, Сынку это уже было известно.

Пожарные расчеты продолжали прибывать. Десятки машин, насосы, лестницы. Красные и желто-зеленые. Резкий вой сирен. Кареты скорой помощи, полицейские машины. Пожарные в жарозащитном облачении, с кислородными баллонами и в масках скрывались в огне. Еще кареты скорой помощи. Еще полицейские машины. Красные и синие мигалки, сирены, каскады воды. Повсюду облака пара, словно призраки умерших. Неправильно припаркованные автомобили бесцеремонно растаскивали в стороны, освобождая дорогу пожарным шлангам.

Улицы вокруг горящей гостиницы запрудили толпы зевак. Мародеры приближались к самому оцеплению, оценивая риск.

Здание превратилось в бушующий оранжевый факел, огонь которого взлетал до мансардных номеров на восьмом этаже.

Когда пожар наконец был в основном взят под контроль, санитары скорой помощи начали выносить тела. Одни синюшные — тех, кто задохнулся. Другие красные словно вареные раки — жертвы огня и высокой температуры. И почерневшие, обугленные, сгоревшие, не имеющие ничего общего с человеческими существами, которыми они когда-то были.

Окна продолжали взрываться наружу. Потоки черного стекла проливались на улицу, а фонтаны воды из мощных брандспойтов петушиными хвостами поднимались вверх, обрушиваясь на угасающее пламя, превращая его в шипящий пар.

Сынок наблюдал за этим из соседнего переулочка.

Он оставался у горящей гостиницы до тех пор, пока наконец не увидел то, что ждал.

Мать рассказывала Сынку, что его отец любил ходить на охоту. Бить влет птиц, которых поднимал из кустов резвый ньюфаундленд по кличке Боско. Отец Сынка был хорошим охотником и проводил много времени за этим занятием, оттачивая свое мастерство, — хотя, вероятно, ему следовало думать не об этом. Сынок давно пришел к этому заключению, поскольку как только отец и Боско выходили за дверь, мать трахалась со всеми, кто появлялся дома.

Напротив, последний любовник матери Сынка никогда и ни на кого не охотился — если не считать отчаянные поиски спасения из объятий пламенем спальни. Которое он, разумеется, так и не нашел, благодаря Сынку и так кстати подвернувшемуся мотку проволоки.

И вот сейчас, в окутанном дымом хаосе предсмертной агонии гостиницы «Иглтон», Сынок увидел ту птицу, которую поднял он сам (прибегнув к помощи не жизнерадостной черной псыны, а пожара высшей категории сложности): Алекса, щербатого гомика с родинкой в виде крохотного листочка на правой лопатке.

Судорожно пытаясь отдышаться, молодой парень стоял, прислонившись к фонарному столбу, и таращился на горящее здание. Вероятно, думая то, что всегда думают в таких случаях люди: «А ведь и я мог оказаться там. Я мог погибнуть в огне. Я...»

— Совершенно верно, жалкий педик, — прошептал ему на ухо Сынок. — Мог бы.

Алекс мгновенно развернулся.

— Ты... я...

— Что ты хочешь сказать? — нахмурился Сынок. — «Ты, я...» Это что, ваш «голубой» жаргон?

Тощий Алекс попытался было спастись бегством, но Сынок набросился на него словно жук-богомол. Оглушив парня ударом рукоятки пистолета в висок, он огляделся по сторонам и затащил его глубже в темный переулок.

— А теперь, как бы слушай! — Сынок приставил дуло пистолета к уху Алекса и прошептал: — Как бы, считай себя покойником!

Пеллэм, запыхавшийся от быстрого бега, остановился, прижимаясь к забору из металлической сетки, ограждающему строительную площадку напротив «Иглтона».

О нет, только не это...

От гостиницы ничего не осталось. Сквозь некоторые окна верхних этажей проглядывало небо; буро-серый дым вырывался из остановившегося сердца здания. Пеллэм обратился к проходившему мимо санитару скорой помощи, невысокому, кругленькому мужчине с мокрым от пота закопченным лицом:

— Я ищу одного подростка. Светловолосого. Щуплого. Он находился в гостинице. Его зовут Алекс.

Уставший санитар обернулся:

— Извините, мистер, ничем не могу вам помочь. Я таких не видел. Но у нас восемь ОДН.

Пеллэм непонимающе покачал головой.

— «Обгоревших до неузнаваемости», — объяснил санитар.

Пеллэм бродил по оцепеневшей толпе, расспрашивая о пареньке. Кто-то ответил, что видел, как какой-то молодой парень спускался по пожарной лестнице, но ничего определенного добавить не смог. Другой человек, судя по всему, турист, попросил сфотографировать его на фоне сгоревшей гостиницы и протянул свой фотоаппарат. Молча посмотрев на него, Пеллэм пошел дальше.

У самого пепелища толпа была реже, и Пеллэм буквально столкнулся с брандмейстером Ломаксом. Тот посмотрел на него, не сказав ни слова. И отвернулся к четырем телам, лежащим на земле со скрюченными руками и поджатыми ногами, небрежно прикрытым простынями. Затрещала рация, и Ломакс сказал в микрофон:

— Командир батальона доложил, что надеется полностью ликвидировать возгорание к восемнадцати часам.

— Брандмейстер Ломакс, вас не понял.

Ломакс повторил слова командира батальона, после чего добавил:

— Судя по всему, пожар имеет подозрительное происхождение. Вызываю автобус с криминалистической бригадой.

— Будет сделано.

Ломакс убрал рацию на пояс. И так не отличавшийся особой аккуратностью, сейчас он представлял из себя совсем жуткое зрелище. Промокшая от пота рубашка, вымазанная в саже, порванные брюки. На лбу кровоточащая рана. Натянув резиновые перчатки, Ломакс наклонился и снял простыню, открывая один из ужасных трупов. Пеллэм отвернулся.

Не поднимая головы, Ломакс спокойным голосом произнес:

— Позвольте рассказать вам одну историю, мистер Везунчик.

— Я...

— Несколько лет назад я работал в Бронксе. Там был один ночной клуб на Южном бульваре. Обычный ночной клуб, знаете, что это такое? Место, где можно приятно провести время. Выпить, потанцевать. Он назывался «Счастливая страна». Каждый вечер там собирались человек сто, веселились, отдыхали. В этом районе жили выходцы из Гондураса. Хорошие ребята. Работающие. Ни оружия, ни наркотиков. Простые ребята... хотевшие лишь приятно провести время.

Пеллэм молчал. Его взгляд сам собой опустился на страшную картину обгоревших трупов. Пеллэм хотел отвернуться, но не мог.

— И вот один парень, — продолжал мертвым, безжизненным голосом Ломакс, — он попытался приударить за девчонкой, которая работала в гардеробе, а та дала ему от ворот поворот. Парень напился, вышел на улицу, купил на доллар бензина, вернулся, разлил бензин по коридору,

бросил спичку и отправился домой. Да-да, именно так: устроил поджог и отправился домой. Не знаю, посмотреть телевизор. Поужинать. Не знаю.

— Надеюсь, его поймали и отправили в тюрьму, — сказал Пеллэм.

— О да, поймали и отправили. Но дело не в этом. Я хотел вам рассказать про то, что во время того пожара погибли восемьдесят семь человек. По количеству жертв — самый страшный поджог за всю историю Соединенных Штатов. А мне пришлось работать в бригаде опознания. Видите ли, главная проблема заключалась в том, что погибшие танцевали.

— Танцевали?

— Совершенно верно. Женщины оставили сумочки, а мужчины повесили пиджаки с бумажниками на спинки стульев. Поэтому мы не могли определить, кто есть кто. Поэтому мы разложили все трупы и стали думать: «Господи, нельзя же заставить восемьдесят семь семей ходить туда и сюда по этой улице мертвых.» Поэтому мы сфотографировали трупы. По два снимка на каждое тело. И разложили фотографии в альбом, который показывали родственникам. Так вот, именно я листал этот альбом всем матерям, отцам, братьям и сестрам тех, кто в тот вечер был в «Счастливой стране». Я никогда не смогу забыть это.

Закрыв труп простыней, Ломакс посмотрел на Пеллэма.

— И это все сделал один человек. Один человек, купивший на доллар бензин, твою мать. А сейчас я просто хочу предупредить вас о том, что я собираюсь звонить окружному прокурору и просить перевода Этти Вашингтон из отдельного изолятора в общую камеру.

Пеллэм начал было что-то говорить. Но Ломакс, в каждом движении которого сквозила бесконечная усталость, выпрямился и перешел ко второму телу.

— Вашингтон убила того мальчишку, — сказал он. — К настоящему времени в центре предварительного содержания под стражей это уже известно всем. Я даю ей день. В лучшем случае, два.

Присев на корточки, Ломакс снял простыню.

21

Шторы в конторе Бейли были опущены.

Как сначала предположил Пеллэм, наверное, для того, чтобы не пускать в помещение жар улицы. Но затем он понял, что затемнение, вероятно,

было устроено по просьбе нервного мужчины, сидевшего напротив адвоката на рахитичном стуле, подавшись вперед. Гость постоянно ерзал на месте, настороженно оглядываясь по сторонам, словно ожидая удара наемного убийцы.

Не обращая внимания на посетителя, Пеллэм сказал адвокату:

— Я разыскал Алекса, но поджигатель меня опередил.

— Пожар гостиницы «Иглтон»? — понимающе кивнул Бейли.

— Да.

— Алекс погиб?

Пеллэм пожал плечами.

— Возможно. А может быть, он просто куда-то скрылся. Не знаю. Несколько тел до сих пор не опознаны.

— О господи! — вставил посетитель.

Пеллэм решил, он вот-вот начнет картинно ломать руки, но только руки его были заняты тем, что судорожно сжимали сиденье стула.

Затем Пеллэм передал адвокату слова Ломакса насчет перевода Этти в общую камеру.

— Только не это! — прошептал Бейли. — Это очень плохо. В общей камере Этти не продержится и часа.

— Черт побери, это же подлый шантаж, — пробормотал Пеллэм. — Вы можете помешать Ломаксу?

— В лучшем случае я смогу лишь оттянуть перевод. Окружной прокурор согласится пойти на все, если решит, что Этти под нажимом выдаст поджигателя.

Бейли черкнул несколько строчек на большом листе пожелтевшей на солнце писчей бумаги, после чего вновь повернулся к возбужденному посетителю, сидящему напротив. Это был тощий мужчина средних лет в длинноволосом парике. Брюки из ткани с блестками. Демон дискотек семидесятых. Адвокат представил мужчин друг другу.

Ньютон Кларк, пристав, пожал Пеллэму руку своей вялой ладонью, мокрой от пота. После этого он, обмякнув, опустился на свой шаткий насест, обтянутый дешевым кожзаменителем, словно из него выпустили

воздух, и больше не задерживал взгляда на Пеллэме дольше чем на секунду.

— Ньютон хочет рассказать нам кое-что любопытное. Начинай, чего ждать? Пеллэм, выпьете немного вина? Нет? Да вы прямо-таки настоящий трезвенник. Ну хорошо, Ньютон, говори. Сначала расскажи, где ты работаешь.

— В конторе «Пилсбери, Миллбанк и Хог».

— В адвокатской конторе Роджера Маккенны. Той самой, о которой говорила мне его жена.

— Совершенно верно.

Как выяснилось, Ньютон был секретарем главы конторы.

Бейли объяснил:

— Ньютон следит за расписанием деловых встреч, делает необходимые звонки, ведет дела. В общем, вы все поняли. Он не юрист. Хотя Ньютон мог бы быть юристом, верно? Ты так хорошо разбираешься в законах. — Адвокат взглянул на Бейли. — Но он хочет заниматься честным ремеслом.

Кларк смущенно улыбнулся, боязливо бросив взгляд в сторону окна, где спешащий прохожий отбросил мелькнувшую тень на пыльные шторы.

Бейли жадно глотнул вина.

— Ньютон, расскажи нам все, что знаешь о Роджере Маккенне.

— Ну, во-первых, ему известно все, что происходит в Адской кухне.

— В этом он сродни Санта-Клаусу, не так ли? Ведет свой список... Но ты не беспокойся, Ньютон, о твоём приходе сюда никто не узнает. Когда ты будешь уходить, мы наклеим тебе густые усы и накладной нос.

Уронив плечи, Кларк выпрямился и невесело усмехнулся.

— Господи, Луис, его дом находится прямо напротив. Разве нельзя было встретиться где-нибудь в более безопасном месте?

— Где? В Цюрихе? На Больших Каймановых островах? — с несвойственной ему желчью спросил Бейли. — Итак, что ты знаешь о Маккенне?

Ньютон начал свой рассказ. Судя по всему, он действительно был незаменимым секретарем. Ко всему он подходил пунктуально, дотошно, подробно. Пеллэм решил, что такого человека, казалось бы, идеального для документального повествования, можно использовать лишь в очень ограниченных объемах; ибо несмотря на точность и достоверность рассказа, Кларк говорил без тени эмоциональной окраски. А Пеллэм уже давно пришел к заключению, что зрители предпочитают броскую ложь бледной правде.

— Мне начинать?...

— С начала, — сказал Бейли. — С самого начала.

— Хорошо, хорошо. Так вот, мистер Маккенна родился и вырос в Кухне. В детстве он близко столкнулся с нищетой, лишениями... Когда ему исполнилось двадцать лет, мистер Маккенна решил кардинально изменить свою жизнь. Он бросил девушку, с которой был помолвлен, поскольку та была еврейкой. — Кларк украдкой взглянул на черты лица Пеллэма, проверяя, насколько неуместным было его последнее замечание, и продолжал: — Он нанял инструкторов, которые научили его правильно говорить и одеваться и тем самым помогли ему улучшить свой имидж, после чего стал делать карьеру на нью-йоркском рынке недвижимости. Свое первое здание во Флэтбуше мистер Маккенна купил, когда ему еще не было и двадцати трех лет. Затем здание на Проспект-парк, еще одно в Астории, потом пара на Холмах и одно в Уэстчестере. К двадцати девяти годам мистер Маккенна уже владел девятью зданиями.

Затем он продал все девять и перебрался в Манхэттен. Купил здание на Двадцать четвертой улице. В то время никто из серьезных инвесторов не работал в этой части города. Район считался трущобой. А нью-йоркский «сити» — высококлассный экономический район — простирался на юго до «Эмпайр-стейт билдинга» и обрывался на Уолл-стрит. Однако мистер Маккенна купил это здание, и вскоре его выкупила у него никто иной как крупнейшая страховая компания «Нью-Йорк лайф иншуренс». Выложила всю сумму сполна. Получив деньги, мистер Маккенна приобрел два новых здания, затем еще три, потом шесть. После этого он построил здание. Свое первое. Затем купил еще два. И дело пошло. Сейчас в Северо-Восточных штатах Маккенне принадлежат от шестидесяти до семидесяти зданий.

Пеллэм начал терять терпение.

— Маккенна когда-либо имел отношение к поджогам? — спросил он.

— Вот какой он непоседа, — заметил Бейли, кивая в сторону Пеллэма. — Настоящий киношник. Сразу переходит к классической сцене погони.

— Ну... — неуверенно протянул Кларк.

Однако больше у него ни на что не хватило сил, и Бейли пришлось его подтолкнуть:

— Говори же, Ньютон. Пеллэм друг.

— Ну хорошо, хорошо... В общем, точно никто ничего сказать не может. Никаких доказательств нет. Но в последнее время произошла цепочка несчастных случаев. Один профсоюзный лидер — он упал с тринадцатого этажа дома в Лексингтоне. Одного строительного инспектора, не пожелавшего взять взятку, придавил сорвавшийся с крана поддон с кирпичом. Разумеется, это произошло не на строительных площадках, принадлежащих мистеру Маккенне, но все эти люди имели к мистеру Маккенне то или иное отношение. Поставщики, вымогавшие у него деньги, — у них угнали несколько грузовиков. И, вы совершенно правы, в двух домах были устроены поджоги — продавцы заломили за них непомерно высокую цену. Эти люди не желали вести дело. Вот этого мистер Маккенна терпеть не может. Он ничего не имеет против торгов. Он даже не возражает, если кому-то удастся изредка его надуть. Но мистер Маккенна ненавидит, когда кто-либо просто отказывается вести с ним переговоры. Вот что для него самое главное. Необязательно вести с ним честную игру, но играть нужно в любом случае.

Пеллэм вспомнил стальной взгляд брюнетки на вечеринке у подрядчика. Неуступчивый соперник, готовый вести игру.

— Как вам удалось все это разузнать?

— Пойми, Ньютон, Пеллэм имеет полное право быть подозрительным, — сказал Бейли, обращаясь к Кларку. Он повернулся к Пеллэму. — Но вы можете не беспокоиться. Ньютон пользуется абсолютно достоверными источниками. — Еще один жадный глоток вина. — И у него девственно чистый мотив помогать нам, не так ли?

Повторив то, что рассказала ему Джоли, Пеллэм спросил:

— Насколько отчаянным является положение Маккенны?

— С сетью казино он потерпел полный провал. В настоящий момент мистер Маккенна находится всего в одном шаге от банкротства. Я имею в виду полное банкротство. Апокалипсическое банкротство.

— Кажется, сейчас мы подошли к самому главному, не так ли, Ньютон?

Кларк поправил парик, успокаивая чешущуюся кожу черепа.

— Мистеру Маккенне Башня необходима как воздух. — Он кивнул в сторону зашторенного окна, за которым на противоположной стороне улицы тянулось к небу многоэтажное здание. — Это его последний шанс, — дрогнувшим голосом добавил он.

Далее Кларк объяснил, что у Маккенны уже есть несколько арендаторов, готовых снять квартиры в Башне, как только строительство будет завершено, но его по-настоящему интересует лишь одна сделка. Компания Ар-эй-эс, занимающаяся рекламным бизнесом, решила сосредоточить многие свои подразделения в одном месте — пятнадцать этажей Башни снимаются сроком на десять лет, причем и без того немаленькая арендная плата будет ежегодно пересматриваться в сторону увеличения. Всего Ар-эй-эс готова выкладывать в год больше двадцати четырех миллионов долларов.

Однако, сотрудники рекламной компании очень переживают по поводу того, что им придется ездить на работу из жилых пригородов по тесным, запруженным транспортом улочкам Адской кухни, которые они, к тому же, небезосновательно считают опасными. Тогда компания Ар-эй-эс выставила условие: договор об аренде помещений будет заключен только в том случае, если Маккенна за свой счет построит подземный тоннель, проходящий под четырьмя кварталами и связывающий небоскреб со станцией «Пенн» Лонг-айлендской железнодорожной ветки, поблизости от которой, кроме того, находится станция метро.

Соглашение было подписано, и Маккенна подобно пиранье принялся пожирать права на строительство под землей своего тоннеля. Ему удалось получить согласие владельцев всех зданий, расположенных вдоль предполагаемого пути тоннеля, — всех кроме одного. Остался последний крошечный клочок земли на Тридцать седьмой улице, непосредственно за тем участком, на котором стоял дом, где жила Этти.

— И странное совпадение, — криво усмехнулся Бейли. — Этот участок был перекуплен всего за три дня до того, как представители Маккенны вышли на предыдущего владельца.

— То есть, кто-то наперед знал о том, что этот участок нужен Маккенне. Кто же?

— Джимми Коркоран, — объяснил Бейли. — Как вам это нравится?

— Коркоран? — переспросил изумленный Пеллэм.

Он вспомнил слова Джеко Дрю о том, что в последнее время Джимми вместе с братом разрабатывали какую-то крупную сделку. Также ему вспомнилось то, что Джоли рассказывала о таинственных ночных встречах.

Коркоран имеет дело с Роджером Маккенной... А это уже становится очень интересно.

Бейли продолжал:

— По сути дела, Джимми занимается чистейшим вымогательством. Потому что без этого последнего клочка тоннель Маккенне не видать как своих ушей. А если не будет тоннеля — прощай, договор аренды с Ар-эй-эс, и здравствуй, банкротство и суд.

— И вот как обстоит дело, — сказал Кларк, наконец продемонстрировав хоть какое-то оживление. — Коркорану принадлежит участок земли, который нужен мистеру Маккенне, так? Что ж, он готов сдать его в аренду мистеру Маккенне. Но только Коркоран настоял не на твердой сумме, а на доле прибыли. Он будет получать один процент от поступлений, которые будет приносить небоскреб. Со стороны Коркорана это просто блестящий шаг, потому что по самым скромным подсчетам Башня только арендной платы будет приносить около ста двадцати миллионов долларов в год.

— Следовательно, этот псих-ирландец сможет класть себе в карман одну целую, запятая, две десятых миллиона в год, — заметил Бейли.

Кларк продолжал:

— Мистер Маккенна еще никогда не соглашался платить кому бы то ни было процент от прибыли. Вот в каком безвыходном положении он очутился.

Пеллэм задумался.

— А дом, где жила Этти, — наконец сказал он, — тот, который сгорел, — он ведь находился непосредственно между Башней и участком земли Коркорана?

— Совершенно верно, — подтвердил Бейли.

— То есть, эта земля также нужна Маккенне, чтобы закончить тоннель. Это будет последняя точка.

— Похоже на то, — согласился адвокат.

— Как вам нравится такое предположение? — начал рассуждать вслух Пеллэм. — Маккенна заключает соглашение с владельцем здания — с фондом Святого Августина — и получает разрешение строить тоннель. Но только затем выясняется, что под зданием ничего строить нельзя. Быть может, оно слишком старое, быть может, там плохой грунт. Тогда Маккенна нанимает пироманьяка, чтобы тот поджег дом, и при этом сваливает всю вину на Этти. Теперь Маккенна получает свой тоннель, а фонд может строить новое здание.

Кларк пожал плечами.

— Я могу повторить только то, что уже говорил. Я никогда не видел мистера Маккенну в таком отчаянии.

— А все же, что именно грозит Маккенне, если его затея с небоскребом обернется провалом?

— С десятков банков потребуют у мистера Маккенны вернуть кредиты. Которые были взяты под личную гарантию, — добавил шепотом Кларк, словно сообщая о неприличной болезни. — Мистера Маккенну будет ждать банкротство. Он должен на полтора миллиарда больше, чем может отдать.

— Полагаю, он совсем этого не хочет, — заметил Пеллэм.

Бейли повернулся к Кларку:

— Ты не нашел в кабинете Маккенны документы о правах на подземное строительство под сгоревшим зданием?

— Нет, ничего. Однако Маккенна держит все свои карты закрытыми. Его партнеры всегда жалуются на то, что он ни во что их не посвящает.

Бейли поморщился.

— Все так сложно, да? Ну хорошо, Ньютон, можешь возвращаться на свои соляные копи.

Кларк замялся, уставившись на пыльный, истертый пол.

— В чем дело? — спросил у него Пеллэм.

Однако когда Кларк наконец заговорил, он обратился к Бейли.

— Мистер Маккенна обращается с людьми очень плохо. Постоянно на всех кричит, увольняет тех, кто делает что-то не совсем так, как он сказал, даже если впоследствии выясняется, что он был неправ. У него

часто бывают вспышки гнева. Он никому ничего не прощает. — В конце концов его взгляд на мгновение остановился на Пеллэма. — Я только хочу вас предупредить... будьте очень осторожны. Мистер Маккенна — человек мстительный. И беспощадный к врагам.

Эти слова, облаченные в форму предостережения, на самом деле означали кое-что другое: «забудьте человека по имени Ньютон Кларк».

Встав, Кларк поспешно вышел из конторы, бесшумно ступая тупоносими ботинками на платформе по линолеуму.

— Итак, у нас появился мотив, — сказал Пеллэм.

— Алчность. Самый древний и самый надежный из всех мотивов. Один из лучших.

Бейли снова наполнил стакан. Подняв шторы, он взглянул на строительство напротив.

— Нам необходимо выяснить, получил ли Маккенна права на строительство под участком земли, на котором стоял дом Этти, — сказал Пеллэм. — На этот вопрос вам сможет ответить глава фонда. Отец... как там его зовут. Да, кстати, а он вам перезвонил?

— Нет.

— Попробуйте связаться с ним еще раз.

Но Бейли покачал головой.

— Не думаю, что ему можно верить. Впрочем, я смогу все выяснить и без него.

— Через Клегга? — спросил Пеллэм, вспоминая тощего знатока лошадей, вооруженного сумками с бутылками виски.

— Нет, — задумчиво произнес Бейли. — Этим я займусь лично. Предлагаю встретиться здесь же, скажем, в восемь вечера. Как вы на это смотрите?

— Договорились.

Подняв взгляд, Бейли обнаружил, что Пеллэм пристально смотрит на него.

— Вам показалось, я вел себя с ним чересчур резко? Я имею в виду Ньютона?

Пеллэм пожал плечами.

— Мне наконец удалось раскрыть вашу тайну, Луис. Понять, как вы смазываете шестеренки.

— И как же?

— Вы возвращаете долги.

Хлебнув вина, адвокат усмехнулся и кивнул.

— Я давным-давно постиг всю силу долгов. Что делает человека таким могущественным — президента, монарха, главу крупного концерна? То, что люди ему обязаны — своей жизнью, работой, свободой. Вот в чем главный секрет. Тот, кто умеет доить долги, способен дольше кого бы то ни было удерживать власть.

Кубики льда, плававшие на поверхности лимонно-желтого вина, глухо застучали друг о друга.

— А чем вам обязан Кларк?

— Ньютон? О, на все про все около тридцати тысяч долларов. В свое время он был брокером. Несколько лет назад предложил мне вложить деньги кое в какую недвижимость, и я вбухал туда почти все свои сбережения. Вскоре выяснилось, что это было чистой воды мошенничество. Делом занялась федеральная прокуратура, а я лишился своих денег.

— И вот каким образом Кларк с вами расплачивается?

— Лично я считаю, что информация является очень ликвидными акциями. К несчастью Кларка, далеко не все остальные его кредиторы разделяют это мнение.

— И долго ему еще с вами расплачиваться?

Бейли рассмеялся.

— О, полагаю, Ньютон уже заплатил все сполна. Давным-давно. Но, разумеется, сам он в это не верит. И никогда не поверит. Вот что самое замечательное в долгах. Даже после того, как ты с ними полностью рассчитаешься, они все равно никогда тебя не оставят.

Никто не обратил внимания на молодого рабочего, вкатившего по пандусу в дом пятидесятипятигаллонную бочку чистящего средства. Времени было уже половина восьмого. Смеркалось, но на Тридцать

шестой улице словно царил карнавал: рабочие суетились, торопясь подготовить Башню Маккенны к церемонии открытия.

Сынок, одетый в белый строительный комбинезон, опустил тележку на пол и посмотрел на потускневшую табличку на двери с надписью: «Луис Бейли, адвокат». Прислушавшись, он ничего не услышал. Затем Сынок громко постучал в дверь, и, не дождавшись ответа, без труда вскрыл отмычкой замок — этим искусством он в совершенстве овладел в подростковой колонии — и вкатил баллон внутрь.

Теперь Сынка ни на минуту не покидала тревога. Пожар гостиницы «Иглтон» поднял на ноги полицию и пожарную охрану. Сынку еще никогда не приходилось видеть в Вест-Сайде столько фараонов и брандмейстеров. Они останавливали прямо посреди улицы машины и обыскивали водителей. Сынок чувствовал, что враги подбираются к нему все ближе и ближе. Необходимо остановить их любым способом. В вечерних выпусках новостей показывали его фоторобот.

Трясущиеся руки, мокрое от пота лицо.

И слезы. Напуганный, на грани отчаяния, Сынок, пока катил сюда бочку по Девятой авеню от своего дома, два или три раза ловил себя на том, что плачет.

Он прошел в контору адвоката и установил бочку рядом с письменным столом. После этого опустился в крутящееся кресло. Презрительно поморщился. Кожзаменитель. Агент Скаллери обставила свою квартиру с гораздо большим вкусом. И тем не менее контора Бейли порадовала Сынка. Здесь было так много бумаги. Ему еще никогда не приходилось поджигать кабинет адвоката, и он пришел к выводу, что пламя разгорится здесь очень быстро, поскольку здесь ну о-оч-чень много бумаги.

Сняв с полки несколько книг, Сынок раскрыл их наугад. Рассеянно взглянул на серые прямоугольники печатного текста. Он понятия не имел, каков смысл именно этих слов. Когда-то Сынок читал очень много (хотя он предпочитал, чтобы ему читала вслух мать). Но это было страшно давно, и сейчас он поймал себя на том, что книги его больше совершенно не интересуют. Сынок удивился. Это произошло как-то совсем незаметно. Впрочем, когда он в последний раз читал книгу? Много лет назад. О чем она была?

Книга выпала из его рук.

Да, Сынок вспомнил. Это была документальная повесть. О пожаре в цирке братьев Ринглинг в Хартфорде в 1944 году. Большой купол сгорел

за считанные минуты, и погибло больше полутора человека. Оркестр заиграл «Звездно-полосатое знамя навсегда» — условный сигнал цирка, предупреждающий о чрезвычайном происшествии артистов и рабочих сцены, однако пламя распространилось настолько стремительно, что всех зрителей спасти не удалось. Особенно Сынку запала в память судьба маленькой девочки, которую растоптала публика, бросившаяся к выходу. Оpoznать тело не представляло никакого труда, однако никто так и не забрал его из морга, и она навсегда осталась безымянной «неопознанной пострадавшей №1565».

Тогда, дочитав книгу, Сынок поразился, почему не испытал ни капли жалости к бедной девочке.

Очнувшись от воспоминаний, он снова принялся за дело.

На столе Сынок обнаружил пожелтевший листок бумаги с фамилией и номером телефона Пеллэма. «Полуночный ковбой» Джо Бак, педераст-антихрист... У Сынка снова затряслись руки, на лбу выступил крупными градинами пот, он опять почувствовал непреодолимое желание залиться слезами.

Прекрати, прекрати, прекратипрекратипрекрати-и-и!!!

Ему пришлось выждать какое-то время, чтобы хоть немного успокоиться.

Но надо довести дело до конца. Сынок выкрутил лампочку из настольной лампы и, осторожно раскрыв сумку, достал одну из своих особых зажигательных ламп, тяжелую, заполненную вязкой, молочно-мутной жидкостью. Аккуратно положив лампочку на стол, Сынок повернулся к бочке. Достав из кармана спецовки гаечный ключ, он начал отвинчивать болты, крепящие крышку.

22

Высоко в небе, в одной восьмой мили над землей, на крыше Башни Маккенны веером вспыхивали искры. Даже с тротуара Пеллэму были видны десятки крошечных солнц дуг электросварки.

Он думал о Кэрол Вайандотт, вспоминая, как смотрел на этот же самый поразительный небоскреб по дороге к ней домой, в тот раз, когда он остался у нее на ночь.

Пеллэм только что вернулся из центра помощи нуждающимся подросткам, где безуспешно пытался разыскать Кэрол. Но она уже ушла домой. Ее заместитель объяснила, что Кэрол весь день провела в суде. Один из подростков, живущих в центре, угрожал ножом переодетому

полицейскому, принимавшему участие в облаве на торговцев наркотиками. Кэрол пришлось шесть часов убеждать помощника окружного прокурора в том, что парень просто перепугался и вовсе не собирался нападать на сотрудника полиции.

Заместитель Кэрол добавила, что у ее начальницы выдался очень трудный день, и она вернулась из суда выжатая как губка. Для Пеллэма Кэрол не оставила никаких сообщений. Ничего для него не было и на автоответчике у нее дома.

Сейчас Пеллэм возвращался в контору Луиса Бейли, чтобы, как и было условлено, снова встретиться с адвокатом. Оторвав взгляд от искрящейся короны, венчающей Башню, он остановился и снова посмотрел на рекламный стенд, который уже видел десятки раз, когда шел брать интервью у Этти. Стенд, посвященный Башне Маккенны. Только сейчас Пеллэм обратил внимание на то, что под прилизанным изображением небоскреба были перечислены его основные характеристики. Шестидесятиэтажное сооружение будет управляться с помощью компьютера («умное» здание), в нем будет открытый для широкой публики атриум площадью десять тысяч квадратных футов, он будет оснащен автоматизированной пневматической системой удаления отходов и новейшими звукоизоляционными перегородками, в нем будут рестораны высшего класса, кинотеатр со зрительным залом на пять тысяч мест, дорогие бутики, туалеты с пониженным расходом воды, самопрограммируемые лифты...

Однако, гораздо больше Пеллэма поразило не это, а факты, не известные широкой публике, о которых ему сказал Луис Бейли: запутанные, многоходовые сделки, провернутые Маккенной с мэрией, комитетом охраны исторических памятников, управлением архитектуры, департаментом налогов и сборов, палатой инвентаризации имущества, профсоюзами, общественным советом округа Клинтон, вест-сайдским отделением демократической партии — сделки, в которых каждый квадратный дюйм еще недостроенного небоскреба был куплен, продан и сдан в аренду в обмен на налоговые льготы, обещания обеспечить выгодные контракты, создать рабочие места, благоустроить прилегающую территорию, а также — о да, просто на конверты с наличными, вложенные в алчные руки, называй это добровольными пожертвованиями или еще как угодно. Собственно возведение этого монументального здания не шло ни в какое сравнение с закулисной возней, сопровождавшей строительство.

Возможно, когда-нибудь Пеллэм снимет документальный фильм о небоскребе, похожем на этот.

И назовет его просто: «Небоскреб».

Отвернувшись от Башни Маккенны, Пеллэм вошел в здание, в котором располагалась контора Луиса Бейли. Он удивился, обнаружив дверь незапертой и чуть приоткрытой — внутри, как можно было видеть, было темно. Прищурившись, Пеллэм разглядел за письменным столом сгорбленный силуэт Бейли. Адвокат сидел, уронив голову на толстый юридический справочник. «Проклятие, напился и отключился,» — мысленно выругался Пеллэм, ощутив в воздухе сильный запах вина.

И чего-то еще. Чего именно? Чистящего средства? Какой-то очень едкий химический запах.

Пеллэм щелкнул выключателем.

Раздавшийся взрыв прозвучал совсем тихо, не громче хлопка лопнувшего полиэтиленового пакета, но огненный шар, вывалившийся из лампочки, оказался огромным.

Господи!

Огненная жидкость разлилась по столу, обволакивая адвоката. Тот судорожно отдернулся назад. Его лицо и грудь мгновенно вспыхнули ослепительным пламенем, а из горла донесся животный крик отчаяния. Бейли повалился на стол и забился в конвульсиях, громко выстукивая каблуками по полу и тщетно пытаясь сбить руками огонь.

Пеллэм бросился в спальню, ища одеяло или большое полотенце, чтобы сбить пламя. Когда он вернулся со старым пледом, контора была уже полностью заполнена дымом — густым, удушливым дымом, пропитанным зловонием паленого мяса.

— Луис!

Пеллэм накрыл адвоката пледом, но материя тотчас же вспыхнула, лишь увеличив нарастающую массу огня. Схватив телефон, Пеллэм набрал номер службы спасения. Однако линия была мертва; огонь пережег провода. Бросив трубку, Пеллэм выбежал в коридор, нажал кнопку пожарной сигнализации на стене и схватил старый огнетушитель. Вернувшись в контору, он перевернул тяжелый красный баллон, сорвал рычаг и направил шипящую струю пены на пламя.

Пока Пеллэм боролся с огнем, его обволакивал удушливый дым, проникая ему в легкие. Пеллэм закашлялся, у него перед глазами заплясали черные мошки. Но он упрямо держал огнетушитель, покрывая черное, дрожащее тело Бейли серой пеной.

Письменный стол и книжный шкаф по-прежнему были объаты огнем, и Пеллэм направил на них струю из огнетушителя. Языки пламени задрожали, съежились. Однако комната продолжала наполняться черным, густым дымом.

Сплюнув черную слизь, Пеллэм отшвырнул пустой огнетушитель и, шатаясь, побрел к входной двери за новым. По коридору бежали люди, спасаясь от пожара. Пеллэм попытался окликнуть их, но не смог издать ни звука. Он поймал себя на том, что начинает задыхаться. Пеллэм повалился на пол. Там воздух был чуть лучше, и все же он был наполнен дымом и зловонием копченой смерти.

У Пеллэма стали отказывать легкие. Развернувшись, он пополз к двери. Тут появился первый пожарный.

— Там, — прошептал Пеллэм.

И, потеряв сознание, распластался на полу.

Пеллэм жадно глотнул воздух из маски, и головокружение от отравления дымом сменилось опьянением от чистого кислорода.

Вокруг мигали огоньки десятка машин чрезвычайных служб. Пожарные машины, кареты скорой помощи, полицейские крейсеры. Яркий белый свет. Подкрашенный красным и синим.

— С вами все в полном порядке, — подбодрил Пеллэма санитар скорой помощи, молодой парень с редкими светлыми усиками. Громоздкое медицинское снаряжение болталось у него на поясе и оттопыривало карманы. — Дышите глубже. Ну же, все позади, успокойтесь.

Санитар черкнул что-то на табличке, затем заглянул Пеллэму в глаза, подсвечивая тонким фонариком, и померил ему давление.

— Кажется, все хорошо, — подтвердил высокий голос.

На Пеллэма нахлынули воспоминания о жутком пожаре.

— Он умер, да?

— Он? Боюсь, что да. У него не было никаких шансов. Но, поверьте, для него это явилось благословением. Мне уже приходилось иметь дело с обгоревшими при пожаре. Для бедняги лучше, что он умер быстро, а не мучился от заражения крови и пересадки кожи.

Пеллэм перевел взгляд на тело, лежавшее на земле неподалеку, прикрытое простыней.

Пеллэму стало мучительно больно при мысли о том, что ему придется сообщить Этти трагическое известие о Бейли. Внезапно ему на плечо легла чья-то рука, кто-то опустился рядом с ним на корточки.

— Как вы себя чувствуете? — спросил незнакомец.

Пеллэм вытер из глаз слезы, вызванные дымом. Взор его по-прежнему застилала мутная пелена. Наконец он смог разглядеть склонившееся над ним лицо. Потрясенный Пеллэм сдавленно прошептал:

— Вы здесь. С вами все в порядке.

— Со мной? — удивился Луис Бейли.

— Это были не вы. А я думал, это были вы.

Пеллэм кивнул на труп.

— Я мог бы оказаться на его месте, — сказал Бейли. — Но это он — пироманьяк.

— Поджигатель?

Адвокат кивнул.

— Брандмейстер говорит, он поставил ловушку — думаю, надеясь расправиться с нами обоими.

— Я зажег свет, и бомба сработала, — прошептал Пеллэм.

Он начал кашлять и долго не мог остановиться.

— Сукину сыну следовало сначала выкрутить лампочку, — проворчал рядом чей-то голос. Это был брандмейстер Ломакс. Он подошел к Пеллэму и Бейли. — Рано или поздно поджигатели теряют бдительность. Как и серийные убийцы. Через какое-то время вождение становится неудержимым, и они перестают заботиться о мелочах. — Ломакс кивнул на труп, накрытый простыней. — Он закрыл все окна в вашем кабинете. Затем открыл баллон со своим самодельным напалмом. Вентиляции здесь нет. Ублюдок потерял сознание, надышавшись парами. Потом сюда пришли вы, мистер Везунчик, и зажгли свет. И бубух!

— Кто это был? — спросил Пеллэм.

Брандмейстер показал сильно обгоревший бумажник, уложенный в пластиковый пакет.

— Некий Джонатан Стилливо-младший. О, мы о нем наслышаны. Известен под прозвищем Сынок. Еще подростком отбыл срок за то, что спалил дом своей матери на окраине штата Нью-Йорк — разумеется, так случилось, что как раз в этот момент дружок его матери оказался заперт в спальне наверху. Классический пироманьяк. Маменькин сынок, в школе был одинок, сексуальные конфликты. Когда учился в колледже, устраивал из тщеславия пожары — понимаете, сам устраивал, сам и тушил, чтобы прослыть героем. С тех самых пор поджигает ради выгоды и ради удовольствия. Мы давно собирались побеседовать с ним по поводу последних пожаров, однако Сынок некоторое время назад как сквозь землю провалился, и у нас не было никаких зацепок. Вот это мы обнаружили у него в кармане. Кое-что еще можно разобрать.

Пеллэм взглянул на обгоревший план города. Крестики, обведенные кружками, отмечали места последних пожаров: станция метро на Восьмой авеню, универмаг. Два крестика остались не обведены кружками, и Пеллэм предположил, что это были следующие цели. Одной из них было здание, в котором располагалась контора Бейли. Другой — конференц-зал Джевитса.

— Господи, — прошептал Бейли.

Этот зал был самым просторным помещением в Нью-Йорке.

Ломакс сказал:

— На завтра там намечен показ мод. Должно будет собраться около двадцати двух тысяч человек. Пожар в зале мог стать самым страшным пожаром в истории человечества.

— Ну, теперь поджигатель мертв, — сказал Пеллэм. Помолчав, он добавил: — Полагаю, он не сможет дать показания, кто его нанял.

Но тут он перехватил взгляд, которым обменялись Бейли и брандмейстер.

— В чем дело, Луис?

Ломакс знаком подозвал полицейского в форме. Тот, неторопливо приблизившись, протянул ему пластиковый пакет.

— Это тоже было в бумажнике поджигателя.

В пакете лежал листок бумаги. Хруст пластика почему-то подействовал Пеллэму на нервы. Напомнил о пламени, с которым он только что боролся. Пеллэм снова увидел перед глазами корчившееся в судорогах тело Сынка. Почувствовал запах паленого мяса.

Взяв пакет, Пеллэм прочитал:

Вот 2 тысячи, как и было условлено. Постарайся сделать так, чтобы никто не пострадал. Я оставлю дверь незапертой — ту, что сзади. Остальное отдам, когда получу деньги за страховку.

Этти

23

Неловко вскочив на ноги, Пеллэм уронил кислородную маску на асфальт.

— Это подделка, — поспешно воскликнул он. — Это грязная...

— Пеллэм, я уже говорил с ней, — остановил его Бейли. — Я десять минут говорил с ней по телефону.

— С Этти?

— Джон, она во всем созналась, — тихо произнес Бейли.

Пеллэм не мог оторвать взгляда от тела Сынка. Почему-то простыня — обычная постельная принадлежность, которой пользуются во время сна, — произвела на него более жуткое впечатление, чем само обожженное тело.

Бейли продолжал:

— По ее словам, она не предполагала, что кто-либо пострадает во время пожара. Она не желала ничьей смерти. Я ей верю.

— Этти созналась? — прошептал Пеллэм.

Отхаркнувшись, он сплюнул. Закашлял, снова сплюнул. Постарался отдышаться.

— Луис, я хочу увидеться с ней.

— Не думаю, что вам следует это делать.

Пеллэм сказал:

— Признание вытянули угрозой. Этти шантажировали.

Он кивнул в сторону Ломакса, который стоял на тротуаре, разговаривая со своим верзилой-помощником. Брандмейстер услышал слова Пеллэма,

но ничего не сказал. А зачем ему было что-то говорить? Он получил поджигателя. Получил женщину, которая того наняла. Казалось, Ломаксу было стыдно за Пеллэма, произнесшего эти полные отчаяния слова.

Пожилой адвокат устало произнес:

— Джон, никакого принуждения не было.

— Ну а кассир банка? Тот, который выдавал деньги? Давайте его разыщем.

— Кассир опознал Этти по фотографии.

— А вы пробовали показывать ему Эллу Фитцджеральд?

Бейли промолчал.

Пеллэм спросил:

— Что вы обнаружили в мэрии?

— Насчет тоннеля? — Бейли пожал плечами. — Ничего. Нет никаких письменных свидетельств о полосе отчуждения, о праве строительства под домом, в котором жила Этти.

— Значит, Маккенна...

— Джон, все кончено.

С противоположной стороны улицы донесся пронзительный гудок. Пеллэму захотелось узнать, что это означает. Рабочие не обратили на сигнал никакого внимания. На строительной площадке их еще оставалось несколько сотен. Даже несмотря на такой поздний час.

— Пусть Этти отсидит свой срок, — продолжал Бейли. — Ей ничто не будет угрожать. Тюрьма среднего режима безопасности. Протекционная изоляция.

Этот витиеватый термин означал: заключение в одиночной камере. По крайней мере, так обстояли дела в тюрьме «Сан-Квентин», находящейся в ведомстве исправительных учреждений штата Калифорния. Одиночка... самое страшное, что только может быть в тюрьме. В одиночестве у заключенного умирает душа, хотя тело его и остается здоровым.

— Этти выйдет из тюрьмы, — закончил адвокат, — и все останется позади.

— Да? — спросил Пеллэм. — Этти сейчас уже семьдесят два. Когда ей можно будет рассчитывать на условно-досрочное освобождение?

— Лет через восемь. Возможно.

— Господи!

— Пеллэм, — грустно произнес адвокат, — почему бы вам не отдохнуть немного? Взять отпуск?

Что ж, определенно, теперь ему остается только это — причем неважно, хочет он того или нет. «К западу от Восьмой авеню» уже никогда не будет закончена.

— Вы уже связались с ее дочерью?

Бейли вопросительно склонил голову.

— С чьей дочерью?

— Как с чьей, с дочерью Этти... Почему вы смотрите на меня так странно? — спросил Пеллэм.

— Этти уже много лет ничего не слышала об Элизабет. Она понятия не имеет, где сейчас ее дочь.

— Да нет же, Этти несколько дней назад разговаривала с Элизабет по телефону. Та в Майами.

— Пеллэм... — Бейли медленно потер ладони. — Когда в конце восьмидесятых умерла мать Этти, Элизабет прихватила драгоценности старухи и все сбережения Этти и скрылась. Сбежала с каким-то типом из Бруклина. Они действительно направлялись в Майами, но никому не известно, где Элизабет в конце концов обосновалась. И с тех самых пор Этти ничего не знает о ее судьбе.

— Этти сказала мне...

— Что Элизабет владеет небольшой гостиницей на курорте? Или что она заведует сетью ресторанов?

Пеллэм уставился на рабочих в касках, которые тащили на спине стеновые панели. Тонкие листы изгибались вверх и вниз, подобно крыльям. Наконец Пеллэм сказал:

— Этти сказала, что ее дочь занимается недвижимостью.

— О, это она тоже любит говорить.

— Она сказала неправду?

— Я думал, вы знаете. Вот почему меня так встревожил мотив — деньги за страховку. В прошлом году Этти обратилась ко мне с просьбой помочь нанять частного детектива, который занялся бы розысками Элизабет. Она полагала, что ее дочь находится где-то в Соединенных Штатах, но где именно — неизвестно. Я сказал, что такая работа будет стоить тысяч пятнадцать долларов, а может быть, и больше. Этти ответила, что деньги она обязательно раздобудет. Она была полна решимости во что бы то ни стало разыскать свою дочь.

— Так значит, Элизабет не оплачивает ваши услуги?

— Мои услуги? — мягко рассмеялся Бейли. — За свою работу я ничего не беру с Этти. Ни цента.

Пеллэм потер глаза. Вспоминая тот день, когда впервые встретился с Бейли. В баре, в «филиале».

«Вы действительно хотите впутаться в эту историю?»

Тогда Пеллэм подумал, что адвокат просто предостерегает его о том, насколько опасно в Адской кухне. Но, судя по всему, Бейли имел в виду не только это: он знал Этти значительно лучше, чем полагал Пеллэм.

Пеллэм медленно подошел к пустырю, на котором еще недавно стоял дом Этти. Земля была практически выровнена. У тротуара остановился издававший виды грузовичок, и из него вышли двое. Подойдя к небольшой куче мусора, они вытащили из нее обломок скульптуры из известняка: львиную голову. Смахнув с нее пыль, вдвоем оттащили в грузовичок. Вероятно, львиная голова отправится в антикварный магазин в одном из богатых районов города, где ее выставят на продажу за тысячу долларов. Мужчины снова вернулись на пустырь, не нашли больше ничего заслуживающего внимания и уехали.

Бейли окликнул:

— Пеллэм, забудьте обо всем. Возвращайтесь домой. Забудьте обо всем.

* * *

В настоящий момент линия метро «Восьмая авеню» не обслуживает пассажиров вследствие операции, осуществляемой полицией.

Приносим извинения за доставленные неудобства.

Пассажирам предлагается воспользоваться наземными...

У Джона Пеллэма мелькнула было мысль подождать, но, подобно большинству пассажиров, пользующихся услугами системы скоростного транспорта Большого Нью-Йорка, он знал, что существенным фактором, определяющим скорость передвижения, является судьба; поэтому в конце концов Пеллэм решил пройти пешком до перекрестка, где можно будет сесть в автобус до Ист-Вилледжа.

Покинув грязный вагон метро, Пеллэм поднялся по лестнице на улицу.

К западу от Восьмой авеню магазины уже не работали, и витрины скрылись за металлическими жалюзи.

Давно уже сгустились вечерние сумерки, но небо озарялось ложным рассветом — отсветом огней города, отражающихся от реки. Этот пестрый занавес продержится до самого утра.

— Привет, милоч, как насчет того, чтобы приятно провести время вдвоем?

К западу от Восьмой авеню детей уже уложили спать. Отцы семейств поглощали горячий ужин, сидя в старых, потертых креслах, все еще не отошедшие от тяжелого трудового дня в посыльной службе, на складах или в ресторанах. Или же у них из головы еще не выветрился хмель от долгих часов пребывания в барах и пивных, где они проводили день в бесконечных разговорах, спорах, смеясь и недоумеая, как им удалось прожить целую жизнь, так и не познав любви и счастья. Кто-то снова возвращался в бары после угрюмого ужина с молчаливой женой и шумными детьми.

В крохотных квартирках женщины мыли пластиковую посуду, усаживали детей и сокрушались по поводу очередного роста цен на продукты, при этом болезненно завидуя физической форме, одежде и проблемам тех, кого показывали по телевизору.

В такую жаркую ночь в каменных мешках невыносимо душно, но дома здесь старые, и электропроводка не способна выдержать кондиционеры. Большинство квартир было наполнено гулом вентиляторов, но кое-где отсутствовало даже это.

— Я болен. Мне никак не удастся найти работу. Честное слово.

К западу от Восьмой авеню у каждого крыльца сидели кучки людей. Яркие красные точки тлеющих сигарет двигались ко ртам и обратно. Свет фар проезжающих мимо машин отражался янтарем в пивных бутылках, звенящих о бетон ступеней постоянно изменяющимися тонами по мере того, как в них убывало содержимое. Голоса громкие настолько, чтобы только перекрывать шум транспорта на Вест-сайдской автостраде, по которой тысячи машин спешили покинуть город, даже в этот поздний час.

— Дайте четвертак на пропитание! Угостите сигаретой! Ну да ладно, все равно, спокойной вам ночи. Да хранит вас бог!

В окнах жилых домов мерцали отсветы от экранов телевизоров, и часто они были не голубыми, а бледно-серыми, от допотопных черно-белых аппаратов. Многие окна оставались совершенно темными. В некоторых резким светом горела одинокая лампочка без абажура, и на ее фоне вырисовывалась неподвижная голова, уставившаяся на улицу.

— Что ты хочешь? Есть «крэк», «снежок», травка, «скорость», любые калики. Если у тебя есть доллар, могу предложить клевую киску... Парень, у меня СПИД, я бездомный... Прошу прощения, сэр, гоните ваш бумажник, мать вашу...

К западу от Восьмой авеню молодые парни бродили по улицам, сбившись в кучки. Они были неуязвимыми. Здесь они будут жить вечно. Здесь пуля проходит насквозь через щуплое тело, оставляя сердце нетронутым. Банды скользили по темным переулкам, таская с собой свою собственное музыкальное сопровождение.

Это мир белых людей, не надо быть слепым...

Открой глаза, и что ты увидишь?

У него есть словечко для тебя -

Он замочит твоих братьев и сестер.

Это мир белых людей...

Это мир белых людей...

Две банды встретились, разделенные улицей. Громкость магнитофонов уменьшилась. Парни смерили друг друга взглядами, обменялись жестами. Поднятые руки, растопыренные пальцы. Иногда бывает, что противная сторона посчитает подобную браваду оскорбительной. В таких случаях на свет извлекается оружие, и кто-то умирает.

К западу от Восьмой авеню оружие есть у каждого.

Однако сегодня все окончилось миром. Ручка громкости магнитофонов снова выкрутилась до предела, и банды разошлись в противоположные стороны, окруженные буйством музыки.

Это мир белых людей. Это мир белых людей...

На задних сиденьях припаркованных машин сплелись в объятиях влюбленные, а рядом с провалившимся полотном старой нью-йоркской железной дороги, поблизости от Одиннадцатой авеню мужчины опускались на колени перед другими мужчинами.

Было уже за полночь. Молодые любители танцев спешили домой из клубов и дискотек. Как и актеры бродвейских театров, такие же усталые. Те, кто сидел на ступеньках у подъездов домов, гасили сигареты, прощались друг с другом и ставили на тротуары недопитые бутылки пива, которые тотчас же тотчас же подбирались.

Были сирены, билось стекло, громко вопил чей-то обезумевший голос.

Пора уходить с улиц.

Это мир белых людей. Это мир белых людей...

К западу от Восьмой авеню мужчины и женщины ложились в дешевые кровати, слушая эту песню, которая проплывала по улице под окном или врывалась в спальню из соседней квартиры. Музыка была повсюду, но большинство просто не обращало на нее внимания. Усталые, измученные жарой, люди лежали в кроватях, уставившись в грязные потолки, и думали: «Всего через несколько часов у меня снова начнется рабочий день. Дайте мне хоть немного поспать. Пожалуйста, пусть станет чуть прохладнее, и я хоть немного посплю.»

24

— Дружище, у тебя не хватает зуба. Ты что, не умеешь драться?

— Их было трое на одного, — объяснил Пеллэм Гектору Рамиресу.

— И?

Следующий день, полдень. Рамирес сидел на крыльце базы «Кубинских лордов» и курил сигарету.

— Жарко, — заметил Пеллэм. — Пиво у тебя есть?

— Он спрашивает, есть ли у меня пиво! Ты какое хочешь?

— Любое, лишь бы было холодным.

Поднявшись, Рамирес пригласил Пеллэма пройти в квартиру.

— Кто это сделал? — спросил он, указывая на его лицо, все в синяках.

— Ребята Коркорана. Они прослышали о том, что у нас произошло в тот вечер. Помнишь, с Маккреем? Коркоран потянул спичку, решая, кого будет веселее избить до полусмерти, тебя или меня. Выиграл я.

— Эй, если хочешь, я для тебя кого-нибудь замочу. Или хотя бы выбью пулей коленную чашку. Ради тебя я все сделаю. Без труда.

— Да ничего, можно и без этого, — остановил его Пеллэм.

— Ты не стесняйся, мне ничего не стоит.

— Может быть, как-нибудь в следующий раз.

Рамирес пожал плечами, словно Пеллэм был сумасшедший, и толкнул дверь. Пеллэм отметил, что в тени ниши стоит молодой латиноамериканец с пистолетом за поясом.

Парень обратился по-испански к Рамиресу, и тот рывкнул ему краткий ответ. Посмотрев на лицо Пеллэма, парень рассмеялся. Пеллэму захотелось думать, что это явилось выражением восхищения.

Рамирес постучал в дверь одной из квартир первого этажа и, не дождавшись ответа, отпер замок и толчком распахнул ее, приглашая Пеллэма войти первым.

Квартира оказалась просторной и уютной. Новая мебель, диван, все еще обтянутый полиэтиленом. На кухне стопки упаковок продуктов и мешки с рисом. В одной спальне на полу пять матрасов, накрытых простынями. В другой — коробки с виски и сигаретами. Пеллэм не стал интересоваться, откуда все это.

— Итак, что хочешь — «Дос», «Текате»?

— «Дос».

Рамирес достал из холодильника две бутылки пива. Прижал горлышками к столу, одним хлопком ладони сбил крышки с обеих. Передал одну Пеллэму, и тот жадным глотком выпил чуть ли не половину.

В комнате была духота. В обоих окнах стояли кондиционеры, но они не работали. В зашторенные окна проникал горячий, пыльный воздух, и жара казалась осязаемой на ощупь.

Сняв с кухонного стола коробку, Рамирес достал из нее пару кроссовок и начал их зашнуровывать. Кроссовки были в точности такие же, как те, что он подарил Исмаилу.

— На, приятель, возьми.

— Какое у вас в штате наказание за принятие в дар краденого? — спросил Пеллэм.

— Твою мать, я их нашел!

Попрыгав, Рамирес одобрительно посмотрел на кроссовки.

— Терпеть не могу спортивную обувь.

— Да, ты предпочитаешь ковбойские сапоги. Господи, почему ты носишь эти долбанные сапоги? У тебя ноги в них не болят? Итак, Пеллэм, что ты здесь делаешь? Зачем пожаловал ко мне в гости?

— Я уезжаю из города, — ответил Пеллэм. — Пришел за своим револьвером.

— Насколько я слышал, та *moqueta*, она призналась в том, что подожгла свой дом. Дружище, она твоя хорошая знакомая. Представляю, как тебе плохо. Но никто не имеет права сжигать здесь старые дома. Это очень плохо.

Рамирес завязал шнурки аккуратным бантиком и туго затянул узел. Медленно встал, наслаждаясь ощущением новых кроссовок. Поочередно попрыгал на носках и на пятках. Сделал обманное движение в сторону и вдруг резко взмыл вверх, соскоблив кончиками пальцев побелку с потолка.

Пеллэм обратил внимание на написанную от руки табличку, висящую на стене рядом с рекламным плакатом спортивного «Корветта», на который облакачивалась одетая в бикини фотомоделка.

Ты стоишь у колыбели «Кубинских лордов».

Или ты Друг, или проваливайся к такой-то матери.

Рамирес перехватил его взгляд.

— Да-да, — заметил он, — сейчас ты скажешь, что надо было написать «проваливай».

— Нет, я хотел сказать, что это чертовски отличный плакат.

— Ты в баскетбол играешь? — вдруг спросил Рамирес.

— Немного.

Последний раз Пеллэм играл один на один с человеком в инвалидном кресле и проиграл со счетом два — шесть. Жаль, что ему не придется сыграть с Исмаилом; возможно, мальчишку он еще смог бы обыграть.

— Сегодня я отправляюсь в Вилледж, сыграю на половине площадки. Там есть здоровенные мойетос. Слушай, как же эти ниггеры хорошо играют... Поехали со мной.

— Благодарю, но я уезжаю отсюда, — сказал Пеллэм.

— Ты имеешь в виду, навсегда?

Пеллэм кивнул.

— Забираю свой фургон и отправляюсь назад на Западное побережье. Нужно будет немного поработать. Я кое у кого взял в долг, и примерно через пару месяцев эти люди начнут требовать у меня вернуть деньги.

— Хочешь, я с ними поговорю? Я смогу...

Пеллэм поднял руку.

— Не надо.

Пожав плечами, Рамирес задрал в углу кухни линолеум и приподнял одну из половиц. Достав «кольт» Пеллэма, он протянул револьвер.

— Дружище, ты просто спятил — расхаживаешь с таким старьем. Я достану тебе отличный «торес». Просто прелесть. Тебе очень понравится. Бам, бам, бам. В наши дни без обоймы с пятнадцатью патронами никак не обойтись.

— Знаешь, мне так много не бывает нужно.

Положив половицу на место и закрыв ее линолеумом, Рамирес сказал:

— Я телек почти не смотрю, но обязательно включу, когда будут показывать твой фильм, Пеллэм. Когда это случится?

— Я дам тебе знать, — пробормотал Пеллэм.

Дверь бесшумно открылась, и в комнату вошел молодой латиноамериканец, подозрительно косясь на Пеллэма. Подойдя к Рамиресу, он что-то шепнул ему на ухо. Тот кивнул, и молодой парень вышел.

Встав, Пеллэм направился к двери. Рамирес сказал ему вслед:

— Эй, а может быть, ты раздумаешь так торопиться. У этого парня есть для тебя кое-какие новости.

Рамирес кивнул вслед парню, который только что вышел.

— Кто он?

— Мой брат.

— Новости?

— Точно. Ты ведь хотел узнать, кто обчистил твою квартиру?

— Я уже знаю. Это сделал пироманьяк. Тот поджигатель. Судя по всему, он случайно попал в кадр, когда я снимал здание на следующий день после пожара.

Попрыгав в девственно новых кроссовках, Рамирес покачал головой.

— Ты неправ, приятель. Абсолютно неправ.

— Здорово, приятель!

— Привет, Исмаил.

Пеллэм остановился перед центром помощи нуждающимся подросткам. Жаркий, пыльный воздух пересекал косой солнечный луч, отразившийся от соседнего здания.

— Что с тобой, парень?

— Да так, ничего, — ответил Пеллэм. — Ты-то как?

— Болтаюсь, сам знаешь. Что там у тебя?

— Подарок.

— Отлично, приятель.

Мальчишка жадно уставился на большой пакет. Пеллэм протянул его. Раскрыв пакет, Исмаил достал баскетбольный мяч.

— Ого, Пеллэм, ну ты чувак! Вот здорово! Эй, братва, смотрите!

К нему подошли двое подростков, чуть постарше. С восхищением осмотрев мяч, они принялись бросать его друг другу.

— Как оно там? — спросил Пеллэм, кивая на дверь подросткового центра.

— Не слишком плохо. Особенно не пристают. Но знаешь, заставляют сидеть и слушать всяких психов, понимаешь, священников и адвокатов. Они говорят всякую чушь. Говорят, говорят, так, что уши начинают вянуть, потом спрашивают о том, в чем сами ни хрена не разбираются. — Мальчишка совсем по-взрослому пожал плечами. — Но, твою мать, такова жизнь, правда?

С этим Пеллэм не стал спорить.

— И еще, приятель, должен тебе сказать, что твоя Кэрол та еще стерва, — прошептал Исмаил, оглядываясь по сторонам. — Держись от нее подальше. Представляешь, она приставала ко мне, почему я сегодня вернулся в три часа ночи. Вывалила на меня кучу дерьма. Но я объяснил этой сучке, куда она должна пойти.

— Неужели?

— Ну да, черт побери... По крайней мере, попытался. Но я этой стерве бесполезно что-либо объяснять.

— А действительно, почему ты вернулся в три часа ночи?

— Я просто...

— Просто шатался по улицам.

— В самую точку, Пеллэм. — Исмаил повернулся к своим приятелям. — Братва, пошли постучим мячом.

Мальчишки скрылись в переулке, довольные жизнью, как и все десятилетние подростки в мире.

Пеллэм толкнул скрипящую дверь.

Кэрол, сидевшая за столом, подняла взгляд. Как только она увидела выражение лица Пеллэма, ее улыбка погасла.

— Привет, — сказала Кэрол.

— Здравствуй.

— Извини, что не давала о себе знать, — продолжала она. — Ты, наверное, решил, что я куда-то пропала. Но на нас здесь навалилось столько работы...

Ее слова были свинцово-тяжелыми.

Молчание. В воздухе плавали пылинки. Амебы, выхваченные резким светом.

— Ну хорошо, — наконец снова заговорила Кэрол, — я не перезвонила потому, что испугалась. У меня уже столько времени никого не было. И я не могу похвастаться, что в прошлом мои отношения с мужчинами были безоблачными.

Пеллэм скрестил руки на груди. Посмотрел сверху вниз на кипу бумаг на письменном столе, за которым сидела Кэрол. Какие-то документы, составленные государственными учреждениями, бесконечно заумные и непонятные.

Кэрол откинулась на спинку кресла.

— Но ты пришел не из-за этого, да?

— Да.

— Итак?

— Я просто услышал кое-что любопытное.

— Например?

— В тот день, когда произошел пожар, ты расспрашивала обо мне.

Слухи, которыми полнится улица.

— А ты что думал — красивый парень, ковбойские ботинки. Разумеется, я стала задавать вопросы.

Кэрол деланно рассмеялась. Она рассеянно поднесла руки к жемчужному ожерелью, затем подняла их выше, к очкам, и задвинула их на переносицу.

Пеллэм сказал:

— Ты выяснила, где я живу. И залезла ко мне в квартиру утром того дня, когда я остался у тебя ночевать. Пока я спал в твоей кровати.

Кэрол кивала. Не возражая и не поддакивая, не выражая никаких чувств. Чисто интуитивно. Она оглянулась вокруг. Отложила ручку. Ее лицо затянулось непроницаемой маской, скрывающей мысли.

— Давай поднимемся наверх. Там нам никто не мешает.

Они прошли к лифту. В кабине Кэрол с мрачным видом прислонилась к стенке. Уставившись на пол, она принялась рассеянно смахивать воображаемую пыль, покрывшую решительное латинское слово, обозначающее правду, выведенное на футболке.

Избегая смотреть Пеллэму в глаза, Кэрол болтала ни о чем. Беззаботным тоном она поведала Пеллэму о том, что компания, занимающаяся установкой и обслуживанием лифтов, обещала подарить подростковому центру новый лифт. В кабине будет большая табличка со словами благодарности. Как будто подростки смогут, вняв призыву этой скрытой рекламы, побежать и закупить себе собственные лифты.

— Просто диву даешься, на что только не пойдут люди ради рекламы.

Пеллэм ничего не ответил, и Кэрол умолкла.

Двери открылись, и Кэрол первая пошла по тускло освещенному люминесцентными лампами коридору, выложенному грязными, облупленными плитками.

— Сюда.

Она толкнула дверь, и Пеллэм шагнул внутрь — и только потом понял, что это были не кабинет или кафетерий, а угрюмая кладовка.

Кэрол закрыла дверь. Теперь в ее движениях появилась целеустремленность; глаза стали холодными. Пройдя в глубину помещения, она отодвинула в сторону какие-то коробки. Нагнулась и принялась что-то искать.

— Извини, Пеллэм.

Кэрол умолкла. Перевела дыхание. Пеллэм не видел, что она держит в руке.

Его рука непроизвольно потянулась к «кольту», засунутому сзади аз пояс. Нелепо думать, будто Кэрол может сделать ему что-то плохое. И все же это Адская кухня.

«Человек проходит средь бела дня по уютному скверику мимо жилого дома и любуется цветами, а в следующее мгновение он уже лежит на земле с пулей в ноге или с киркой в затылке.»

И ее глаза... холодные, бледные глаза.

— О, как все это противно, твою мать...

Кэрол поджала губы. Вдруг она резко обернулась, вскидывая руку, в которой было зажато что-то темное. Пеллэм потянулся за револьвером. Однако в пухлых руках Кэрол были лишь две видеокассеты, украденные из его квартиры.

— Всю прошлую неделю я всерьез думала о том, что бы сбежать отсюда. Уехать куда-нибудь, где меня никто не знает, и начать новую жизнь. Не сказав никому ни слова, просто исчезнув.

— Расскажи мне все.

— Помнишь того человека, который упомянул про меня? Сказал, что я спасла его сына?

Пеллэм кивнул. Он помнил рассказ про молодого парня, который едва не погиб в здании, готовом под снос, и про то, как Кэрол его спасла.

Она продолжала:

— Я испугалась, что я попала к тебе на кассеты. Нельзя допустить, чтобы обо мне узнали люди.

Пеллэм вспомнил ее недоверчивое отношение к журналистам.

— Почему?

— Я не та, за кого ты меня принимаешь.

В Адской кухне это начинало становиться слишком частым рефреном.

— А кто ты? — резко спросил Пеллэм.

Ухватившись рукой за полку, Кэрол опустила голову, уткнувшись лицом в плечо.

— Несколько лет назад я вышла из тюрьмы после того, как отбыла срок за торговлю наркотиками. Это было в Массачусетсе. Кроме того, меня осудили... — ее голос дрогнул, -...осудили за попытку непредумышленного убийства несовершеннолетнего. Я продала

наркотики пятнадцатилетним подросткам. Один из них принял чрезмерную дозу и едва не скончался. Что я могу тебе сказать, Пеллэм? Все, что случилось со мной, так скучно, словно плохой телесериал... Я бросила школу, познакомилась с плохими людьми. Начала торговать наркотиком на улицах, сама пробовала кокаин, героин, продавала свое тело... О господи, что я только не делала.

— Какое это имеет отношение к видеокассетам? — холодно спросил Пеллэм.

Кэрол рассеянно поправила стопку вафельных полотенец.

— Я знала, что ты снимаешь фильм о Кухне. А когда я услышала, что тот человек упомянул про меня, я испугалась, что ты включишь в фильм и меня. А что если кто-то из Бостона прознает про это и свяжется с попечительским советом подросткового центра? Я не могла допустить этого. Понимаешь, Пеллэм, я разбила всю свою жизнь... у меня было столько аборт, что теперь я не могу иметь детей... у меня есть судимость... — Кэрол горько рассмеялась. — Знаешь, что я услышала недавно? Одного грабителя, обчистившего банк, освободили из «Аттики», и он никак не мог устроиться на работу. Он был просто взбешен тем, что его называли бывшим уголовником. Называл себя «социально отверженным».

Пеллэм даже не улыбнулся.

— Ну, это как раз про меня. «Социально отверженная». Меня ни за что не принимали на работу в учреждения государственного социального обеспечения. Ни один детский сад в стране меня даже на порог не хотел пускать. Но попечительский совет этого подросткового центра так отчаянно нуждался в людях, что меня проверили лишь поверхностно. Я показала лицензию на право работы в органах социального обеспечения и подправленное резюме. И меня взяли на работу. Если выяснится мое прошлое, меня вышвырнут в ту же секунду.

— Ради блага детей... Почему ты мне солгала?

— Я тебе не верила. Не знала, кто ты такой. А, насколько мне известно, все журналисты думают только о том, как бы накопать побольше грязи. Только это их и интересует, твою мать.

— Ну, мы никогда не узнаем, что я сделал бы, согласна? Ты так и не дала мне эту возможность.

— Пожалуйста, Пеллэм, не злись на меня. Моя работа здесь имеет для меня очень большое значение. Это единственное, что осталось у меня в

жизни. Я не могу ее потерять. Да, когда мы встретились, я тебе солгала. Я хотела, чтобы ты ушел, но я также хотела, чтобы ты остался.

Пеллэм взглянул на кассеты.

— Сегодняшняя Кухня меня не интересует. На этих кассетах устный рассказ о днях минувших. Я не собирался ни одним словом упоминать о подростковом центре. Если бы ты меня спросила, я бы тебе ответил.

— Нет, не уходи просто так! Дай мне возможность...

Но Пеллэм распахнул дверь. Медленно, нисколько не драматично. Спустился по лестнице, прошел через приемную подросткового центра и шагнул на улицу, в палящий зной, какофонию ревущих автомобильных двигателей, клаксонов и надрывающихся голосов. Ему показалось, что в этой какофонии прозвучал и голос Кэрол, но Пеллэм решил не обращать на него внимания.

Он повернул на восток и направился через Фэшн-Дистрикт к метро, размышляя: «Какому сумасшедшему пришло в голову так назвать этот район?»^[77] Наименее привлекательный район города. Вдоль тротуаров грузовики в два и в три ряда. Высокие, мрачные здания, грязные окна, рабочие, везущие на тележках одежду к следующей весне.

Женщина, стоявшая в будке телефона-автомата, повесила трубку и разорвала листок бумаги на дюжину мелких клочков. «Похоже, случилось что-то серьезное,» — подумал Пеллэм и тотчас же забыл о происшествии.

Он остановился у строительной площадки на Тридцать девятой улице, пропуская выезжающий задом самосвал с мусором, чей надоедливый гудок подействовал ему на нервы.

«...Тридцать девятая улица — это была „передовая“, штаб-квартира „Крыс“. Самое страшное место в городе. Дедушка Ледбеттер говорил, что было время, когда полиция не смела нос сунуть западнее Восьмой авеню. В этом районе царили свои законы. Дедушка хранил ботинок с ободраным каблуком — следом шальной пули. Он еще мальчишкой случайно попал под перекрестный огонь на „передовой“ — по крайней мере, дедушка так нам говорил. Если честно, я ему никогда особо не верила. Впрочем, вероятно, дедушка говорил правду, потому что этот старый башмак он бережно хранил до самой своей смерти.»

На строительной площадке слышались два пронзительных свистка.

Услышав эти звуки, зеваки устремились к дыркам, грубо проделанным в фанерном ограждении, установленном вдоль тротуара. Поколебавшись, Пеллэм тоже прильнул глазом к одному из отверстий. Мощный взрыв. У Пеллэма под ногами содрогнулась земля: заряд динамита превратил в щебень еще пятьдесят тонн скальных пород.

У Пеллэма из головы не выходили слова Этти, повторяющиеся в бесконечном цикле.

«Здесь всегда кипела стройка. Одно время у папы была интересная работа. Он называл себя „могильщиком строительного мусора“. Папа работал в бригаде, которая перевозила обломки старых снесенных зданий в Бруклин. Там в воды Ист-Ривера были сброшены сотни разрушенных домов. Эти обломки образовали искусственную отмель, которую очень полюбила рыба. Папа всегда возвращался с работы с пеламидой или камбалой, которых нам хватало на несколько дней. С тех пор я на рыбу смотреть не могу.»

Три пронзительных свистка. Судя по всему, сигнал отбоя, поданный подрывниками. Появились рабочие в касках; вперед выехал бульдозер. Пеллэм отошел от забора, но тут что-то привлекло его внимание, и он присмотрелся еще к одному рекламному плакату строительной компании.

Пеллэм застыл как вкопанный, испытал потрясение, затмившее шок от неожиданно прогремевшего взрыва. Он еще раз внимательно перечитал плакат, чтобы убедиться наверняка. Затем медленно пошел дальше. Однако к тому моменту, как Пеллэм достиг угла, он уже несмотря на августовскую жару бежал со всех ног.

25

— Это стройплощадка.

— Вы о чем? — спросил Бейли.

— Фонд Святого Августина. Я запомнил адрес — дом номер пятьсот по Тридцать девятой западной улице. Как раз напротив церкви. Но только на этом месте сейчас лишь яма в земле.

Из-за пожара, уничтожившего кабинет, они сидели в спальне Бейли, куда на время переместилась контора. На самом деле, особой разницы Пеллэм не заметил; самое существенное отличие заключалось в том, что холодильник, в котором охлаждалось вино, стоял рядом не с письменным столом, а с кроватью. Кроме того, кондиционер в спальне был чуть получше, чем в конторе; если и не прохладный, то хоть

какой-то воздух из него все же дул. В воздухе стоял невыносимый запах гари, однако Бейли, похоже, не обращал на это никакого внимания.

— Быть может, фонд перебрался на новое место, — предположил Бейли.

— Дальше еще лучше, — продолжал Пеллэм. — Я справился в канцелярии церкви. Там никто даже не слышал ни о каком фонде Святого Августина.

Он подошел к грязному окну. На стекло на мгновение упала тень от крана, который установил массивную скульптуру на открытой площадке перед Башней Маккенны.

Скульптура, завернутая в плотную бумагу, имела форму большой рыбины. Кран разворачивался очень медленно, и Пеллэм предположил, что кусок камня или бронзы весит много тонн. Повсюду сустились рабочие, убиравшие мусор и натягивающие транспаранты и плакаты к предстоящей церемонии открытия небоскреба.

— Но фонд Святого Августина есть, — упрямо произнес Бейли. Порывшись в документах, набросанных на кровати, он нашел папку с обгорелыми ксерокопиями документов, украшенных печатью генеральной прокуратуры штата. — Он зарегистрирован как некоммерческая организация. Он существует. В состав его попечительского совета входит восемь человек.

Пеллэм взял список. Все перечисленные в нем люди жили поблизости. Пеллэм ткнул в одну фамилию. Некий Джеймс Кемпер, живущий в доме на Тридцать седьмой улице. В соседнем квартале.

— Предлагаю послушать, что он нам скажет, — сказал Бейли, снимая трубку телефона.

— Предлагаю лучше нанести неожиданный визит.

Однако ничего неожиданного не получилось, по крайней мере, для Пеллэма. На пустыре, где якобы проживал мистер Кемпер, строительные работы должны были начаться лишь через два месяца.

— Все эти фамилии вымышлены, — пробормотал Бейли, когда они вернулись к нему домой.

— Когда вы звонили директору фонда, тому священнику, кто вам ответил?

— Я оставил сообщение на автоответчике.

— Как узнать, кто стоит за фондом? — спросил Пеллэм. — Не выдавая себя?

По кинобизнесу он знал, как сложно порой разобраться в запутанных корпоративных делах.

— Поскольку фонд является некоммерческой организацией, проследить это будет гораздо сложнее, чем если бы он вел деятельность в соответствии с законом о деловых корпорациях.

Сидя в спальне Бейли, Пеллэм случайно взглянул на еще один обгоревший документ, лежавший рядом с папкой бумаг фонда. Это была копия отчета почерковеда, сравнившего почерк на страховом договоре с почерком Этти.

Во время последнего свидания с Этти Пеллэм спросил у нее, не писала ли она кому-нибудь в последнее время, опасаясь, что именно так злоумышленник мог завладеть образцом ее почерка. Но тогда ни он сам, ни Этти не вспомнили про то, что она подписала обращение Маккенны с просьбой разрешить превысить установленное ограничение на высотность строящегося небоскреба.

— Это Маккенна, — объявил Пеллэм. Увидев выражение лица Бейли, он поднял руку. — Знаю, вы никак не можете поверить в то, что такой крупный подрядчик способен спалить жилое здание. И Маккенна действительно не пошел бы на это лишь ради страховки. Но сейчас от этого здания зависел тоннель до станции «Пенн», и, следовательно, судьба его Башни. И Ньютон Кларк, и жена Маккенны единогласно сошлись в том, что он попал в безвыходное положение.

— Но... — Бейли устало развел руками. — Какое вам до этого дело? Даже если Маккенна действительно стоит за фондом Святого Августина, Этти созналась в поджоге.

— С этим не будет никаких трудностей, — успокоил его Пеллэм. — Я лично со всем разберусь.

— Но...

— Я разберусь с этим. Главная проблема в том, как нам доказать связь Маккенны с фондом Святого Августина.

Бейли нахмурился.

— Опытные подрядчики умеют просто гениально маскировать подобные вещи. А Маккенна лучший из лучших. Нам придется проверять

офшорные корпорации, доверенности и поручительства... На это уйдет время.

— Как долго?

— Пара недель.

— А когда будет вынесен приговор Этти?

Пауза.

— Послезавтра.

— В таком случае, полагаю, у нас нет пары недель, так?

Пеллэм не отрывал взгляда от строительной площадки на противоположной стороне улицы. Обернутую бумагой скульптуру бесцеремонно, словно простую балку, опустили на постамент. Прохожие с любопытством таращились на нее, пытаясь определить, что же это такое. Однако рабочие удалились, так и не сняв бумагу.

Снова надев костюм от Армани и водрузив на голову украденную строительную каску, низко надвинув ее на лоб, Джон Пеллэм невозмутимо вошел в вестибюль Башни Маккенны. Эта часть небоскреба была уже практически доделана и сдана первым арендаторам — в том числе, здесь разместились администрации двух строительных компаний Маккенны и агентство недвижимости, занимающееся арендой остальных помещений небоскреба.

Деловитый вид Пеллэма убедил всех в том, что он здесь свой, и торопится по какому-то важному делу, поэтому его лучше не беспокоить.

Никто его и не побеспокоил.

Сжимая в руке папку, Пеллэм прошел мимо ряда секретарш и смело распахнул массивную дубовую дверь, настолько внушительную, что именно за ней должен был располагаться кабинет самого Маккенны — который пять минут назад на глазах у Пеллэма покинул здание. Пеллэм заранее подготовил и отрепетировал несколько объяснений для подручных подрядчика, однако его актерское дарование оказалось на этот раз невостребованным, поскольку в помещении никого не было.

Пеллэм подошел к столу, на котором стояли две фотографии в рамках: на одной была снята жена Маккенны, на другой — двое его детей. Джоли смотрела из дорогой рамки с широкой фальшивой улыбкой. Мальчик и девочка на другом снимке вообще не улыбались.

Пеллэм начал со шкафов. За пятнадцать минут он бегло изучил сотни писем и финансовых и юридических документов, но ни в одном из них не было упоминания о фонде Святого Августина или зданиях на Тридцать шестой улице.

Небольшой ящичек письменного стола был заперт. Пеллэм избрал фронтальный подход — стал искать на столе ножик для вскрытия писем, чтобы выломать замок. Но только он нашел ножик в верхнем правом ящичке, как кабинет наполнился зычным голосом:

— Хороший костюм. — Пеллэму показалось, в голосе прозвучал ирландский акцент. Он застыл. — Но вам он не идет. Вам больше подходят джинсы.

Пеллэм медленно поднялся.

В дверях стоял Роджер Маккенна. Рядом с ним застыл угрюмый телохранитель, сунувший руку во внутренний карман пиджака. Пеллэм, опасавшийся металлодетекторов на входе в Башню, оставил свой «кольт» в конторе Бейли.

Он встревоженно перевел взгляд с одного мужчины на другого.

— Мы вас искали, — продолжал Маккенна. — И подумать только — вы сам извоили пожаловать ко мне в гости.

Подрядчик кивнул своему помощнику, и тот опустил что-то на стол. Это была видеокамера Пеллэма. Всего несколько часов назад она еще была спрятана в гардеробе в спальне квартиры Пеллэма в Ист-Вилледже. Пеллэму очень захотелось узнать, целы ли остальные кассеты с отснятым материалом.

Маккенна сказал:

— Предлагаю немного прокатиться.

Он открыл боковую дверь, за которой находился гараж, где стоял сверкающий лимузин «Мерседес».

Подхватив видеокамеру, помощник кивком указал Пеллэму на дверь.

Тот начал было что-то говорить, но Маккенна поднес к губам длинный указательный палец.

— Ну что вы можете мне сказать? Что ищите правду? Что хотели сделать как лучше? Готов поспорить, у вас есть ответы на все. Но я не желаю их слушать. Садитесь живо в машину.

Восемь кварталов они проехали молча.

Наконец где-то в районе Сороковых улиц в самом конце Вест-Сайда лимузин остановился перед старым, обшарпанным зданием. Облупившаяся краска напоминала грязные белые конфетти. Сгнившая деревянная отделка была свалена у двери черного входа рядом с многочисленными мешками с мусором.

Маккенна указал на здание.

— Арти!

Открыв дверь лимузина, телохранитель крепко схватил Пеллэма за руку и потащил к черному входу. Распахнув плечом дверь, он толкнул Пеллэма вперед и подождал Маккенну.

Вдоль по длинному, темному коридору. Первым шел подрядчик. За ним следовал Пеллэм, а замыкал шествие телохранитель Арти, державший видеокамеру словно ручной пулемет.

Пеллэм, прищурившись, озирался по сторонам, дожидаясь, когда его глаза привыкнут к полумраку. Сунув руку в рукав, он нащупал рукоятку ножа для разрезания конвертов, прихваченного в кабинете Маккенны. Ножик был короткий и тонкий, но по своему тюремному опыту Пеллэм знал, как много неприятностей может доставить самое безобидное оружие.

Коридор был освещен одинокой тусклой лампочкой без абажура. Пеллэм закашлял, надышавшись запахами плесени и застарелой мочи. Что-то мелькнуло под ногами.

— Господи, — пробормотал Маккенна, провожая взглядом равнодушно разгуливающую по коридору здоровенную крысу.

Пеллэм, не обращая на крысу внимания, снова стиснул в руке ножик. Нащупал пальцем острие. Попытался почерпнуть в этом уверенности. Не смог.

Вдруг послышался звук.

Пеллэм сбавил шаг, услышав слабое завывание на высокой ноте. Похожее на женский крик. Телевизор? Нет, это был живой человеческий голос. Пеллэм почувствовал, как у него волосы на затылке встают дыбом.

— Идем дальше, — приказал Маккенна.

Маленькая процессия прошла до самого конца коридора. Остановилась.

Пронзительное, ледящее душу завывание становилось все громче и громче.

Пеллэм попытался прогнать из мыслей этот звук, сосредоточившись на том, что ему сейчас предстоит сделать. Его ноги задрожали от напряжения. Вот он, самый подходящий момент. Правая рука Пеллэма скользнула в левый рукав.

Маккенна снова кивнул Арти.

Громкость завываний нарастала. Двое, а то и трое человек вопили от нестерпимой боли. Телохранитель бесцеремонно толкнул Пеллэма вперед. Тот, стиснув зубы, сделал шаг, вытаскивая из рукава ножик.

Толчком распахнув дверь, Арти шагнул внутрь.

Первым делом надо будет полоснуть ножом именно Арти — целясь в глаза. Затем попытаться вырвать у него пистолет. Если повезет...

Переступив через порог, Пеллэм застыл на месте, растерянно сжимая в руке ножик.

Что это такое?

Пеллэм оглянулся на подрядчика и верзилу-телохранителя. Маккенна нетерпеливо махнул рукой, и Пеллэм, подчиняясь этому молчаливому приказу, пошел вперед — однако двигался он очень осторожно, ибо ему приходилось маневрировать между целым морем маленьких детей. В противоположном конце комнаты сидела бледная, рыхлая женщина в выцветшей голубой футболке и буро-коричневых шортах, качавшая на руках самого громкого крикуна — того самого младенца, чей голос был слышен в коридоре. Отняв у малыша бутылочку с молочной смесью, женщина с изумлением и гневом уставилась на вошедших.

— Кто вы такие, мать вашу?

Маккенна, кивнув на Пеллэма, сказал телохранителю:

— Дай ему.

Тот протянул Пеллэму видеокамеру.

— Ну же, — приказал Маккенна.

Пеллэм непонимающе покачал головой.

Половина малышей лежала в картонных коробках; остальные ползали и бродили по комнате, играя сломанными игрушками и кубиками. На полу стояли пластиковые бутылки с диетической «Кока-колой» и апельсиновым соком; рядом с ними валялись опрокинутые, из которых вытекали лужицы. Два малыша неуклюже старались открыть бутылочку, словно молодые обезьянки, пытающиеся расколоть кокос. Воздух был насыщен вонью аммиака от грязных подгузников.

— Кто вы такие, мать вашу? — повторила вопрос женщина, срываясь на крик. — Вы хотите, чтобы я вызвала фараонов?

— Да, почему бы и нет? — с вызовом бросил Роджер Маккенна. Повернувшись к Пеллэму, он раздраженно добавил: — Ну же, чего вы ждете? Валяйте, начинайте.

— Начинать что? — спросил тот.

— Ну, а вы как думаете? Стройте из себя Чарльза Керелта^[78]. Снимайте!

Подрядчик начинал терять терпение.

— Убирайтесь к такой-то матери! — заорала женщина. — Вон отсюда!

Один из малышей быстро подполз по грязному полу к ногам Пеллэма и принялся играть с его сапогами. Подняв ребенка, Пеллэм как мог вытер ему грязные ладошки и коленки и усадил на одеяло.

— Почему вы совсем не смотрите за этими детьми?

— И ты убирайся к такой-то матери!

Ну хорошо, будь по-вашему. Пеллэм поднял видеокамеру, включил запись.

— Простите, мэм, вы не могли бы повторить последнюю фразу?

— Я вызываю полицию!

Однако женщина не двинулась с места. Отвернувшись от незваных гостей, она с головой окунулась в очередную серию «Молодых и беспокойных», которую начали показывать по маленькому телевизору.

Пеллэм медленно обвел камерой помещение, понятия не имея, что ему надо будет сделать дальше с этими кадрами: копошащиеся на полу малыши, отвратительная еда, поднятый средний палец жирной женщины — едва ли это можно будет использовать в устной истории Адской кухни.

Не отрываясь от окуляра видеокамеры, Пеллэм спросил Маккенну:

— Вы не хотите объяснить, что мы здесь делаем?

— Это детский сад, не имеющий лицензии. Большинство жителей Кухни не может позволить себе отдать детей в заведение, имеющее лицензию, поэтому им приходится оставлять своих малышей вот в таком хлеву. Это ужасно, но у родителей, если они хотят работать, нет другого выхода.

Женщина швырнула горсть кукурузных хлопьев под ноги одному из малышей, который начал было всхлипывать. Пеллэм заснял эту сцену.

Маккенна одобрительно воскликнул:

— Пулитцеровская премия^[79] вам обеспечена! Снимайте, снимайте, снимайте!

Двадцать минут спустя они вышли на улицу и жадно вдохнули свежий воздух.

Пеллэм спросил:

— Скажите же, черт побери, что все это значит?

Маккенна указал на здание, из которого они только что вышли.

— Я намерен стереть все такие места с карты Нью-Йорка. Они являются пятном позора... Прошу прощения, мне кажется, я заметил у вас на лице цинизм? Вы недоумеваете, почему Роджер Маккенна хочет сделать доброе дело? О, я не мать Тереза. Но от этой дряни плохо всем. И в моих интересах устроить в этом районе хорошие, дешевые детские сады.

— Детские сады?

— А также чистые парки и бассейны. Мне нужны родители, которые со спокойной душой оставят в этих заведениях своих детей, а сами отправятся на работу в моих офисах. Мне нужны подростки, играющие в баскетбол на оборудованных площадках и плавающие в чистых бассейнах, чтобы они по ночам не нападали на жителей моих домов. Я пекусь о собственной выгоде? Естественно. Называйте это как хотите, мне все равно. Я пробовал читать Эйн Рэнд^[80] в колледже, но так и не смог ее осилить.

— Зачем вы привели меня сюда?

— Потому что я уже давно к вам присматриваюсь. Вы снимаете документальный фильм об этом районе. И вы, как и все, собираетесь облить меня грязью.

— Вы так думаете?

— Я притягиваю желтую прессу как магнит, и меня уже тошнит от этого! Я хочу убедиться, что вы расскажете все как есть. Никто даже не догадывается, что я делаю для района.

— А что именно?

— Как насчет общественного парка на Сорок пятой улице, который благоустроен на мои собственные, твою мать, деньги? А ремонт бассейна для департамента парков и общественных мест отдыха, который, даю слово, будет закончен к началу нового учебного года? А новый детский сад на пересечении Тридцать шестой улицы и...

— Подождите — на пересечении Тридцать шестой улицы и Десятой авеню? Дом на углу?

Здание, в котором находится контора Луиса Бейли.

В котором Маккенна якобы собирался устроить гарем для своих любовниц.

— Да, он самый. Я превращу в нем три этажа в лучший детский сад в стране. Если родители работают или ищут работу, их дети смогут остаться в саду за пять долларов в день, на полном обеспечении. Кормежка, игротека, воспитатели, книги...

— И, полагаю, соседнее здание сгорело дотла по чистой случайности, так? Этот пожар не имеет никакого отношения к Башне?

Маккенна снова взорвался.

— Послушайте, возможно, в «Городе мишурного блеска» вы большая шишка, но это чистейшей воды клевета! Я подам на вас суд, черт побери вашу задницу! Я никогда в жизни ничего не поджигал. Можете проверить все мои стройки начиная с самого первого дня. Если хотите, я вместе с вами здание за зданием пройду по всему списку.

— А что насчет тоннеля? Ради него вы ничего не поджигали?

Маккенна нахмурился.

— Вам известно о тоннеле?

— А еще мне известно о вашем договоре с Джимми Коркораном.

Подрядчик изумленно заморгал. Затем сказал:

— Ну, черт возьми, всего вам точно не известно. Тоннель не проходит под сгоревшим зданием. Он поворачивает на запад к станции «Кон-эд». И проходит под зданием, в котором будет размещен детский сад — и которое, по счастливой случайности, принадлежит мне.

Ого. То здание, где находится контора Бейли.

— Да, я получил у Коркорана права на использование подземного пространства. Но то, другое здание меня совсем не интересует. Если вы так хорошо разбираетесь в земельных кадастрах и архивах землепользования, почему бы вам не разыскать владельца и не начать шпионить за ним?

Пеллэм объяснил ему о фонде Святого Августина.

— Это лишь прикрытие. Я полагал, что настоящим владельцем являетесь вы. Вот что я искал у вас в кабинете. Какую-либо связь с фондом.

Маккенна больше не злился на него. Он задумчиво кивнул.

— Права собственности спрятаны за некоммерческой организацией. Чертовски хитро. Поскольку любая прибыль невозможна, генеральная прокуратура особо внимательно приглядываться не станет.

Подрядчик произнес это с восхищением, судя по всему, откладывая идею для дальнейшего использования.

— Всех членов попечительского совета фонда не существует в природе. Но адвокат, с которым я работаю, сказал, что потребуется несколько недель, чтобы выяснить, кому в действительности принадлежит этот участок.

Маккенна презрительно расхохотался.

— Найдите себе другого адвоката!

— У вас получится лучше?

— Да, черт возьми. Я смогу это узнать за пару часов. Но зачем? Какая мне в этом выгода?

«Вот что самое главное для мистера Маккенны. Необязательно вести с ним честную игру, но играть нужно в любом случае.»

— Предлагаю взаимовыгодную бартерную сделку, — весело произнес Пеллэм.

— Продолжайте.

— У вас в компании есть утечка информации, так?

— Это только ваши слова, верно?

— Ну, мне ведь известны все подробности вашей сделки с Джимми Коркораном, разве не так?

Маккенна помолчал, придирчиво изучая Пеллэма.

— Можете назвать фамилию?

— Ваш товар, — сказал Пеллэм, — в обмен на мой товар.

Они молча поднялись на бархатные небеса небоскреба, взметнувшегося над Нью-Йорком.

На семьдесят первом этаже флагманского здания Маккенны в Верхнем Ист-Сайде подрядчик провел Пеллэма через лабиринт кабинетов и оставил его в обществе лохматого, хорошо одетого, возбужденного мужчины. Элмор Пейвон растерянно пробормотал слова приветствия, поняв, что на его щуплые плечи свалилась еще одна ноша. Однако эту ношу возложил сам Роджер Маккенна, следовательно, она неизбежно останется на месте до тех пор, пока Пейвон не разрешит ту проблему, которую она представляет.

Подрядчик рассказал своему помощнику про поджог и фонд Святого Августина. На Пейвона, судя по всему, также произвело впечатление подобное противозаконное использование некоммерческой организации.

Пеллэм сказал:

— Я считаю, за фондом стоит Коркоран.

Маккенна и Пейвон хором рассмеялись.

Подрядчик объяснил:

— Для Коркорана это слишком умно. Он полный дурак. Ему как нельзя лучше подходит слово «мелюзга».

Пеллэм вопросительно поднял брови.

— Вот как? А я слышал, что он уложил вас на обе лопатки.

— Да? И как же?

— Этой сделкой с тоннелем. Тем, что в обмен на разрешение строить под своим участком добился от вас доли прибыли.

Маккенна изумленно заморгал.

— Черт побери, а это-то вам откуда известно?

Слухами земля полнится.

Пеллэм ответил вопросом на вопрос:

— Так это правда?

Подрядчик усмехнулся.

— Да, Коркоран выторговал долю прибыли. Но только контракт составлен так, что он получит один процент от прибыли, кавычки открываются, полученной за счет его собственности, кавычки закрываются. То есть, ему достанется доля от тех денег, которые я заработаю на тоннеле, а не на небоскребе. А по договору с городскими властями я сдаю тоннель в аренду управлению скоростного транспорта за символическую плату — десять долларов в год. Так что доля Джимми Коркорана составит ровно десять центов в год.

Помолчав, Маккенна добавил:

— Я всегда буду на шаг впереди такой мелкой шпаны как Джимми Коркоран. Полагаю, вам известно, что в свое время я тоже был членом ирландской банды в Адской кухне. Вся разница заключается в том, что я поднялся на следующую ступень.

— Я бы не хотел нажить себе такого врага, — заметил Пеллэм. — Я имею в виду Коркорана.

Маккенна снова рассмеялся.

— Вам приходилось слышать о «Крысах»?

Пеллэм кивнул. Действовавшая в Адской кухне банда, которая очаровывала деда Этти.

— А вам известно, кто в конце концов переломил им хребет?

— Просветите меня, — сказал Пеллэм.

— Не полиция. И не городские власти. Видит бог, и федералы тут были ни при чем. Хребет крысам переломил бизнес. Центральный железнодорожный вокзал Нью-Йорка. Руководство железной дороги наняло агентство Пинкертона, и шесть месяцев спустя банда была уже историей. Уверяю вас, если Коркоран станет мне досажать, маленький кусок дерьма очень быстро пожалеет об этом.

Пеллэм сказал:

— Ну хорошо, если он тут ни при чем, кто же все-таки стоит за фондом Святого Августина?

Пейвон и Маккенна посоветовались. Пейвон принялся рассуждать вслух: если исходить из предположения, что здание подожгли, поскольку оно являлось исторической достопримечательностью, единственным объяснением может быть только освобождение места под строительство чего-то нового.

— А для того, чтобы построить что-то новое, — подвел итог Пейвон, — необходимо подать запрос на разрешение строительства и получить санкции управления архитектуры и департамента охраны природы.

Кивнув, Маккенна объяснил Пеллэму, что строителям порой приходится ждать месяцами, прежде чем они получают разрешение на строительство каких-либо крупных объектов. Обязательной является санкция управления городской архитектуры, что иногда влечет за собой широкое обсуждение с привлечением общественности; кроме того, свое заключение также должны выдать экологи, а в редких случаях также требуется получить отказ от претензий со стороны городских властей. Поэтому все необходимые запросы подаются как можно раньше — чтобы максимально сократить время, в течение которого владелец будет обладать собственностью, не приносящей никаких доходов, однако облагаемой всеми налогами.

В данном случае существовала определенная опасность того, что полиция или пожарная охрана прознают о таких запросах, поданных сразу же после пожара. Однако в таком огромном городе как Нью-Йорк бюрократическая машина настолько неповоротливая, что следователи, занимающиеся подозрительным пожаром, скорее всего, удовлетворятся лишь поверхностной проверкой собственника здания и не станут копать глубже. Особенно если уже задержан подозреваемый.

Маккенна кивнул Пейвону, и тот, схватив телефон, заговорил на каком-то непонятном жаргоне с подчиненным. Черкнув несколько строк на листе бумаги, Пейвон через три минуты положил трубку.

— Готово. Заключение управления архитектуры еще нет, но строительная компания «Уайт-Плейнс» два дня назад подала заявку на строительство во владении 458 на Тридцать шестой западной улице — как раз на месте сгоревшего здания.

Маккенна кивнул, судя по всему, узнав название.

Пейвон продолжал:

— На этом участке и на двух соседних будет построена семиэтажная автостоянка.

— Автостоянка, — прошептал Пеллэм.

Столько ужаса, смерти ради автостоянки?

— Итак, некто основывает липовый фонд Святого Августина, покупает два пустующих участка земли, сжигает здание на третьем и возводит на этом месте гараж.

— Мне нужен этот некто, — сказал Пеллэм. — Как его найти?

— Кто поставляет «Уайт-Плейнс» арматуру? — спросил подрядчик у Пейвона.

— «Бронкс суперстракчерс», «Джанелли»...

— Да нет же, нет! — рявкнул Маккенна. — Не здесь, в Уэстчестере! В Коннектикуте. Эм, тут нужен более тонкий подход. Ну же, думай! Тот, кто задумал все это, будет стараться держаться подальше от Нью-Йорка.

— Вы правы. Да-да, хорошо. Тогда, скорее всего, это «Бедфорд билдинг».

— Нет! — решительно потрянул головой Маккенна. — «Бедфорд билдинг» все свои силы сосредоточил на супермаркете «Уол-Март» на севере. В дополнение к этому еще и гараж компания не потянет. Ну же, думай! Шевели мозгами!

— Ну тогда как насчет «Гуздон стил»? Она из Йонкерса.

— Точно!

Щелкнув пальцами, Маккенна схватил телефон и по памяти набрал номер. Через несколько секунд он пробормотал в трубку:

— Говорит Роджер Маккенна. Он здесь?

Через время, потребовавшееся на то, чтобы отточенным до совершенства движением переключиться на другую линию, в трубке послышался новый голос.

— Привет, Тони... Да, да. — Маккенна закатил глаза, из чего Пеллэм заключил, насколько подобострастно виляет хвостом его собеседник. — Ну хорошо, хорошо, дружище. Извини, я тороплюсь. Дело вот в чем. Только не вздумай пудрить мне мозги, лады? Дашь мне честный ответ — и получишь контракт на строительство нашего нового дока в Гринвиче. Без тендера, без заявок... Да, ты не ослышался... Да, тебе очень повезло. Итак, я слышал, что «Уайт-Плейнс» собирается строить гараж в Нью-Йорке. На Тридцать шестой западной. Владелец участка — фонд Святого Августина... Что значит все должно делаться по-тихому? Тони, твою мать, у тебя не должно быть от меня никаких секретов! Это ведь вы поставляете арматуру, так?... Ты встречался с людьми от фонда?... Хорошо, проверь. И сразу же перезвони. Сразу же — это значит через три минуты. Да, Тони, я тебе еще не говорил, что на строительство дока я выделяю один и три десятых миллиона?

Маккенна положил трубку.

— Он перезвонит. Итак, я свою часть выполнил. Теперь ваша очередь. Кто тот шпион, мать его, через которого утекают мои секреты?

Пеллэм сказал:

— Не забыли, я недавно прогулялся по Башне и заглянул к вам в кабинет?

— Да уж, — угрюмо буркнул подрядчик.

Пеллэм продолжал:

— Я обратил внимание на одну из секретарш отдела сдачи в аренду. Кажется, Кэй Хеггерти, я правильно прочитал бейджик?

Маккенна вспыхнул, и Пеллэму стало очевидно, что пышногрудая мисс Хеггерти для него больше чем просто секретарша.

— Кэй? — переспросил Маккенна. — Причем тут она? Кэй замечательная девчушка.

— Возможно. Но именно через нее утекают ваши секреты.

— Этого не может быть. Она очень прилежный работник. И я... — Маккенна помолчал, подбирая иносказательное выражение. — Я полностью ей доверяю. С чего вы взяли, что она шпионит за мной?

— Потому что она любовница Джимми Коркорана. На прошлой неделе я видел ее в баре, где собирается его банда. Она сидела на коленях у Джимми.

Бывший мастер натурных съемок, сам занявшийся съемкой фильмов, рассказывал высоко в небе над центром города, глядя в безукоризненно чистые окна небоскреба.

Его ковбойские ботинки оставляли остроносые вдавленные отпечатки в густом синем ворсе ковра. Пеллэму казалось, что здесь, на высоте семидесяти этажей над улицами, воздух был разряженным. Он задыхался, но, вероятно, это было вызвано не высотой или благоговейным почтением к могуществу Роджера Маккенны, а просто остатками дыма в легких, следствием пожара в конторе Бейли.

Пеллэм рассказывал, стараясь не смотреть на миллиардера и его беспощадного подручного. Минуты тянулись днями, но наконец зазвонил телефон.

Подрядчик театральным жестом сорвал трубку с рычажков, как, вероятно, поступал всегда в присутствии посторонних. Послушав, он зажал трубку рукой и посмотрел на Пеллэма.

— Есть!

Черкнув несколько слов, Маккенна положил трубку. Показал листок бумаги Пеллэму.

— Вам это имя что-нибудь говорит?

Пеллэм долго смотрел на записку.

— Боюсь, говорит, — наконец сказал он.

27

— Ого, смотри, приятель! Вот эта шлюха работает в подростковом центре.

— Слушай, не говори о ней так. Она нормальная тетка. Мой брат, он страшно ширялся. Сидел на игле. Так вот, он провел в центре месяц. И полностью слез с каликов, ты понимаешь, что я хочу сказать?

— Этот ниггер уверяет, что она шлюха. Вы все считаете, что подростковый центр — клевое место, но только там происходит всякое дерьмо. Что ты мне все время рот затыкаешь?

— Ничего я тебе не затыкаю. Я только сказал, что она не шлюха. Она порядочная тетка и заботится о других, вот что я сказал.

Кэрол Вайандотт сидела на вонючих сваях, пропитанных креозотом, на набережной мутного Гудзона, и слушала разговор парней, проходивших мимо. Они направлялись на юг. Куда именно? Определить это было невозможно. Быть может, в порт, где они работают операторами погрузчиков. А может быть, снимать независимый фильм, подобно Джону Синглетону^[81] или молодому Спайку Ли^[82]. Или обирать зазевавшихся туристов на Таймс-сквер.

Услышав этот обмен репликами, Кэрол подумала то же самое, что недавно говорила Джону Пеллэму: «О, он употребляет слово „шлюха“ совсем не в этом смысле.»

Однако парень, судя по всему, имел в виду именно это.

В любом случае, кто она такая, чтобы возмущаться? Кэрол уже приходилось ошибаться относительно людей, в чью жизнь она вклинивалась.

Кэрол Вайандотт сидела на причале под палящим солнцем и смотрела на корабли, которые поднимались и спускались по Гудзону. Буксиры, несколько прогулочных судов, яхта. Мимо медленно проплыл круизный лайнер вездесущей компании «Серкл лайн», раскрашенный в цвета итальянского государственного флага. Туристы толпились на палубе, жадно любуясь красотами пейзажа; впрочем, путешествие только началось. Интересно, много ли энтузиазма останется у них через три часа, когда они проголодаются и изжарятся на солнце?

Сегодня во внешности Кэрол Вайандотт было одно существенное отличие. Она закатала рукава майки, обнажив довольно мясистые руки. Кэрол не могла припомнить, когда в последний раз показывалась на людях с открытыми руками. Бледная кожа уже успела покрыться легким румянцем загара. Перевернув правую руку, Кэрол уставилась на жуткое сплетение шрамов. Рассеянно почесав эту изуродованную часть тела, она уткнулась лицом в согнутую в локте руку, обильно смачивая кожу слезами.

Где-то поблизости хлопнула дверь машины. Одержимая навязчивой мыслью, Кэрол успела досчитать до пятидесяти, когда наконец послышался шорох шагов по траве. Остановившись, она продолжила счет. Когда она дошла до семидесяти восьми, послышался голос. Разумеется, он принадлежал Джону Пеллэму:

— Не возражаешь, если я присоединюсь к тебе?

— Много лет назад эта собственность была завещана на благотворительные цели, — начала Кэрол, поджимая колени к груди. — Затем на ее основе создали центр помощи нуждающимся подросткам. Я тогда работала в центральном управлении и случайно увидела в благотворительных списках эти три земельных участка: номера 454, 456 и 458 по Тридцать шестой улице. Потом я обратила внимание, что разведчики Маккенны приглядываются к тому кварталу, где теперь возведен небоскреб. Я начала расспрашивать, и в конце концов до меня дошли слухи о том, что собирается строить Маккенна. В то время район представлял собой настоящий кошмар. Но я понимала, что произойдет. Я понимала, что за пару лет стоимость этих трех участков взлетит до небес. Разумеется, ни один член попечительского совета не осмеливался даже нос сунуть в Адскую кухню; никто понятия не имел о том, что здесь происходит. Поэтому я пришла в совет и сказала, что нам надо как можно скорее продать все три участка, потому что кто-то из журналистов начал собирать материал о малолетних наркоманах, проститутках и беспризорных, обосновавшихся в этих домах.

— И тебе поверили?

— О, а то как же. Достаточно было только застрашать членов попечительского совета, что если средства массовой информации проведут о том, что здания принадлежат подростковому центру, поднимется страшный шум. Бедняги пришли в ужас. Все они трусы — и раввины, и священники, и филантропы, и директора крупных компаний. Страшные трусы. Так что попечительский совет срочно избавился от всех трех участков. — Кэрол горько рассмеялась. — Брокер назвал это «распродажей в пожарном порядке».

— И ты купила их сама?

Кэрол кивнула.

— На деньги, полученные от продажи наркотиков, которые отложили мы с моим бывшим дружкой. Я основала подставной фонд Святого Августина. Как это делается, я узнала, когда работала секретарем в юридической конторе в Бостоне. Я также знала, что снести здание мне не

разрешат, поскольку оно числится историческим памятником. Поэтому я просто оставила его себе. А затем я встретила Сынка.

— Как?

— Сынок провел в подростковом центре пару лет после того, как отбыл срок в колонии для несовершеннолетних за то, что спалил дом своей матери и убил ее любовника.

— И, — продолжал Пеллэм, — ты также была знакома с Этти.

— Естественно, — подтвердила Кэрол. — Я же была ее домовладелицей. У меня были копии ее чеков с арендной платой и образцы ее почерка. Я отправила чернокожую женщину, внешне похожую на Этти, в страховую контору, чтобы та оформила страховку на квартиру. Заплатила ей за это несколько сотен долларов. Пока Этти ходила по магазинам, я с помощью мастер-ключа проникла в ее квартиру и нашла банковскую сберегательную книжку.

Пеллэм обвел взглядом плоский, заросший травой пустырь.

— И ты сняла деньги со счета Этти?

— В банк обращалась та же самая женщина, которая оформляла страховку. А что касается записки, обнаруженной на трупе Сынка, которую якобы написала Этти — он должен был подбросить ее на место одного из пожаров. Эту записку также подделала я.

— Но зачем? Ты же все равно не могла забрать деньги из некоммерческого фонда.

Кэрол рассмеялась.

— О, Пеллэм, ты рассуждаешь чисто по-голливудски. Ты считаешь, что каждый преступник должен украсть за раз не меньше десяти миллионов долларов золотом или ста миллионов в ценных бумагах. Совсем как в фильмах Брюса Уиллиса. На самом деле, в реальной жизни все гораздо скромнее. Нет, владея гаражом, который я собиралась построить, фонд стал бы зарабатывать неплохие деньги, и я наняла бы себя саму в качестве исполнительного директора. Получала бы тысяч семьдесят — восемьдесят в год, не опасаясь придирчивого ока генеральной прокуратуры. Плюс еще кое-какая мелочь на карманные расходы — и все равно у фонда остались бы деньги, чтобы помогать беднякам Адской кухни.

Она грустно усмехнулась.

— Пеллэм, на твой взгляд, я не слишком сильно раскаиваюсь в том, что сделала? — Ее волчьи глаза были похожи на бледный лед. — Знаешь, когда я за последние годы единственный раз плакала, плакала по-настоящему? Пять минут назад, думая о тебе. И еще утром после той ночи, которую мы провели вместе. Выкрыв видеокассеты из твоей квартиры, я поехала на работу на метро. Я сидела в вагоне и рыдала, рыдала и рыдала. Я была на грани истерики. Представляла, какой могла бы быть моя жизнь с таким человеком как ты... Но тогда уже было слишком поздно.

Мимо проехала машина, и громко прозвучали мощные басы радиоприемника. Опять та самая песня. *«Это мир белых людей...»*

Монотонный ритм затих вдали.

Пеллэм долго смотрел на руки Кэрол, покрытые ужасными шрамами, и незаметно для самого себя вдруг сказал:

— Но Этти тебе было совсем не жалко?

— Ах, вот в чем дело, Пеллэм, — с горечью заметила Кэрол. — Мне должно было быть жалко Этти Вашингтон? Да она только и способна быть жертвой. Такой удел отвел ей господь. Черт побери, в этом городе половина людей — жертвы, а вторая половина — преступники. И такое положение дел никогда не изменится, Пеллэм. Никогда, никогда, никогда! Неужели ты до сих пор этого не понял? Не имеет никакого значения, что именно произойдет с Этти Вашингтон. Она все равно обязательно отправится за решетку, если не за это, так за что-нибудь другое. Или ее выселят и отправят в приют. Или же просто вышвырнут на улицу.

Кэрол вытерла глаза.

— Помнишь того мальчишку, который повсюду таскался за тобой? Исмаила? Ты наивно полагаешь, будто можешь его спасти. Считаешь, что вы породнились друг с другом. Так знай, в то самое мгновение, как он поймет, что от тебя живого ему нет никакого толка, он вонзит тебе нож в спину, заберет твой бумажник и успеет потратить все деньги еще до того, как ты умрешь... О, ты выглядишь таким умиротворенным, глядя на траву. Но на самом деле ты в ужасе слушаешь то, что я тебе говорю, не так ли? Что ж, я не чудовище. Я реалистка. Я вижу то, что меня окружает. Все это никогда не изменится. Когда-то давно я думала, что могу что-нибудь сделать. Но нет, единственный выход состоит в том, чтобы убраться отсюда. Отгородиться от всего этого многими миллионами или большими деньгами.

— Ну а те видеокассеты, что ты у меня выкрала? Почему ты их вернула?

— Я надеялась, что если сознаюсь в незначительном проступке, ты не будешь подозревать меня в серьезном преступлении. — Кэрол провела рукой в миллиметре от Пеллэма, но так и не прикоснулась к нему. — Я не желала ни чьей смерти. Но так получилось. Так получается всегда, по крайней мере, в таких местах как Адская кухня. Неужели ты не можешь просто отвернуться и сделать вид, будто ничего не произошло?

Пеллэм молча опустил руку и оторвал от носка сапога сухой, свернувшийся листок.

— Пожалуйста! — с мольбой произнесла Кэрол.

Пеллэм молчал.

Она продолжала:

— У меня никогда не было дома. Всю свою жизнь я только и делала, что натыкалась на плохих людей. — Ее шепот наполнился нотками отчаяния.

Увидев, что Пеллэм поднимается, Кэрол тоже встала.

— Нет, не уходи! Пожалуйста!

Тут она посмотрела на шоссе, где остановились три полицейских машины. Кэрол слабо улыбнулась, словно испытал облегчение — казалось, она наконец получила известие, которого ждала очень долго.

— У меня не было другого выхода, — сказал Пеллэм, кивая в сторону машин.

Кэрол медленно повернулась к нему.

— Ты любишь поэзию? Йейтса?

— Ну, читал кое-что.

— «Пасха, 1916-й»?

Пеллэм покачал головой.

Она сказала:

— Там есть одна строчка: «Жертвоприношение, которое длится слишком долго, может превратить сердце в камень.» Это лейтмотив всей моей жизни.

Кэрол издала безумный смешок.

Круизный лайнер компании «Серкл лайн» давно скрылся за Бэттери-парком.

Кэрол внезапно напряглась и подалась вперед, словно собираясь обнять и поцеловать Пеллэма.

На мгновение в груди Джона Пеллэма пробудилось сострадание, и у него мелькнула мысль, что, возможно, зло, выпавшее на долю Кэрол, такое же глубокое и страшное, как и то, которое она причинила сама. Но затем он вспомнил Этти Вашингтон, которую предал Билли Дойл и многие другие, такие же, как Кэрол Вайандотт, и холодно отшатнулся назад.

Над водой раскатился сигнал сирены. Мощный буксир с трудом толкал против течения огромную баржу длиной с футбольное поле. Пеллэм взглянул на отблески солнечного света, разломанные рябью. Сирена раздалась снова. Капитан приветствовал своего собрата, спускающегося навстречу вниз по течению.

Кэрол что-то прошептала — что именно, Пеллэм не расслышал, кажется, одно-единственное слово, — и ее взор ее бледных глаз устремился к горизонту. Глядя вдаль, она безмятежно шагнула назад, провалившись в серо-зеленую воду. Пеллэм не успел сделать и шага, как ее уже затянуло обратным потоком кильватерной струи, оставленной буксиром.

28

Событие получило большую огласку.

Самоубийство директрисы подросткового центра, которая наняла сумасшедшего поджигателя... «Нью-Йорк пост» и «Геральд» обожают такие истории.

В вечернем выпуске новостей было показано, как катера береговой охраны и крошечные синие полицейские лодки прочесывают акваторию Нью-Йоркского порта в поисках тела Кэрол Вайандотт. Лучший снимок удалось сделать корреспонденту «Ассошейтед пресс»: труп утопленницы достают из воды, а на заднем плане Статуя Свободы. Пеллэм увидел фотографию в «Нью-Йорк таймс». Глаза Кэрол были закрыты. Ему вспомнилось, какими они были бледно-голубыми — такими же, какой стала ее кожа после нескольких часов в холодной воде.

Волчьи глаза...

С Этти были сняты все обвинения. Это событие осталось бы практически без внимания средств массовой информации, если бы не одна приманка, включившая желтую прессу в игру: здание по соседству с домом, в котором жила Этти, — тем самым, которое сгорело дотла, — принадлежит Роджеру Маккенне. Разумеется, всем бульварным изданиям захотелось побольнее ущипнуть подрядчика-миллиардера, однако даже самые рьяные любители рыться в грязном белье не смогли найти никакой связи между ним и поджогом. Наоборот, по одному из каналов кабельного телевидения был показан душещипательный репортаж о детском садике, обустроенном по последнему слову техники, который устроил в районе Маккенна (при этом в выпуске новостей прокрутили ролик, снятый в нелегальном детском саду на Двенадцатой авеню, который каким-то образом удалось заполучить Маккенне).

И все же основное внимание было приковано к торжественному открытию Башни Маккенны, намеченному на ближайшую субботу. Хорошие новости: хотя бывший президент Буш-старший, Майкл Джексон и Леонардо Ди-Каприо не смогут принять участие в церемонии, бывшие мэры Нью-Йорка Эд Кох, Дэвид Динкинс и Рудольф Джулиани, популярные телевизионные журналисты Джина Девис, Барбара Уолтерс и Дэвид Леттерман, а также сама Мадонна дали свое согласие.

В пятницу в четыре часа сорок пять минут вечера Джон Пеллэм распахнул одну из высоких бронзовых дверей здания уголовного суда и помог Этти Вашингтон спуститься по короткой лестнице на широкий тротуар.

Они постояли на Центральной улице. На чистом небе не было ни облачка; для середины августа день выдался необычно прохладным. В этот час государственные учреждения заканчивали свою работу, и сотни служащих проходили мимо Этти и Пеллэма, торопясь домой.

— Как вы себя чувствуете? — спросил Пеллэм осунувшуюся пожилую негритянку.

— Замечательно, Джон, просто замечательно.

Однако Этти все еще хромала и время от времени морщилась от боли, поправляя сломанную руку в импровизированной перевязи. Пеллэм обратил внимание, что его автограф на гипсе по-прежнему оставался единственным.

Пожилую негритянку освободили из заключения без каких-либо особых формальностей. Этти показалась Пеллэму еще более исхудавшей, чем

при последнем свидании. Тюремщики были настроены менее враждебно, чем во время предыдущих посещений, но Пеллэм отнес это на счет сонливости, а не раскаяния.

Обернувшись, они увидели помятого мужчину в ветровке и джинсах. Он быстрым шагом направился к ним.

— Добрый день, Пеллэм, миссис Вашингтон.

— Здравствуйте, Ломакс, — ответил Пеллэм.

Его лицо затянула маска гнева. Из всех передряг, через которые ему пришлось пройти за последние несколько дней, — пуля, черкнувшая по щеке, пожар в конторе Бейли, столкновение с ирландскими мафиози в подъезде собственного дома, — самой болезненной была встреча с тощим дружкой брандмейстера, человеком со свертком двадцатипятицентовых монет.

Ломакс замялся. Он, как и собирался, остановил Пеллэма и Этти, но теперь, когда все их внимание было приковано к нему, брандмейстер не знал, что делать дальше. Наконец он протянул руку Этти. Та с опаской ее пожала. Ломакс колебался, решая, предложить ли руку и Пеллэму, но в конце концов почувствовал, и совершенно правильно, что этот жест примирения будет отвергнут.

— Кажется, никому не пришло в голову извиниться перед вами, — сказал Ломакс.

— Президент и первая леди только что ушли, — сказал Пеллэм.

— Я полагал, Луиза Коупель пришлет цветы, — робко попытался шутить брандмейстер.

— Наверное, все цветочные магазины были закрыты.

Этти не принимала никакого участия в этой натянутой словесной перепалке.

— Мы совершили ошибку, — сказал Ломакс. — Я сожалею. И я сожалею, что вы лишились дома.

Этти поблагодарила его, по-прежнему с опаской — как, вероятно, всегда вела себя с полицейскими и как будет вести себя до конца жизни. Они с Ломаксом обменялись несколькими банальными фразами о том, как же это ужасно, что за всем стояла директриса подросткового центра.

— Было время, когда никому не было дела до того, что происходит в Адской кухне, — сказал Ломакс. — Жизнь меняется. Медленно. Но все же меняется.

Этти промолчала, но Пеллэм знал, каким был бы ее ответ. Он помнил практически слово в слово фрагмент одного из интервью:

«...Это роскошное здание, этот небоскреб напротив, он очень красивый. Но, кто бы его ни строил — ради его же собственного блага — надеюсь, этот человек не ждет от здания слишком многого. В Кухне ничто долго не задерживается — разве ты не знаешь? Ничто не меняется, но при этом ничто не держится долго.»

Протянув Этти визитную карточку, Ломакс сказал, что если ей что-нибудь понадобится... Содействие в поисках нового жилья. Другая помощь.

Однако Луис Бейли уже подыскал Этти новую квартиру. Она сообщила Ломаксу об этом.

— И, на самом деле, мне ничего не нужно... — начала было она.

Однако Пеллэм, покачав головой, тронул ее за плечо. Имея в виду: «Давайте не будем торопиться с этим.» Возможно, Бейли был неважным адвокатом, но Пеллэм не сомневался, что он сможет покрутить шестеренки городской власти и добиться щедрой моральной компенсации.

После этого Ломакс ушел, а Пеллэм и Этти подошли к улице. Водители такси, увидев чернокожую женщину и предчувствуя поездку в Гарлем или Бронкс, спешили проехать мимо.

Пеллэма это привело в бешенство, хотя Этти воспринимала все как должное. Увидев, что она поморщилась от боли, Пеллэм предложил:

— Давайте посидим немного вон там.

Он указал на зеленую скамейку.

— Джон, ты знаешь, как раньше называлась эта часть города?

— Понятия не имею.

— Пять вершин.

— Кажется, я даже не слышал такое название.

— В те времена, когда «Крысы» заправляли в Адской кухне, здесь было не менее опасно. А может быть, даже хуже. Об этом мне рассказывал дедушка Ледбеттер. Я еще не говорила тебе про его «гангстерскую тетрадку»? Он собирал в нее всевозможные газетные вырезки о бандитских разборках.

— Не помню, чтобы вы об этом упоминали. — Пеллэм обвел взглядом парк и здания суда, выполненные в неоклассическом стиле. — Я хочу спросить вас о тех деньгах, которые вы отложили. Накопили на банковском счету... вы собирались потратить их на поиски вашей дочери, не так ли?

— О ней вам рассказал Луис?

Пеллэм кивнул.

— Джон, здесь я тоже тебя обманула. Извини. Видишь ли, я согласилась давать тебе интервью в первую очередь потому, что подумала, а вдруг Элизабет увидит меня по телевизору у себя во Флориде — или где там она сейчас. Увидит и позвонит.

— Знаете, Этти, это признание, сделанное Ломаксу, было красивым шагом.

Порывшись в сумочке, пожилая негритянка достала носовой платок. Пеллэм вспомнил, что Этти стирала носовые платки в воде с отдушкой и сушила на леске, натянутой над ванной. Она вытерла глаза.

— Это мучило меня больше всего — страх, что ты решишь, будто я тебе солгала. Или попыталась сделать больно.

— Я ни минуты так не думал.

— А должен был бы, — с укором произнесла Этти. — В этом-то была вся суть. Ты должен был бы вернуться домой в Калифорнию. Покинуть Адскую кухню, где тебе угрожала опасность. Ты должен был бы уехать и больше никогда не возвращаться сюда.

— Вы полагали, что если сознаетесь в чужом преступлении, настоящий убийца откажется от дальнейших попыток расправиться со мной. То же самое в свое время сделал Билли Дойл: сознался в преступлении, спасая жизнь вашего брата.

— Да, именно его поступок натолкнул меня на эту мысль, — объяснила Этти. — Понимаешь, мне-то было хорошо известно, что это не я наняла того психопата, чтобы он поджег здание. Но ведь кто-то это сделал, и этот кто-то до сих пор разгуливал на свободе. И до тех пор, пока ты

продолжал бы копаться во всем этом, настоящий преступник думал бы о том, как с тобой расправиться.

Этти устремила взгляд на затейливую крышу здания небоскреба «Вулворт-билдинг», выкрашенную ярью-медянкой и украшенную изваяниями готических химер-горгулий. Наконец она сказала:

— Джон, у меня отняли так много. Моего Билли Дойла отнял его собственный характер. Какой-то сумасшедший с пистолетом отнял у меня Фрэнки. Какой-то красавчик отнял Элизабет. Даже мой район — его отнимают подрядчики и богачи. Я не хотела, чтобы у меня отняли и тебя. Этого я бы не вынесла. И вот я подумала: «Черт возьми, через несколько лет я выйду из тюрьмы. И может быть, ты тогда захочешь снова говорить со мной, снимать меня на видеокамеру, слушать мои рассказы.» О, быть может, ты бы не захотел, но я поняла бы тебя. Главное, ты был бы живым и здоровым. — Этти рассмеялась. — Эту мелочь я хотела оставить себе. Понимаешь, иногда власть все же можно обмануть. Да-да, можно. Ладно, кажется, мне пора возвращаться домой.

Пеллэм шагнул на проезжую часть, прямо под колеса пустого такси. Машина, визжа тормозами, остановилась меньше чем в полуфуте от него. Пеллэм провел Этти к такси, мимо троих здоровенных детин, которые торопливо тащили скованного наручниками заключенного к зданию суда. Заключенный единственный из четверки уважительно кивнул пожилой женщине. Этти кивнула в ответ. Они сели в такси.

Водитель-пакистанец вопросительно посмотрел на Пеллэма, задавая немой вопрос относительно конечной точки поездки.

— В Адскую кухню, — бросил Пеллэм.

Водитель непонимающе заморгал.

Пеллэм повторил, но водитель лишь покачал головой.

— Угол Тридцать четвертой улицы и Девятой авеню, — объяснил Пеллэм.

Задержав на нем на мгновение взгляд глубоко посаженных глаз, водитель сбросил счетчик, и такси, рванув с места, влилось в поток машин, запрудивших улицы.

29

Вечером следующего дня Пеллэм и Луис Бейли стояли в свежеевыкрашенной конторе адвоката.

Стояли перед открытым окном в совершенно одинаковых позах. Облокотившись на подоконник, прищурились.

— Губернатор штата, — предположил Бейли.

— Нет, не думаю, — возразил Пеллэм.

На самом деле прошло уже почти двадцать лет с тех пор, как Пеллэм не жил в «Имперском штате»^[83], поэтому он имел весьма смутное представление о том, как выглядит губернатор, бывший или нынешний.

— Точно вам говорю.

— Ставлю десять долларов, — предложил Пеллэм.

У него не было никакой убежденности в собственной правоте, однако он успел уяснить, что уверенная напористость решает все.

— Гм. Пять.

Они разняли руки.

В противоположном конце квартала очередной лимузин высадил еще одну важную персону на красную ковровую дорожку, расстеленную к главному входу в Башню Маккенны. Господин в смокинге в сопровождении нескольких телохранителей вошел в здание.

— Посмотрите на номер, — заметил Бейли. — На нем написано «NY-1».

— Ну и что. Быть может, это питчер бейсбольной команды «Нью-Йорк метрополитен».

— Тогда у машины, черт побери, точно была бы на номере не единица, — печально возразил Бейли.

Длинный черный «Линкольн» скрылся за углом. Бейли закрыл окно.

Происходящее напротив было, вероятно, единственной церемонией завершения строительства небоскреба, которая отмечалась на уровне земли. Поскольку крыша Башни Маккенны не смогла вместить все шесть тысяч приглашенных, торжественную церемонию было решено провести в собственном театре небоскреба, просторном зале, предназначенном для постановок бродвейских мюзиклов и пьес. В эту ночь зал был наполнен грохотом музыки канала Эм-ти-ви, лазерами, огромными видеомониторами, объемным звуком по системе «Долби» и компьютерной графикой.

Наполнив маленький стаканчик вином из бутылки, Пеллэм снова настроился на то, что рассказывал Луис Бейли. Переполненный восторгом, адвокат никак не мог остановиться и продолжал говорить о деле Этти. Тем временем в полутемном углу его свежееотремонтированной квартиры Исмаил, в неизменной трехцветной ветровке, листал старый, замусоленный журнал с комиксами. На ногах у него были новые кроссовки, подарок Рамиреса.

— Мне нужно встретиться с одним человеком, окликнул мальчишку Пеллэм. — А тебе пора возвращаться в подростковый центр.

— Слушай, приятель, обожди минутку.

Не так давно позвонил один из личных секретарей Роджера Маккенны и справился, не желает ли Пеллэм присутствовать на торжественной церемонии. Тот отказался, но согласился заглянуть в девять часов вечера; судя по всему, у Маккенны был для него памятный подарок, который, как полагал подрядчик, должен был ему очень понравиться. Пеллэм предположил, это будет какой-нибудь сувенир из исторического прошлого Адской кухни, возможно, обнаруженный во время раскопок при рытье котлована под фундамент небоскреба. Пеллэм, закоренелый сторонник проживания в автофургоне «Уиннебаго», не имел ни малейшего желания обременять себя всевозможными коллекциями. Впрочем, существовала также вероятность, что Маккенна собирался преподнести ему чек на кругленькую сумму — за предупреждение насчет подружки Коркорана или за потрясающие съемки в нелегальном детском саду.

Пеллэм встал.

— Исмаил, пошли.

Мальчишка зевнул.

— Я совсем не устал.

— Пора уходить.

Потянувшись, Исмаил подошел к Бейли и хлопнул его по руке.

— Пока, приятель!

— Холмс^[84]? — переспросил озадаченный адвокат. — Что ж, всего хорошего, Ватсон.

Нахмурившись, Исмаил сказал:

— Увидимся позже.

— Ну хорошо. До встречи, молодой человек.

Пеллэм и Исмаил вышли в темноту Тридцать шестой улицы. К этому времени все гости уже были в башне, и повсюду стояли припаркованные лимузины. В воздухе висело сильное ощущение опустошения. Здание, в котором размещалась контора Бейли, осталось на улице единственным жилым между Девятой и Десятой авеню. Дворец, выстроенный Маккенной, не вернул району в одночасье волшебным образом жителей.

С противоположной стороны улицы строительная площадка была не видна, скрытая рекламными щитами и перетяжками, трепетавшими на жарком вечернем ветерке. Огороженная, она была погружена в темноту. Единственными звуками были слабые отголоски музыки, доносящиеся из театра.

— Пустынно, да? — заметил Пеллэм.

— Что ты сказал, приятель?

— Я говорю про улицу. Она пустынна.

— Ни души, — согласился мальчишка, снова зевнув.

Они прошли мимо большого бульдозера, оставленного на том месте, где когда-то стоял дом, в котором жила Этти.

— Что теперь станется с кварталом? — задумчиво промолвил Пеллэм.

Исмаил пожал плечами.

— Не знаю. А кому какое дело?

Они направились к театру, где их должен был встретить сам Маккенна или один из его помощников. Здание не являлось частью небоскреба, а было построено отдельно. Оно поднималось вверх на восемьдесят футов над блестящим, застекленным подъездом, отделанным мрамором и гранитом. Мотивы в духе Древнего Египта: цветовая гамма песчаная, коричневая, зеленая. В вестибюле никого не было; торжества уже были в самом разгаре.

Проходя мимо строительной площадки, окружавшей театр, Пеллэм смотрел по сторонам. Пока что газоны не были засеяны травой, но на этот вечер вытоптанную землю застелили искусственным покрытием, прижатым кое-где кадками с пальмами. Пеллэм остановился.

— Пеллэм, в чем дело?

— Исмаил, отправляйся в подростковый центр. Мне нужно встретиться с одним человеком.

— Нет, — проскулил мальчишка. — Я остаюсь с тобой, приятель.

— И не надейся. Тебе пора спать.

— Пошел ты к черту, Пеллэм!

— Исмаил, следи за своим языком. А теперь уходи.

Круглое лицо Исмаила скривилось в недовольной гримасе.

— Ну хорошо. До встречи, дружище.

Они хлопнули друг друга по ладоням, и мальчишка медленно побрел на восток. Не по размеру большие баскетбольные кроссовки громко хлопали. Исмаил неохотно шел в направлении центра. Обернувшись, он помахал рукой.

Пропихнувшись в дыру в ограждении, Пеллэм пошел по похожей на губку искусственной траве.

А это что такое?

Пеллэм присмотрелся внимательнее к тому, на что обратил внимание еще с тротуара: рабочие прочно прикрепили деревья в кадках к ручкам дверей черного входа, привязав их крепкой веревкой. Он предположил, это было сделано для того, чтобы пальмы не растащили местные жители.

Но при этом оказались перекрыты двери пожарного выхода.

И перекрыты наглухо, черт побери, — многочисленными витками прочной веревки. Из двадцати дверей пожарных выходов не перекрытой оставалась только одна. Она была чуть приоткрыта. Из нее доносились приглушенные звуки рукоплесканий и смеха и громкое буханье басов музыки. Подойдя к двери, Пеллэм заглянул внутрь.

Дверь вела не в сам театр, а на пожарную лестницу, которая, как предположил Пеллэм, сообщалась с балконами и ложами зрительного зала. В коридоре царила полная темнота, лишь кое-где разрываемая причудливым светом ламп пожарного освещения. Внутренние двери были распахнуты настежь, и Пеллэм различил красный бархат сидений и каштаново-коричневый ковролин на полу.

Вдруг его внимание привлекло что-то на стене коридора. Присмотревшись, Пеллэм разглядел, что это был скомканный лист бумаги — план западной части Манхэттена. Он показался ему знакомым, и через мгновение Пеллэм понял, почему. Такой же план был обнаружен на месте пожара в конторе Бейли. План, на котором Сынок отмечал свои поджоги.

Но только на этом плане целью был обозначен не конференц-зал Джевитса, а Башня Маккенны.

Внезапно у Пеллэма защипало глаза, и он почувствовал сильный запах едких паров. Похожий на запах моющего средства, который несколько дней назад Пеллэм ощутил в конторе Бейли. Пеллэм вспомнил, что обратил внимание на этот запах за мгновение перед тем, как взорвалась лампочка.

Но, разумеется, это было никакое не моющее средство. Это был самодельный напалм. И источник его находился здесь, прямо перед Пеллэмом: четыре бочки адской смеси. Выставленных в ряд вдоль стены. Со снятыми крышками.

Сзади слышался какой-то шорох.

Пеллэм стремительно обернулся.

У него за спиной стоял, склонив голову набок, светловолосый парень. На лице у парня витала безумная усмешка, а в глазах плясали отсветы огней небоскреба.

— Джо Бак, — прошептал парень. — Пеллэм, Пеллэм. Я Сынок. Очень приятно наконец встретиться с тобой лицом к лицу.

«Кольт» уже выскочил из-за пояса, курок был наполовину взведен, но тут Сынок взмахнул тяжелым гаечным ключом, с силой обрушив его Пеллэму на руку. Громко хрустнула сломанная кость; удар был настолько сильный, что на запястье образовалась большая рваная рана. Хлынула кровь. Закатив глаза, Пеллэм вскрикнул и рухнул назад, ударившись затылком о бочку. Та глухо загудела, словно колокол в сырую погоду.

Отложив гаечный ключ, Сынок подобрал револьвер Пеллэма и сунул его за пояс. Затем достал из кармана наручники.

И зажигалку.

Первой мыслью Пеллэма было: "Почему нет боли? Почему я ничего не чувствую?"

Он ее сломал. Он сломал мне руку..."

Из рассеченного запястья хлестала кровь.

Сынок, поставив Пеллэму на лбу его собственной кровью кастовую отметку, нагнулся и стал рыться в своих карманах. В конце концов он достал маленький серебристый ключик от наручников. У него тряслись руки. Длинные, волнистые волосы стекали с головы струями воды.

«Почему я не чувствую боли?» — думал Пеллэм, уставившись на свою изуродованную руку.

— Если ты хочешь узнать, кто это был в конторе адвоката, — равнодушным голосом произнес сумасшедший парень, — я тебе скажу: это был твой дружок Алекс. Долбанный стукач. Я прикатил его туда из своей квартиры в пустой бочке — пришлось сложить ублюдка пополам. Не сомневаюсь, это путешествие ему совсем не понравилось. И я оставил Алекса под лампочкой для загара. Мне нужно было стряхнуть со своей спины всех вас педерастов-ковбоев.

Сынок отпер один браслет наручников и кивнул в сторону зрительного зала.

— Это будет последний пожар. Пошли, предлагаю занять место в первом ряду. — Грубо схватив Пеллэма за шиворот, Сынок рывком поднял его на ноги. — Мы отправимся все вместе, Джо Бак, долбанный антихрист, твою мать... Ты, я и еще тысяч пять хороших и порядочных людей.

Ударом ноги он опрокинул бочку, и пенистая жидкость разлилась по коридору, затекая в зрительный зал. За первой бочкой последовала вторая.

— Это мой «сироп», — небрежным тоном объяснил Сынок. — Мое собственное изобретение. Видишь ли, одного только бензина недостаточно. Бензин — дерьмовая штука. Низкая точка воспламенения, большая вспышка, относительно холодное пламя — и все кончено. Я в свое время знавал одного поджигателя...

Сынок принялся отпирать второй браслет наручников. У него страшно тряслись руки. Остановившись, он сделал глубокий вдох. Хотя Пеллэма тошнило от запаха горючей жидкости, Сынка он, похоже, наоборот успокоил. Снова занявшись наручниками, он продолжал:

— Так вот, этот тип пользовался соляркой. Считал себя таки-им крутым! И вот однажды ему надо было поработать на третьем этаже старого жилого дома. Он поднимает наверх две пятигаллонных канистры, обливает все вокруг и разбивает колбу лампочки: хозяин придет, щелкнет выключателем — и пошло-поехало. Затем этот тип начинает рыться в шкафах и ящиках в поисках драгоценностей или не знаю чего еще. Но только он совсем упускает из виду, что пары солярки тяжелее воздуха. Так что пока этот тип занимается хрен знает чем наверху, пары скапливаются в подвале. Где находится... угадай, что? Та-та-та... сигнальная лампочка отопительного котла. Кажется, от этого типа нашли только фрагменты скелета.

Пеллэм задыхался. В коридор вылились не меньше ста галлонов адской смеси. Пеллэм вспомнил то, что рассказал ему Ломакс про пожар в «Счастливой стране». Тогда всего одного галлона бензина хватило, чтобы превратить клуб в преисподнюю.

— Ну что, пошли, «полуночный ковбой».

Сынок взял Пеллэма за сломанную руку. Кость сместилась, и наконец волна обжигающей боли разлилась по плечу, поднимаясь к шее и лицу. Пеллэм совершенно непроизвольно взмахнул левой рукой, попав Сынку в подбородок. Удар получился слабый, однако он застал поджигателя врасплох, и тот отступил назад.

— Ах ты мразь!

Сынок толкнул Пеллэма спиной в стену.

Упав на колени, Пеллэм зачерпнул ладонью пригоршню самодельного напалма и плеснул его Сынку в лицо. В глаза он промахнулся, однако зато попал в рот и нос. Сынок отскочил назад, вопя от боли. Он выронил зажигалку. Пеллэм, подхватив ее, бросился на Сынка, но тот уже лихорадочно доставал из-за пояса «кольт».

— Зачем ты это сделал? — заорал парень.

Казалось, поступок Пеллэма его ошеломил. Щека Сынка стала свекольно-багровой. Рот распух. Однако в ясных глаза горело безумие. Сынок вскинул револьвер и нажал на спусковой крючок.

Развернувшись, Пеллэм заковылял к двери.

Судя по всему, Сынок понятия не имел, что этот старый «кольт» не был самовзводным. Для того, чтобы сделать выстрел, необходимо было

сначала взвести курок. Воспользовавшись этой заминкой, Пеллэм, шатаясь, вышел на улицу и закричал, призывая на помощь.

Кажется, в конце квартала проходил какой-то прохожий. Пеллэм не мог сказать точно. Прохожий вроде бы обернулся на крик. Пеллэм попытался махнуть здоровой рукой, но от этого движения ощутил скрежещущий поцелуй сместившихся концов сломанной кости другой руки. Едва не потеряв сознание от боли, Пеллэм закричал снова, но так и не смог разобрать, заметил ли его прохожий — если он вообще был.

Выплевывая изо рта напалм, Сынок выскочил на улицу следом. Оглянувшись назад, Пеллэм успел различить бледное лицо, щели голубых глаз, белую руку, сжимающую черный револьвер. Светлые волосы, танцующие словно струйки дыма.

О господи, как же больно! Прижав сломанную руку к груди, Пеллэм шагнул на середину проезжей части.

Впереди мелькнули сдвоенные огни фар. Приблизившись, машина замедлила ход. Предпочтя не увидеть Пеллэма, водитель уставился прямо вперед, изображая беспокойство человека, опаздывающего на званный вечер, и снова надавил на газ.

Пеллэм продолжал уходить от театра, приближаясь к самой Башне.

Его одна за другой накрывали волны боли. Пот струился градом. Встряска при каждом шаге увеличивала страдания. Пеллэму нестерпимо хотелось остановиться, чтобы перевести дыхание.

Останавливаться нельзя! Надо идти дальше!

Взгляд назад. Сынок тоже брел спотыкаясь, но все же он нагонял Пеллэма. Пеллэм решил, что парень уже успел определить, как действует револьвер. Еще через минуту он приблизится настолько, что сможет стрелять. Свернув в переулок, Пеллэм побежал, направляясь к небоскребу с задней стороны. Под ногами хрустели блестящие осколки ампул и шприцев. Судя по всему, этот переулок облюбовали любители «крэка». Раздавленное стекло впечатывалось в асфальт.

Позади слышался топот ног светловолосого парня.

Бабах!

Пуля разнесла вдребезги стекло пустующего дома.

Еще один выстрел.

Дай бог, кто-то услышит стрельбу и вызовет полицию.

Но нет, разумеется, этого не произойдет. Кто обратит внимание на подобную мелочь? Это лишь обязательный элемент звукового сопровождения обычной ночи в Адской кухне. Подумаешь, эка невидаль!

Случайные прохожие поспешат убедить себя: «Иди своей дорогой, смотри себе под ноги. Тебя это никак не касается.»

А те, кто находится дома, отойдут подальше от окон. «Любимая, иди ко мне в кровать...»

«Это мир белых людей...»

31

Шатаясь, Пеллэм вышел из переулочка на Тридцать пятую улицу. Теперь уже целый квартал отделял его от театра и проходящих в нем торжеств. Эта улица оказалась еще более пустынной, чем Тридцать шестая.

Единственное движение производили мошки, бьющиеся о толстые стекла уличных фонарей.

Рок-музыка звучала совсем тихо. Пеллэм с облегчением подумал, что ему по крайней мере удалось отвести Сынка от заполненного людьми театра. Кто-нибудь почувствует запах горючей смеси, и всех гостей эвакуируют из здания.

Неосторожно крутанув головой, Пеллэм едва не потерял сознание. Придя в себя, он обнаружил, что стоит на четвереньках посреди улицы. Обернувшись, Пеллэм увидел Сынка, с губами, покрасневшими и распухшими от контакта с самодельным напалмом. Поджигатель приближался, помахивая надетыми на запястье наручниками. Поднявшись на ноги, Пеллэм побрел вглубь улицы, теряющейся в полумраке. Повсюду вокруг пустующие жилые здания с заколоченными окнами и строительные площадки. Пеллэм добрался до забора, окружающего основание небоскреба, и пролез в дыру в воротах из сетки-рабицы.

Здесь, на строительной площадке он будет в безопасности. Тут было очень темно. Сынок ни за что не найдет его среди бараков, штабелей досок и фанеры, компрессоров, другого оборудования и строительных лесов, украшенных красными, белыми и синими перетяжками. Множество укромных мест, где можно спрятаться. Множество техники, под которую можно забраться.

Множество мест, где можно остановиться и лечь, чтобы унять жуткую боль.

Пеллэм доковылял до небольшого металлического ангара и забрался в темноту под ним. Сынок приближался. Сетка-рабица загремела снова. А может быть, сумасшедший парень просто проверит дыру и пойдет дальше? Не станет залезать на стройплощадку? Но нет, Сынок тоже пролез в дыру. Его шаги зазвучали близко.

Совсем близко.

— Эй, Джо Бак... Зачем ты бегаешь от меня? — Казалось, парень был озадачен. — Мы отправимся вместе. — Звяканье наручников. — Ты и я.

Открыв глаза, Пеллэм увидел ноги, обутые в стоптанные белые туфли, медленно ступающие по щебню и земле. Один шнурок развязался и тащился следом, выпачканный в грязи. Пеллэм почему-то подумал про Гектора Рамиреса и партию краденых кроссовок.

Сынок нагнулся, рассматривая что-то на земле.

Вдруг до Пеллэма дошло, что он ищет его кровь. Сынок идет по кровавому следу, который привел его к ангару. Но почему он до сих пор не нашел Пеллэма? Наверное, здесь слишком темно.

Послышался скрежет металла по металлу.

Гулкий удар по железной бочке, подобный звону колокола.

Затем шелест жидкости, выливающейся на землю. Пеллэм крепче прижал к груди сломанную руку. Что замыслил Сынок?

Снова скрежет и снова шелест жидкости.

Небольшая заминка. Вдруг совсем рядом прогремел выстрел. Пеллэм испуганно подскочил. Последовала яркая вспышка, и Пеллэм понял, что Сынок вылил на землю бензин или дизельное топливо и воспламенил его выстрелом.

Непроницаемый мрак мгновенно сменился ослепительным светом.

— Ага, Пеллэм...

Яркий желтоватый свет озарил кровавый след, оставленный Пеллэмом, ведущий к его укрытию. Тем не менее Пеллэм не тронулся с места, решив, что ему все равно ни за что не убежать от Сынка. В сиянии пожара он увидел, что обезумевший Сынок побежал в

противоположный конец стройплощадки, туда, где стояла все еще обернутая бумагой статуя. Поджигатель искал Пеллэма.

Пеллэм ощутил со всех сторон огнедышащий жар. Горящий бензин разливался по лесам и штабелям досок, воспламеняя все вокруг. Загорелись два — нет, три деревянных барака. Затем еще один. Вспыхнул грузовик. Громко хлопнули прогоревшие крыши, наполнив воздух клубящимся черным дымом и запахом горелой резины. Дерево трещало словно патроны, и время от времени раздавались взрывы топливных баков — с бензином и пропаном. Во все стороны шипящей картечью разлетались осколки.

Вся строительная площадка, простиравшаяся почти на полквартала, внезапно занялась огнем. Загорались все новые и новые машины. С громким треском полыхали бараки, штабеля досок и дорогих облицовочных панелей, предназначенных, вероятно, для пентхауса самого Роджера Маккенны. Бушующий горячий ветер разносил снопы искр к поддонам, наваленным у ангара, под которым укрывался Пеллэм. Он забился в дальний угол, спасаясь от адского пекла.

Рев пожара напоминал грохот поезда в тоннеле метро.

В это мгновение — когда уже вся стройплощадка была охвачена пламенем, когда уже практически не осталось ничего, не тронутого огнем, — вспыхнул маленький полумесяц красно-бело-синей перетяжки. В отличие от бушующего внизу моря огня, этот кусок материи горел мирно. Восходящий поток горячего воздуха поднял его вверх.

И именно этот клочок ткани патриотических цветов, а вовсе не галлоны легковоспламеняющегося топлива или штабеля горящего дерева, в конце концов поджег саму Башню Маккенны.

Воспарив в воздух, горящий кусок материи упал на ряд картонных коробок, которыми был заставлен открытый атриум. Картон начал тлеть, затем вспыхнул ярким пламенем. Через несколько минут огонь перекинулся в вестибюль, распространился по конторам, оформленным рукой опытного дизайнера, запылил высокие пальмы, которые в свое время так поразили Этти Вашингтон, видевшую, как их привозили, охватил рулоны линолеума и обоев, ведра с краской. Снова последовали взрывы баллонов с пропаном, выстреливших заряды шрапнели в вестибюль. Огромные зеркальные стекла, лопнув, вывалились наружу.

Повсюду огонь.

Бумага, которой была обернута статуя, сгорела, но Пеллэм, ковылявший к воротам, все равно не смог определить, что это было.

Он больше не смог терпеть. Огонь подобрался слишком близко, жар стал слишком невыносимым. Пеллэм выбрался из укрытия, и в это самое мгновение лопнуло окно ангара, осыпав его раскаленными осколками.

Оставался только один путь к спасению — тот, которым Пеллэм попал на стройплощадку, через дыру в воротах. Сынок тоже понимал это. Но больше бежать было некуда: весь внутренний двор был объят пламенем.

Пеллэм выбрался из укрытия и, шатаясь, побрел к воротам. Обернувшись, он увидел яркое сияние в окнах второго этажа небоскреба, затем в окнах третьего этажа, потом уже шестого или восьмого этажа, все выше и выше. Высоченное здание засасывало в себя огонь подобно пищеводу.

Огромные листы зеркального стекла с грохотом лопались, проливаясь на землю дождем осколков и черного, обугленного пластика.

Пеллэм уже добрался до ворот, но Сынка до сих пор нигде не было видно.

«Каменное сердце...»

Пеллэму удалось протиснуться в дыру, но один край сетки, выскользнув из пальцев, ударил по сломанной руке. На мгновение Пеллэм потерял сознание; очнувшись, он обнаружил, что стоит на земле на карачках. Шумно втянув в грудь воздух, Пеллэм пополз на четвереньках прочь от стройплощадки на середину Тридцать пятой улицы. Позади него оставалась сплошная стена желтого пламени, бушующие смерчи оранжевого пламени, ослепительные протуберанцы голубого пламени. Лопались окна, рушились стены. Тяжелые бульдозеры и экскаваторы, ангары и грузовики умирали страшной смертью.

Вдруг Пеллэма схватили чьи-то руки.

Изогнувшись змеей, Сынок застегнул второй браслет наручника на здоровой руке Пеллэма и потащил его назад на стройплощадку.

— Ну же, пошли, пошли! — кричал он.

Пеллэм приготовился почувствовать удар пули, но Сынок выбросил «кольт». У него на уме было что-то другое. Он тащил Пеллэма к колодцу перед одним из ангара. Колодец был заполнен пылающей соляной. Сынок упрямо волок Пеллэма к нему. Упав на сломанную руку, Пеллэм на мгновение снова потерял сознание. Очнувшись, он обнаружил, что Сынок, напрягая в безумии все свои силы, уже дотащил его до края колодца.

— Разве это не красиво? — крикнул он, глядя на бурлящее пламя под ногами. — Разве это не прекрасно?

Сынок нагнулся — и в это самое мгновение Пеллэм лягнул его сапогом. Поскользнувшись на краю колодца, Сынок провалился по пояс в горящую солярку. Издав нечеловеческий крик, он принялся дергаться из стороны в сторону, этим увлекая Пеллэма за собой.

Ослепленный дымом, опаленный огнем, Пеллэм никак не мог найти точку опоры. Он чувствовал, как его затягивает все ближе и ближе в преисподнюю. У него в памяти всплыл голос Этти:

«Иногда мы с сестрой Эльсбет ходили туда, где по Восьмой авеню водили ягнят на скотобойню на Сорок второй улице. У мясников была особая овца-предатель. Знаешь, что это такое? Она ведет остальных ягнят на скотобойню. Мы кричали, швыряли в эту овцу камни, чтобы заставить ее отвернуть, но у нас так ничего и не получилось. Овца знала свое дело.»

И вдруг он услышал:

— Пеллэм, Пеллэм, Пеллэм...

Высокий детский голос, наполненный паникой.

Пеллэм различил сквозь пелену дыма смутный силуэт. Человек. Вырвавшиеся из колодца клубы густого черного дыма окутали Пеллэма. Он упал на колени. Тело Сынка, бьющееся в судорогах, тянуло его вниз.

Пеллэм прищурился, пытаясь разглядеть что-либо сквозь дым.

У проволочной ограды стоял Исмаил. По лицу мальчишки катились слезы.

— Сюда! Он здесь!

Исмаил лихорадочно замахал руками, показывая на Пеллэма.

К нему подбежала вторая фигура. Оба человека пролезли в дыру в воротах.

— Не подходите! — крикнул им Пеллэм.

— Господи, — пробормотал Рамирес, хватая Пеллэма за запястье в тот самый миг, когда он уже начал срываться с края колодца в море огня.

Вывхватив из-за пояса черный пистолет, латиноамериканец приставил дуло к цепочке наручников и выстрелил пять или шесть раз.

Пеллэм почти не слышал звук выстрелов. Он почти не слышал рев пламени, голос Рамиреса, который тащил его прочь от огня. У него в ушах стоял лишь тонкий голосок Исмаила, причитавшего:

— Все будет хорошо, все будет хорошо, все будет хорошо...

32

Они поменялись ролями.

Теперь настал черед Этти Вашингтон навестить Пеллэма в больнице. В отличие от него она предусмотрительно захватила с собой подарок. Однако, не цветы и не конфеты. Кое-что получше. Налив из пронесенной тайком бутылки вино в два пластиковых стаканчика, Этти протянула один Пеллэму.

— За твоё здоровье, — сказала она.

— И за ваше.

Пеллэм осушил свою порцию залпом. Этти — он запомнил это ещё тогда, когда смотрел на нее в окуляр видеокамеры, — потягивала вино не спеша. Она была олицетворением бережливой хозяйки. Как вспомнил Пеллэм, этому искусству Этти выучилась ещё в детстве у бабушки Ледбеттер.

Отдельная палата, в которую поместили Пеллэма, находилась выше той, где арестовали Этти, и ниже той, где лежал Хуан Торрес, бедный мальчуган, получивший смертельные ожоги при пожаре. Пеллэму вдруг захотелось узнать, а где сейчас находится труп Сынка? По всей видимости, морг располагается в подвальном этаже. А может быть, труп поджигателя доставили в городской морг. Теперь его уделом будет обычное вскрытие, а затем последнее путешествие на кладбище Поттерс-филд.

— Джон, ко мне пристают с расспросами и просят рассказать, что же все-таки произошло. Обращаются ко мне потому, что я знакома с тобой. И полиция, и брандмейстеры, и журналисты — все хотят узнать, как тебе удалось вырваться из рук этого психа-поджигателя. Все уверены, что ты знаешь, но почему-то не хочешь говорить.

— Произошло чудо, — криво усмехнулся Пеллэм.

Но Пеллэм не собирался усложнять жизнь своим неожиданным друзьям, рассказывая о том, как Исмаил, вместо того, чтобы вернуться в подростковый центр, продолжал слоняться по району, мечтая побыть с

Пеллэмом еще немного. Увидев то, как Сынок напал на Пеллэма, он сбегал и позвал на помощь Гектора Рамиреса.

— Ну, не хочешь говорить — уноси это с собой в могилу, — сказала Этти, повторяя любимое выражение своего деда. — Но брандмейстер Ломакс сказал еще кое-что. Если честно, я его не совсем поняла. Он сказал, что тебе, наверное, следует поскорее покинуть город, пока ты не станешь мистером Невезунчиком... Вот. Ну что, Джон, ты так и поступишь? Уедешь отсюда?

— Едва ли. Сначала нам нужно закончить фильм.

— Тут к тебе приходил тот мальчишка. Пока ты спал.

— Исмаил?

Этти кивнула.

— Он уже ушел. Ну этот паренек и выражается! Правда, я поставила его на место. Подумать только, так разговаривать со взрослыми... Он обещал вернуться.

Пеллэм не сомневался, что Исмаил сдержит обещание.

«Я буду твоим другом.»

Что ж, Исмаил, а я буду твоим другом.

«Вот что самое замечательное в долгах. Даже после того, как ты с ними полностью рассчитаешься, они все равно никогда тебя не оставят.»

Этти также захватила с собой последний номер «Нью-Йорк пост» с огромным заголовком на первой полосе («Небоскреб, ставший преисподней») и не менее огромной фотографией пылающей Башни Маккенны.

Человеческих жертв не было. Всего при пожаре пострадали пятьдесят восемь человек — в основном, отравились дымом. Самодельный напалм в театре так и остался неподожженным, и единственными пострадавшими были несколько человек, которых помяли в давке, когда объятая паникой толпа устремилась к выходу. Самой серьезной травмой оказалась сломанная нога: телохранители довольно грубо оттолкнули в сторону одну женщину, освобождая проход важной персоне, своему подопечному (как выяснилось, губернатору штата, так что Пеллэму пришлось заплатить пять долларов Луису Бейли, королю шестеренок, по части как смазывания, так и забивания песком).

Небоскреб был уничтожен полностью. Сожжен дотла. Разумеется, здание было застраховано, однако страховка покрывала только стоимость самого сооружения, а не упущенную выгоду. Без арендной платы от рекламного агентства подрядчик не сможет выплатить проценты за четвертый квартал по займам, сделанным в крупнейших международных банках. Маккенна и его компании уже начали подготовку документов к процедуре банкротства.

Врезка на первой полосе была озаглавлена «Роджер, добро пожаловать в клуб разорившихся».

Как это ни странно, на всех фотографиях подрядчика был виден невозмутимый бизнесмен, совершенно равнодушно отнесшийся к потере нескольких миллиардов долларов. На одном снимке жизнерадостный Маккенна заходил в контору своих адвокатов в сопровождении привлекательной молодой женщины, названной его личным помощником. Подрядчик смотрел на свою спутницу; та смотрела в объектив фотоаппарата.

В больничной палате вдруг на мгновение потемнело, стены пустились в хоровод. Пеллэм поспешно сунул в рот спасительную таблетку димедрола и запил ее вином.

Взглянув на Этти, он увидел, что ее лицо стало строгим. Однако это никак не было связано с тем, что Пеллэм смешал спиртное с лекарством.

Этти сказала:

— Джон, ты сделал для меня так много. Ты в прямом смысле рисковал жизнью. Тебе следовало все бросить и уехать домой. Ты ничего мне не должен.

Говорить или нет? Над этим вопросом Пеллэм ломал голову все последние несколько месяцев. Добрый десяток раз он уже бывал на грани того, чтобы во всем признаться.

И вот сейчас Пеллэм, наконец, сказал:

— Нет, должен, Этти.

— Джон, ты выглядишь как-то странно. О чем ты говоришь?

— Я перед вами в огромном долгу.

— Да нет же, ты мне ничего не должен.

— Ну, если точно, это не мой долг. Это долг моего отца.

— Твоего отца? Да я даже не была с ним знакома.

— Вы были с ним знакомы. Вы были за ним замужем.

Помолчав, Этти прошептала:

— Билли Дойл?

— Он мой родной отец, — подтвердил Пеллэм.

Этти застыла совершенно неподвижно. Впервые за все те месяцы, что Пеллэм ее знал, он не мог найти у нее на лице ни тени какого-либо чувства.

— Но... как это могло случиться? — наконец спросила Этти.

Пеллэм повторил ей то, что уже говорил Рамиресу: про признание своей матери, про то, что ее муж постоянно бывал в разъездах, про любовника, предполагаемого отца Пеллэма.

Этти кивнула.

— Билли рассказывал мне о том, что у него когда-то была подружка на севере штата. Должно быть, это и есть твоя мать... О боже, боже... — Она вернулась в прошлое, копаясь в богатых воспоминаниях. — Билли говорил, что любил ее, но она не хотела бросать мужа. Поэтому он сам бросил ее и перебрался сюда, в Адскую кухню.

— Мать сказала, что получила от него одно письмо, — сказал Пеллэм. — Обратного адреса не было, но штемпель был поставлен в почтовом отделении на Восьмой авеню. Вот зачем я приехал в Нью-Йорк — чтобы разыскать отца. Или, по крайней мере, что-нибудь узнать о нем. Я даже не мог сказать, хочу ли с ним встречаться. Покопавшись в архивах, я обнаружил прошение о брачной лицензии.

— Со мной?

— С вами. И ваш брачный сертификат. В нем был указан ваш старый адрес, в доме на Тридцать шестой улице.

— Ну да, тот самый дом, в котором мы с Билли жили после свадьбы. Его снесли несколько лет назад.

— Знаю. Расспросив людей в округе, я выяснил, что Билли давно уже не живет здесь, а вы переехали в другой дом на той же улице. В дом номер 458.

— И ты пришел ко мне в гости. Захватив видеокамеру. Почему ты мне ничего не сказал, Джон?

— Я собирался сразу во всем признаться. Но затем я узнал, что Билли сбежал от вас. И решил, что вы, узнав, что к чему, не захотите тратить время на разговоры со мной.

Прищурившись, Этти всмотрелась ему в лицо.

— Вот почему ты так напоминал мне Джеймса.

После того, как Этти где-то с месяц назад рассказала ему о своем сыне, Пеллэм какое-то время привыкал к мысли, что он больше не единственный ребенок. У него есть брат, сводный брат.

Вдруг Этти пожала ему руку.

— Ну уж этот Билли Дойл... Дай-ка прикинуть, мне он был мужем, а тебе отцом. Кем это делает нас с тобой, меня и тебя, Джон?

— Сиротами, — предположил Пеллэм.

— Знаешь, я никогда в жизни не гонялась за мужчинами. После того, как Билли ушел, я даже не думала о том, чтобы попытаться его найти. Никогда его не разыскивала. И все же мне любопытно. — Хитрая улыбка. — У тебя случайно нет никаких догадок о том, где он может быть?

Пеллэм покачал головой.

— Никаких. Я проверил все местные архивы. Никаких следов.

— Билли поговаривал о том, чтобы вернуться в Ирландию. Быть может, в конце концов он так и поступил, кто знает? — Помолчав, Этти добавила: — Здесь до сих пор остался кое-кто из его прежних дружков. Я иногда вижу их в барах. Если хочешь, мы могли бы с ними поговорить. Как знать, может быть, кто-нибудь что-то слышал.

Пеллэм понял, что ему придется хорошенько подумать над этим. Сразу он ничего не мог решить. Выглянув в окно, Пеллэм увидел мрачные серо-бурые жилые здания, приземистые склады, сверкающие небоскребы, почерневшие остовы снесенных зданий.

К западу от Восьмой авеню...

У него вдруг мелькнула мысль, что Адская кухня в каком-то отношении напоминала предпринятые им поиски Билли Дойла: неудачу, не принесшую разочарования; надежду, которая не воплотилась в желание.

Медсестра, уроженка Южных штатов, которая неделю назад ухаживала за Этти, плавно вплыла в палату в белоснежном халате и предупредила пожилую негритянку, что ей пора уходить.

— Кажется, он малость утомился, — проскрежетала она, по-техасски растягивая слова.

Насколько помнил Пеллэм, у нее было веснушчатое лицо, однако у него перед глазами до сих пор все плыло.

Медсестра продолжала, обращаясь к нему:

— Милок, не хотите немного отдохнуть?

— Если честно, не хочу, — ответил Пеллэм.

Точнее, ему показалось, что он ответил. А может быть, и не ответил. Его глаза закрылись сами собой, стаканчик выпал у него из руки. Пеллэм услышал, как стаканчик подобрали с пола, уловил мимолетный аромат духов, а затем, прекратив сопротивление, провалился в сон.

Notes

[1] «Права Миранды» — права лица, подозреваемого в совершении преступления, которыми оно располагает при задержании и которые ему должны быть разъяснены при аресте до начала допроса. Сформулированы Верховным судом США в деле «Миранда против штата Аризона». (Здесь и далее примечания переводчика)

[2] Пятая поправка к Конституции США, определяет, в частности, порядок привлечения к ответственности подозреваемого в совершении тяжкого преступления.

[3] Джо Бак, герой популярного фильма «Полуночный ковбой», наивный техасский мечтатель, приезжает в Нью-Йорк, чтобы сколотить себе состояние.

[4] Кодовый сигнал управления пожарной охраны Нью-Йорка, означающий пожар.

[5] Фамилия главной героини сериала «Секретные материалы» — Скалли. Scullery в переводе с английского — судомойка.

[6] Непереводаемая игра слов: новообразование «битчен» (производное от английских слов bath — ванна и kitchen — кухня) созвучно бранному слову.

[7] Кансеко, Хосе — знаменитый бейсболист, выступает за команду «Йонкерс».

[8] Фронтир — в американской истории западная граница территории, осваиваемая компактно проживающими группами жителей. Освоение Фронтира продолжалось с начала восемнадцатого до конца девятнадцатого века. Общеизвестно, что Фронтир сыграл важную роль в формировании национального характера, привив американцам такие качества, как индивидуализм, свободолюбие, оптимизм и вера в собственные силы.

[9] В американской судебной практике поручитель — лицо, имеющее лицензию на освобождение арестованного под залог, который служит гарантией явки ответчика по делу в суд. Клиент оплачивает услуги поручителя.

[10] Раньон, Деймон — американский журналист, писатель, автор красочных описаний жизни Нью-Йорка и его обитателей от актеров с Бродвея до гангстеров.

[11] Трамп, Дональд — крупнейший делец на нью-йоркском рынке недвижимости, владелец нескольких небоскребов в центре города.

[12] «Большое яблоко» — прозвище города Нью-Йорка.

[13] Ларедо — город на юго-западе штата Техас на границе с Мексикой. В начале XIX века в его окрестностях происходили постоянные стычки с индейцами.

[14] Американские певицы, известные исполнители джаза.

[15] да (исп.)

[16] кубинские (исп.)

[17] добрый день (исп.)

[18] добрый вечер (исп.)

[19] здесь (исп.)

[20] никаких банд нет (исп.)

[21] это клуб (исп.)

[22] помещение (исп.)

[23] хорошие ребята (исп.)

[24] люди (исп.)

[25] улицы (исп.)

[26] ты говоришь по-английски? (исп.)

[27] правда превыше всего (исп.)

[28] правда на первом месте (исп.)

[29] кубинцы (исп.)

[30] малышами (исп.)

[31]

[32] правда (лат.)

[33] Ист-Вилледж, один из районов южного Манхэттера, в начале XX века начал заселяться иммигрантами и к 60-м годам считался одним из самых криминогенных в городе, а Шестая улица являлась городским «центром» наркоманов.

[34] «Город мишурного блеска» — одно из образных названий Голливуда.

[35] Судоходный канал, который соединяет пролив Ист-Ривер с рекой Гудзон.

[36] Здесь перечисляются богатые, респектабельные жилые кварталы Нью-Йорка.

[37] «Штат Садов» — официальное прозвище штата Нью-Джерси. Это название написано на номерах автомобилей, зарегистрированных в штате.

[38] Де-Милль, Сесиль Блаунт — американский режиссер, продюсер, драматург; среди его работ — несколько фильмов на библейские темы.

[39] Американская журналистка, видная деятельница борьбы за равноправие женщин.

[40] церковь (исп.)

[41] священник (исп.)

[42] Шинн фейн («Мы сами») — ирландская националистическая партия.

[43] лоялисты — противники отделения Северной Ирландии от Великобритании.

[44] Национально-освободительное восстание в Ирландии в 1916 году.

[45] Прозвище английских полицейских сил в Ирландии в 1920-21 годах.

[46] Законодательство штата Невада позволяет получить развод быстро, без лишних формальностей, по заявлению одного из супругов.

[47] у меня болит горло (исп.)

[48] я болен (исп.)

[49] Дословный перевод с испанского названия Лос-Анджелес.

[50] Известная тюрьма штата Нью-Йорк, находится севернее Нью-Йорка на берегу реки Гудзон.

[51] Рокфеллеровский центр — комплекс из девятнадцати небоскребов, расположенный в центре Нью-Йорка; считается одним из символов города.

[52] Братья Зекендорфы, Уильям и Артур — владельцы крупной компании недвижимости. Хелмсли, Хантер Херст — магнат, занимается недвижимостью.

[53] В 1911 году во время пожара на швейной фабрике компании «Трайэнгл уэст» погибло 146 работниц. Расследование выявило антисанитарное состояние фабрики и грубейшие нарушения техники безопасности.

[54] В 1856 здание выставочного комплекса Хрустальный дворец в Манхэттене, считавшееся пожаробезопасным, сгорело всего за полчаса, при этом погибло несколько сот человек.

[55] Шарптон, Александр — американский политический деятель, защитник гражданских прав.

[56] День Святого Патрика (Святого Пэдди), покровителя Ирландии, отмечается в США жителями ирландского происхождения 17 марта. Вершиной праздника является ежегодный парад по Пятой авеню в Нью-Йорке.

[57] спасибо (исп.)

[58]

[59] мескаль — разновидность текилы, настоянная на алоэ; сауза — текила из сока голубой агавы; «маргарита» — популярный в юго-западных штатах США коктейль из текилы и сока лайма.

[60] Иногда в бутылку мескаля кладут червей, которых находят в листьях кактусов. Якобы эти черви обладают психотропным действием и усиливают половое влечение.

[61] тамала — блюдо мексиканской кухни, толченая кукуруза с мясом и красным перцем.

[62] Апостол независимости Кубы, вождь американских народов, борец за человеческое достоинство (исп.)

[63] девочки (исп.)

[64] пиво (исп.)

[65] люди, объединенные в банды (исп.)

[66] старик, он сумасшедший (исп.)

[67] Соединенные Штаты (исп.)

[68] педераст (исп.)

[69] мой отец (исп.)

[70] кубинские революционеры, сторонники Фиделя Кастро (исп.)

[71] сторонники свергнутого кубинского диктатора Батисты (исп.)

[72] «Мертвая рука» (исп.)

[73] свое сердце (исп.)

[74] Соглашение о признании вины обвиняемым заключается между обвинением и защитой в ходе судебного процесса, в результате чего

процесс прекращается, а обвиняемому выносится более мягкий приговор.

[75] боже мой! (фр.)

[76] Проклятие! Боже мой! Бегите, бегите! Жизель, где ты? (фр.)

[77] Fasfion District — «район моды» (англ.)

[78] Керелт, Чарльз — известный американский журналист, много путешествовал по стране, в своих очерках изображал неприглядные картины современной американской действительности.

[79] Одна из самых престижных премий в США в области журналистики, литературы и музыки.

[80] Рэнд, Эйн — американская писательница русского происхождения, в 1923 году эмигрировала из Советской России. В ее самом известном произведении — романе «Атлант расправил плечи» — на фоне увлекательного сюжета излагается четкая философская и экономическая модель общества, основанного на индивидуализме, уважении личности Человека и признании его свободы.

[81] Синглтон, Джон — известный американский кинорежиссер и сценарист.

[82] Ли, Спайк (настоящее имя Шелтон Джексон Ли) — один из самых известных американских чернокожих режиссеров.

[83] Официальное прозвище штата Нью-Йорк.

[84] непереводаемая игра слов: английское слово homes — приятель (на слэнг) созвучно фамилии героя Конан-Дойля.